

М. В. ШАТОВ

**МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ
ОДНР**

в годы 2-й мировой войны

Том 2-й

Всеславянское Издательство

1 9 6 6



**Генерал-Лейтенант
Андрей Андреевич
БЛАСОВ**

Труды Архива РОА в Нью Йорке

Том Второй

М. В. ШАТОВ

МАТЕРИАЛЫ и ДОКУМЕНТЫ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1941-1965)

Всеславянское Издательство
Нью Йорк
1 9 6 6

Works of the Russian Liberation Army Archive in New York

Vol. II

MATERIALS AND DOCUMENTS
of the
LIBERATION MOVEMENT OF THE PEOPLES OF RUSSIA
IN WORLD WAR II
(1941-1965)
By
MICHAEL SCHATOFF

Copyright by the Author
Library of Congress Catalog Card Number: 61-17414

Published by All-Slavic Publishing House, Inc.
New York
1 9 6 6

Все книги издания Всеславянского Издательства
выходят при благосклонном участии и поддержке
князя Сергея Сергеевича Белосельского

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всеславянске Издательстве в Нью Йорке издало в 1961 г. первый том Трудов Архива РОА, — „Библиография Освободительного Движения Народов России в годы Второй мировой войны (1941-1945)”. Библиография охватывает около двух с половиной тысяч названий книг, газет, журналов и статей опубликованных на многих языках.

За прошедшие годы, со дня выхода первого тома, Архив РОА собрал и подготовил к изданию дополнительный выпуск библиографических материалов, которые расширят исследование вопроса о добровольческих формированиях периода Второй Мировой войны 1941-1945 г.г.

В годы военных событий и в послевоенное тяжелое время, погибли все архивы ОДНР. Поэтому приходится восстанавливать отдельные документы и факты по переодическим изданиям военного времени, чудом уцелевшим от гибели. Эти издания являются важными источниками для освещения целей и задач освободительной борьбы. Поскольку эти материалы теперь являются библиографической редкостью, то Архив РОА будет перепечатывать из них отдельные статьи, которые наиболее характерны для определения сути прошлого.

Архив РОА поставил себе целью — сбор материалов и документов, относящихся к истории Освободительного Движения и опубликование их без всяких „сокращений”. История ОДНР должна быть написана честно и без прикрас. От разного рода манипуляций с документами. Освободительное Движение только проиграет. Стыдиться нечему. История ОДНР полна подвигов и безкорыстного служения идее Освобождения Народов России.

Публикацией всех известных материалов мы поможем

будущим историкам сделать вполне объективный, научный и правильный вывод.

Воспоминания участников ОДНР помогут выяснить общую картину и будут серьезным подспорьем для изучения истории Движения. Особое внимание Архив РОА будет уделять официальным советским документам, воспоминаниям, а также отдельным статьям.

Второй и последующие томы предполагается издавать под общим названием — „Материалы и документы Освободительного Движения Народов России” со следующими отделами: Материалы и документы; дневники и воспоминания; статьи и сообщения; обзоры, заметки и хроника.

Архив РОА заранее благодарит всех принимающих и желающих принять участие в его работе. Все материалы просим направлять по адресу:

Archive of ROA
P. O. Box 126
Cathedral Station
New York, New York. 10025

INTRODUCTION

In 1961 the "All-Slavic Publishing House, Inc.," of New York published the first volume of the works of the Archive of the Russian Liberation Army — "**Bibliografiia Osvoboditel'nogo Dvizheniia Narodov Rossii v gody Vtoroi Mirovoi Voiny (1941-1945).**" [Bibliography of the Liberation Movement of the Peoples of Russia during the years of World War II (1941-1945)]. The bibliography includes approximately 2,500 titles of books, newspapers, magazines and articles published in many languages.

Since the appearance of the first volume, the Archive of the Russian Liberation Army (ROA) has collected and prepared for publication a supplementary edition of bibliographical materials which will facilitate research on volunteer units of the period of World War II (1941-1945).

In the years of wartime disorder and the difficult post war period, all the archives of the ODNR were destroyed. Because of this it is necessary to reassemble data from periodical publications of the war period which were miraculously saved from destruction. These publications are important sources of detailed information on the goals of the liberation movement.

Since these materials are now bibliographical rarities, the Archive of the ROA will reprint various articles which are most valuable as a reconstruction of the time.

The Archive has set itself the aim of gathering materials and documents pertaining to the history of the Liberation Movement and to publish them without any „abridgment". The history of the ODNR should be written and prepared without any embellishment.

The Liberation Movement can only lose from any sort of manipulation of the documents. There is no reason for shame.

The history of the ODNR is full of examples of unselfish service to the idea of the Liberation of the Peoples of Russia. By publishing all known materials, we will help future historians to make a completely objective, scientific and worthwhile study.

The recollections of the participants of ODNR will help to clarify the general picture and will be a usefull source in the study of the history of the Movement.

The Archive will pay particular attention to official Soviet documents, memoirs, and individual articles. The second and following volumes will be published under the title — **Materials and Documents of the Liberation Movement of the Peoples of Russia** with the following sections: materials and documents; diaries and memoirs; articles and annoucements; reviews; notes and reports.

The Archive of the ROA thanks in advance all those who took part in and wish to take part in this work. We ask that all materials be addressed to:

Archive of ROA
P. O. Box 126
Cathedral Station
New York, New York. 10025

Материалы и Документы

«Командир передовой дивизии»

Так называется очерк из сборника „Новое в подготовке войск”.

На тактических учениях осенью 1940 года 99-я стрелковая дивизия получила высшую награду Красной армии — переходящее Красное знамя; артиллерия дивизии — переходящее Красное знамя артиллерии Красной армии. Командовал ею Андрей Андреевич Власов...

Об опыте боевой подготовки дивизии, о ее командире неоднократно писали в советских газетах и журналах. Перед нами один из сборников „с той стороны” — „Новое в подготовке войск”, изданный Полит-управлением КОВО. Это книга об итогах тактических учений, о 99-ой дивизии, о командире передовой дивизии — Власове.

Прежде всего, по-новому вчитываешься в статью Андрея Андреевича. Просто, по-деловому, с присущей ему прямолинейностью, рассказывает Власов о результатах своей работы. Без славословий, без лести партии и „гениальному” вождю.

Тот, кто представляет советскую действительность, знает, что избежать таких восхвалений было довольно трудно. Власов умел хранить чувство собственного достоинства.

Зато о людях своей дивизии, о тех, кто неустанным и преданным трудом помогал общему делу, Власов вспоминает с большой теплотой и любовью.

В том же сборнике помещен очерк о самом Власове — „Командир передовой дивизии”. Те качества и талант, которые мы знаем у Андрея Андреевича, по-

могли ему преодолеть трудности советской действительности и возвыситься над нею.

Его заслуженно любили бойцы и командиры 99 дивизии, его имя знала вся армия.

Вот почему победила на тактических учениях 99-я стрелковая дивизия; вот почему так мужественно и смело защищала она в трудный час родные рубежи.

За армию и народ беззаветно сражался и сам Власов на самых опасных и ответственных участках — в окруженном Киеве, на подступах к Москве, на пути к Ленинграду.

Когда же преступная бездарность высшего командования обрекла армию на гибель, Власов не улетел на самолете, не бросил бойцов на произвол судьбы, как бросали их Ворошиловы и Тимошенки, а дрался с ними плечо к плечу, до последней возможности пробивался по лесам и болотам из окружения.

Эта любовь к бойцам и командирам, к армии и народу — смысл жизни Андрея Андреевича.

...За двадцать один год службы в Красной армии тов. Власов приобрел ценнейшее для военачальника качество — понимание людей, которых он призван воспитывать, учить и готовить к бою. Это понимание не книжное, не отвлеченное, а реальное. „Я люблю службу”, — часто говорит тов. Власов. И он умеет раскрывать и поощрять в людях рвение к службе. Он ищет в человеке и развивает в нем военные способности, закаляя их в постоянных упражнениях полевой жизни...

Сам боец, он знает психологию бойца. Боец и командир органически соединяются в нем. Человек бывалый, неприхотливый, приученный к суровой боевой жизни, которая и является для него родной стихией, он всей душой приветствовал новое направление в боевой подготовке войск. Военный профессионал, он давно убедился на практике в могучей силе требовательности. Не раз он видел: чем больше начальник требует от войск, тем больше он уверен, что требования его будут выполнены.

Товарищ Власов вывел дивизию в болота и леса, под открытое небо. Учил для боя, для войны. Пробирался на коне всюду, в близкие и дальние подразделения. Его, самого ро-

слово человека в дивизии, узнавали за несколько километров. Соскочив с коня, он смотрел, как проводят занятия. „Нет, так не пойдет, — сказал он однажды старшему лейтенанту Чикваидзе, — огневой рубеж вы устроили неправильно. Сделайте так, чтобы боец, прежде, чем подойти к нему, совершал перебежки, переползал. Приеду послезавтра, посмотрю”. И, вскочив на коня, он скрылся в лесной чаще, где учились разведчики. Потом догонял часть, совершавшую марш. Ночью неожиданно появлялся в лесном лагере и приказывал горнисту играть тревогу.

Иногда до него доносился ропот. Некоторые считали, что не вынесут напряжения. Но он знал их больше, чем они знали себя. Он был уверен, что пройдет месяц-два, и недовольство сменится чувством удовлетворения. Так и получилось. В борьбе с трудностями даже наиболее слабые обрели силы, постепенно превратились в настоящих бойцов — выносливых, твердых, умелых. Да, теперь они не сетовали, они гордились собой.

Однажды на длительном марше командир дивизии заметил бойца, который делал чрезвычайные усилия, чтобы не выдать своей усталости. Остановив его, Власов предложил:

— Можете сесть на повозку.

— Разрешите продолжать марш, — попросил красноармеец.

-- Зачем же — ведь вы утомились.

— Нет уж, как-нибудь дотяну. Невесело в нашей дивизии на повозке ездить.

Тов. Власов пожал руку-бойцу. Тот весь зарделся и двинулся дальше...

Не терпит тов. Власов гастролеров. Приедет гастролер в часть: тра-та-та, поболтает, туда-сюда заглянет и пишет бумагу в три листа с неизменным заключением: „Так что прошу командира полка выговор”. Командир дивизии спрашивает гастролера:

— Вы сколько времени там были?

— Да часа три целых.

— Так вот что — поезжайте туда на три дня и после возвращения доложите мне, что все недостатки, о которых вы здесь пишете полностью устранены.

Тов. Власов говорит о себе: „Я человек грубоватый”.

Его грубоватость — это прямолинейность. Правду он режет в глаза. Его отношения к командирам человечны, чутки, но он суров и беспощаден к нерадивым и никогда не дает им спуска. Интересен его взгляд на дисциплину.

Три фактора, — говорит он, — определяют поведение человека в бою. Когда он идет на верную смерть, в нем борются два чувства — чувство долга и самосохранения. В иные моменты второй фактор — страх — может взять верх над сознанием. И тут в борьбу должен вступить третий фактор — дисциплина. Чувства долга в союзе с дисциплиной пересиливают инстинкт. Это имеет место не только в бою, но и в обычных условиях.

Уважение к времени он считает важнейшим показателем дисциплинированности. Собrania командиров он проводит не более одного раза в месяц, но требует, чтобы все являлись точно к назначенному сроку. Опоздания стали чрезвычайным происшествием.

Надо все делать быстро и хорошо. Один штабной командир боевые приказы пишет с полным знанием дела, но медленно, долго редактирует их, печатает и снова перепечатывает.

-- Такие темпы нам не годятся, — учит генерал штабных командиров. -- Можно все сто раз обдумать, со всех сторон приглядеться, что и говорить — замечательное решение получится, да поздно уже: дивизия разбита. А мы с вами должны и решать мудро и во-время укладываться.

Враг условностей, тов. Власов тренирует свой штаб в полевой обстановке, похожей на боевую. В течение нескольких часов появляются блиндажи с солидными накатниками, штаб уходит в землю. Занятие происходит на реальных дистанциях...

Наиболее напряженный период в управлении дивизией начался в последний день учений, когда наступил апофеоз взаимодействия, когда секунда, и та, играла важную роль. Пехота, артиллерия, танки и авиация — все четыре рода оружия — объединились для одного удара. Нужно было в секунды рассчитать действия каждого рода оружия и с точностью до секунд осуществить замысел...

Дивизия выполнила задачу точно и во-время потому, что делать все точно и во-время — привычка командира дивизии тов. Власова.

(„Воля Народа“, 31 января 1945 г.)

**О ПРИСВОЕНИИ ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ ВЫСШЕМУ
НАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ СОСТАВУ КРАСНОЙ АРМИИ**

**Постановление
Совета Народных Комиссаров
Союза ССР**

Совет Народных Комиссаров Союза ССР Постановляет:
Утвердить предложение Правительственной Комиссии о при-
своении лицам высшего начальствующего состава Красной
Армии воинских званий, установленных Указом Президи-
ума Верховного Совета Союза ССР от 7 мая 1940 года.

ХШ.

Присвоить звание генерал-майора:

- 52. Богданову Павлу Васильевичу
- 69. Власову Андрею Андреевичу
- 135. Закутному Дмитрию Ефимовичу
- 414 Трухину Федору Ивановичу

Председатель СНК
В. Молотов

Управляющий делами СНК СССР
М. Хломов

Москва, Кремль

4 июня 1940 г.

(„Кр. Звезда” — 6 и 7 июня 1940 г.)

**О ПРИСВОЕНИИ ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ
ВЫСШЕМУ НАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ СОСТАВУ
КРАСНОЙ АРМИИ.**

**Постановление
Совета Народных Комиссаров Союза СССР**

Совет Народных Комиссаров Союза ССР
Постановляет:

Присвоить нижепереименованным лицам, высшего начальствующего состава Красной Армии звания, установленные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года:

Звание генерал-лейтенанта
Власову Андрею Андреевичу

Председатель Совета
Народных Комиссаров
Союза ССР

И. Сталин

Управляющий Делами
Совнаркома СССР

Я. Чадаев

Москва, Кремль
24 января 1942 г.

(„Правда” 25 января 1942 г.)

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР О награждении орденами и медалями СССР начальствующего состава Красной Армии.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить:
Орденом Красного знамени

...17. Генерал-майора Власова Андрея Андреевича

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль
2 января 1942 г.
(„Известия”, 3 января 1942 г.)

Институт Марксизма о ген. Власове

2. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ КРАСНОЙ АРМИИ НА ДРУГИХ УЧАСТКАХ ФРОНТА „.... Летом и осенью 1942 г. сухопутные части Красной Армии активно действовали на северо-западном и центральном участках советско-германского фронта. Во второй половине мая немецкие войска предприняли наступление против 2-й Ударной армии Ленинградского фронта (карта 18). Попытки советских войск расширить плацдарм на левом берегу Волхова и развить наступление в направлении на Любань успеха не имели. Командование группы армий „Север” сумело подтянуть крупные силы и, сосредоточив их у основания любанского плацдарма, создало угрозу окружения находившимся на этом плацдарме соединениям 2-й Ударной армии.

14 мая Ставка приказала отвести 2-ю Ударную армию на восточный берег Волхова. Однако командование Ленинградского фронта не проявило необходимой операции при выполнении этого указания, и в конце мая противнику удалось отрезать 2-ю Ударную армию от главных сил фронта. С тяжелыми боями ее части до начала июля пробивались из окружения. Эти бои хотя и кончились неудачно для советских войск, но на длительное время сковали значительные силы врага. Неблагоприятный исход любанской операции в значительной степени был определен трусостью и бездействием командующего 2-й Ударной армией генерал-майора А. А. Власова, который, боясь ответственности за поражение армии, изменил Родине и добровольно перешел к гитлеровцам”...

(„История Великой Отечественной Войны Советского Союза” Москва, 1961. Том Второй, Глава Одиннадцатая, стр. 470).

ПРОВАЛ НЕМЕЦКОГО ПЛАНА ОКРУЖЕНИЯ И ВЗЯТИЯ МОСКВЫ

Поражение немецких войск на подступах Москвы

На 1-й стр. газеты помещены портреты 9 генералов во главе с командующим Западным фронтом генералом Армии Г. К. Жуковым. Среди них портрет ген. Власова

...в). Войска генерала Власова, преследуя 2-ю танковую и 106-ю пехотную дивизии противника, заняли г. Солнечногорск.

(Совинфорбюро, „Известия”, 13 дек. 1941 г.)

Войска ген. Власова развивают успех

Солнечногорск. 15 декабря. (По телефону от наш. спец. корр.). Нанеся сокрушительный удар фашистским захватчикам и освободив Солнечногорск, войска генерала Власова продолжают преследование отступающих частей противника. Выясняется, что число трофеев, захваченных под Солнечногорском, значительно больше, чем предполагалось раньше. Достаточно сказать, что в районе одной из деревень вчера дополнительно обнаружено несколько сот всевозможных транспортных автомашин, брошенных германо-фашистскими войсками.

Оставив Солнечногорск, противник пытался закрепиться на рубеже Истринского водохранилища, на западном берегу которого он воздвиг укрепления. Немцы спустили воду из хранилища, отчего лед разломался и осел. Кроме того, враг минировал эту ледяную преграду, за которой он надеялся укрыться от преследований наших частей.

Бой за Истринское водохранилище был исключительно упорным и трудным. Он длился больше двух суток. Часть тов. Гриценко показала в этом бою свою непреклонную волю к победе. Она в трудных условиях снежных заносов и выюг преодолела упорное сопротивление врага. Большую роль здесь сыграли разведывательные партии. Они нащупывали проходы в минных заграждениях и пути для переправы по льду на западный берег. Тртовалось большое умение маскироваться, чтобы незаметно пробраться через ледяную преграду и выбрать наиболее безопасный путь.

Атака Истринского водохранилища была проведена прошлой ночью. Бойцы части Гриценко с громким „ура“ бросились на противника, смяли его и обратили в бегство. Так пал один из естественных рубежей, на который нем-

цы возлагали большие надежды. Ворвавшись на западный берег Истринского водохранилища, наши части продолжили преследование противника, нанося ему большие потери.

Следующую попытку задержаться немцы сделали на рубеже двух деревень, превращенных в довольно сильно укрепленный узел сопротивления. Бойцы части Чистякова окружили эти деревни с трех сторон. Успех этого боя решил батальон Масленникова. Танки этого батальона, везя на своей броне бойцов-автоматчиков, ворвались в первую деревню. Танкисты подавили три вражеские пушки. Автоматчики уничтожили расчеты еще трех немецких орудий. Эти орудия, оказавшиеся в полной исправности, были тут же повернуты в сторону врага. Началось паническое бегство немецких солдат.

Стремительным ударом наши бойцы выбили немцев из следующей деревни, расположенной поблизости. Таким образом был очищен узел неприятельского сопротивления. Попытка противника задержаться на этом рубеже потерпела неудачу.

На запад от Солнечногорска наши войска освободили от немецких оккупантов 29 населенных пунктов. Преследование противника и жаркие бои продолжаются.

(„Кр. звезда”, 15 декабря 1941 г.)

Как был взят в плен ген. Власов

Среди пленных, взятых германскими войсками при окружении большевиков в районе реки Волхов, находится и сам командующий 2-ой советской ударной армией генерал-лейтенант Власов.

Отдельные, разрозненные группы этой армии блуждали в лесах и по болотам и, в поисках пропитания, нападали на мирных жителей окрестных деревень.

Из донесений стало известно, что и сам командующий скрывался в волховских лесах. Германским солдатам были сообщены приметы генерала Власова.

После одной из стычек с бродячей большевистской бандой разнесся слух, что Власов был убит. Но слух этот не подтвердился. Германский офицер, выяснивший, что советский командующий жив, на обратном пути проезжал деревню, бургомистр которой сообщил ему, что в одном из домов скрывается большевистский командир и с ним какая-то женщина.

Офицер арестовал неизвестного. Последний был одет в длинную блузу, которую обычно носят чины советского командного состава. Германский офицер сразу узнал Власова по роговым очкам, но тот, не дожидаясь вопроса, на логанном немецком языке сказал:

— Не стреляйте! Я — генерал Власов.

Предъявленными им документами, а также очной ставкой с другими пленными командирами — личность Власова была точно установлена.

Генерал-лейтенант Власов, Андрей Андреевич, в чине генерал-майора в декабре 1940 года командовал 99-ой стрел-

княвой дивизией, считавшейся лучшей дивизией Киевского Особого Военного Округа.

Готовясь к войне с Германией, советское высшее командование заранее подобрало командный состав для красной армии. Генерал Власов, в начале войны командовавший дивизией, зимой получил в командование 2-ую ударную советскую армию и на него было возложено выполнение важной операции. Он должен был прорвать линию германского фронта на Волхове, а затем разорвать кольцо, сжимающее Петербург. Задания этого Власову выполнить не удалось — армия его была уничтожена и сам он очутился в плену.

(Берлин, „Новое Слово”,
19 июля 1942 г.)

Кредитное Соглашение

18-го января 1945 года в Берлине подписано кредитное соглашение между Германским Правительством и Комитетом Освобождения Народов России.

Подписание этого кредитного соглашения является новой вехой на пути общей борьбы против большевизма. Освободительное Движение получает прочную материальную базу в виде кредита, который Германское Правительство предоставляет Комитету Освобождения Народов России.

Отныне перед нами открываются новые широкие возможности по укреплению материальной базы нашего движения.

То дело, душой которого является генерал Власов, зародилось и начало крепнуть в трудных условиях, когда не для всех было до конца ясно, где правда, кто самый страшный враг свободолюбивых народов России и всей Европы.

Германское Правительство оказывает широкую поддержку Освободительному Движению Народов России, не претендуя на честь и суверенные права нашей Родины. Заключенное 18-го числа кредитное соглашение между Германским Правительством и Комитетом Освободительного Движения Народов России представляет один из важных моментов, доказывающих то взаимопонимание и обоюдное доверие, которые в настоящее время имеют место между руководителями Германского государства и нашим Комитетом, возглавляемым генералом Власовым.

Обе стороны, подписавшие кредитное соглашение отдают себе ясный отчет в том, что еще надо сделать для того, чтобы Освободительное Движение Народов России развернулось в такую силу, которая была бы способна уничтожить большевизм в нашей стране. Германия, которая шестой год ведет войну, естественно, не может немедленно, „как по щучь-

ему веленью”, вооружить и обмундировать миллионы наших соотечественников, стремящихся уже сегодня встать на активную борьбу с большевизмом на поле брани. Но все мероприятия в этом направлении проводятся с той интенсивностью, какая допускается обстоятельствами. В этом смысле подписание, именно теперь, кредитного соглашения между Германманским Правительством и Комитетом Освобождения Народов России также полно значения.

Наше движение имеет свои самостоятельные цели, не зависящие от политики никакого другого государства. Эти цели четко сформулированы в Манифесте Комитета Освобождения Народов России. Ради скорейшего осуществления на практике идей Манифеста, ради спасения наших отцов, матерей, жен и детей из-под власти большевизма мы принимаем дружественную поддержку от тех сил, которые нам готовы ее оказать. Таким образом, помощь нашему Освободительному Движению со стороны Германии соответствует интересам Германии и национальной России. То обстоятельство, что наши братья сражаются в настоящее время в рядах Красной армии против германских солдат, ничего здесь, по существу, изменить не может.

Вот почему кредитное соглашение между Германским Правительством и Комитетом Освобождения Народов России, еще раз подчеркивая политическую и правовую самостоятельность Освободительного Движения, обретающего самостоятельную материальную базу как раз в то время, когда борьба с большевизмом должна стать для нас неотвратимой обязанностью сегодняшнего дня. На эту борьбу воинские части Освободительного Движения выступают подготовленными настолько, насколько это возможно в настоящих обстоятельствах.

(„Воля народа”, № 8 (21), 24 янв. 1945 г., передовая).

За Новую Свободную Россию

**НАЧАЛЬНИКУ ШКОЛЫ ПРОПАГАНДИСТОВ РОА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Ф. И. ТРУХИНУ**

Поздравляю Вас, постоянный состав и курсантов с десятым выпуском!

Пропагандисты, Воспитанные вашей школой, своим скромным и упорным трудом на фронте и в лагерях военнопленных творят большое общенародное дело.

Дорогие друзья!

Распространяйте наши идеи, объединяйте русских людей на борьбу против большевизма.

Мы победим!

Генерал-лейтенант Власов

(„Заря”. № 89 (192).
5 ноября 1944 г.)

Школа политических бойцов

Судьбу каждого дела решает человек и его творческая воля. Судьба политического движения зависит от политических, нравственных и деловых качеств ее сторонников. Для победы движения мало одной убежденности его последователей в своей правоте. Нужно, чтобы движение располагало определенными кадрами людей, фанатично преданных своим идеям, ясно понимающих историческую обстановку и готовых на любые жертвы ради их осуществления.

На днях наше движение должно получить полную свободу для своего развития. У всякого думающего человека невольно возникает вопрос, располагаем ли мы нужным количеством политических кадров, способных поднять идеи, понести их в народную гущу и добиться их торжества. В этом важнейшем политическом вопросе наше движение подготовило большевизму пренеприятный сюрприз.

В скором времени после первого выступления генерала Власова в местечке Г., появились курсы пропагандистов Освободительного движения. За два года работы через курсы прошли тысячи людей. Сюда съезжаются добровольцы из лагерей военнопленных, желающие познать новую идеологию, а также офицеры и солдаты РОА. В первые дни душа большинства людей, попадающих в лагерь, напоминает напуганного, свернувшегося ежа.

Политический террор большевиков и идеологический гнет наложили глубокую печать на сознание советского человека. Человек держит свою душу застегнутой на все пуговицы и в каждом собеседнике подозревает провокатора и доносчика. Но он скоро замечает, что сомнения, какие бы они ни были, дерзкие вопросы, возражения, воспринимаются спокойно и находят деловые, обстоятельные разъяснения,

Разъяснение и только — никакого раздражения, никаких репрессий! Внезапно у человека появляется чувство веры в то, что он окружен не врагами, а такими же, как сам, ищущими правду людьми. Непривычное отрадное чувство духовной свободы охватывает человека. Его душа раскрывается, речь делается откровенной, и с товарищами завязывается та настоящая дружба, при которой уже ничто существенное не скрывается от близкого.

Вот поэтому школа всегда вспоминается с любовным чувством ее питомцами. В создании благоприятной атмосферы переубеждения людей исключительная заслуга принадлежит генерал-майору Трухину.

Ежедневно он принимал десятки людей — преподавателей и курсантов, — приходивших с докладами, вопросами и подчас с кляузными и доносами. Склочники и любители сексотской службы никогда не забудут генерала Трухина. Он встречал их с откровенной брезгливостью и закрывал для них двери к делу пропаганды. Может поэтому некоторые говорят, что в правильности избранного ими пути их убедила атмосфера глубокой нравственности, прививаемая в Школе.

В настоящий момент производится десятый выпуск окончивших школу. Это — новая заслуга школы перед русским народом. Но не только в переубеждении и подготовке политических кадров заключается значение школы. В ее стенах скопились люди, нашедшие в себе силы и знания, чтобы, опираясь на указания генерала Власова, взяться за разработку идеологии Русского Освободительного движения. Прделан громадный труд по разработке критики большевизма и созданию новой глубоко народной идеологии. Девизом этих коллективных усилий персонала школы было: „Ничего не принимать на веру, все подвергать критике, отметить антинародное и принимать все, что служит на благо нашим народам”. В этой большой работе особая заслуга принадлежит старшим преподавателям А. Зайцеву и М. Першину. В результате проделанной работы мы можем с полным основанием утверждать, что наше движение располагает и своей идеологией, и политическими кадрами пропагандистов.

Пропагандную школу Освободительного движения окончили тысячи людей. Эти кадры работников вовсе не являют-

ся носителями каких-либо партийных привилегий. Каждый из них — это всего лишь первичный организатор русского национального дела, который должен собирать всех русских людей для борьбы с большевизмом и для строительства нового государства. В этой грядущей творческой работе каждый займет свое место сообразно своим деловым и нравственным качествам.

Большевизм, как политическое течение, опасается и люто ненавидит прежде всего своих идеологических противников. Каждый из нас это прекрасно знает и, вступая на путь идеологической борьбы с большевизмом, бесповоротно определяет свою жизнь. Наш идеал освобождения Родины высок и честен, наша идея возрождения национальной России, организованной на социальной справедливости, — величественна. Ради такого исторического дела стоило родиться, а если придется, — то стоит умереть. Так думает каждый наш политический борец.

(„Заря” № 89 (192). 5 ноября 1944 г.)

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
О СОЮЗЕ МОЛОДЕЖИ НАРОДОВ РОССИИ ПРИ КОНР
(Утверждено КОНР 17 декабря 1944 г.)

1. Определение и задачи.

В 1947 году С. М. Н. Р. переименовался в Боевой Союз Молодежи Народов России (Б. С. М. Н. Р.). В 1948 г. Б. С. М. Н. Р. переименован в Союз Борьбы за Освобождение Народов России (С. Б. О. Н. Р.).

1. Союз Молодежи Народов России (С. М. Н. Р.) есть идейное и организационное объединение антибольшевистских сил народов России.

2. Основными задачами С. М. Н. Р. в настоящее время являются:

- а) объединение молодежи народов России в единый союз молодежи и воспитание ее в духе беззаветной преданности идеям Манифеста Комитета Освобождения Народов России;
- б) всемерная и практическая поддержка Комитета в борьбе против большевизма за свободу, лучшее будущее и независимость нашей Родины;
- в) подготовка всесторонне развитого молодого поколения;
- г) забота о духовных, общественных и бытовых нуждах молодежи.

3. Объединение молодежи в единый „Союз Молодежи Наро-

дов России" должно происходить по трем основным направлениям:

- а) объединение представителей молодежи всех народов, населяющих территорию России, на принципах равноправия, дружбы и сотрудничества;
- б) объединение всей, находящейся по эту сторону фронта молодежи, работающей в промышленности и сельском хозяйстве, молодежи, служащей в различных воинских соединениях, молодежи, временно находящейся в лагерях военнопленных, и эмигрантской молодежи;
- в) объединение молодежи, находящейся на территории Германского Рейха, с представителями молодежи, находящейся по ту сторону фронта, тем или иным способом ведущей борьбу против большевизма на территории Советского Союза, или еще являющейся недовольными его защитниками.

2. Члены С. М. Н. Р.

1. Члены С. М. Н. Р. подразделяются на:

- а) „Власовцев” — юношей и девушек в возрасте от 17-ти до 25-ти лет ;
- б) „Юных Власовцев” — мальчиков и девочек в возрасте от 7-ми до 17-ти лет;
- в) руководителей С. М. Н. Р.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. „юные власовцы”, в свою очередь, делятся на три возрастных группы: младшую (от 7 до 11), среднюю (от 11 до 15) и старшую (от 15 до 17).
2. членами С. М. Н. Р. могут быть и лица старше 25-ти лет в том случае, если они занимают руководящую должность в Союзе.

2. „Власовцем” может стать каждый представитель (— ница) молодежи одного из народов России, который, независимо от его прежних на территории Советского Союза политических взглядов и рода деятельности:

- а) готовится к участию или же участвует в работе и борьбе за свою Родину;
- б) идейно и действенно присоединяется к Манифесту КОНР от 14 ноября 1944 года;
- в) обязуется подчиняться уставу, правилам и дисциплине С. М. Н. Р.;
- г) подаст в ближайшую организацию С. М. Н. Р. собственноручное заявление о желании вступить в Союз с приложением краткой автобиографии;
- д) но за время своего нахождения на работе в Рейхе не опорочил себя ни морально, ни политически перед своим народом.

3. Каждый „власовец” обязан:

- а) всеми своими действиями и повседневной своей жизнью укреплять братство народов России;
- б) всегда и всюду разъяснять и распространять идеи Манифеста КОНР и неуклонно бороться с коммунистическим влиянием и заблуждениями в среде молодежи народов России;
- в) в своей личной жизни подавать пример жертвенного служения высоким идеалам и честного исполнения своего долга перед Родиной и соотечественниками;
- г) действенно участвовать в борьбе против большевизма;
- д) всеми силами стремиться к накоплению и углублению своих знаний волевых и физических сил (к самоусовершенствованию);
- е) оказывать братскую помощь и защиту „юным власовцам”;
- ж) исполнять все задания организации, уплачивать членские взносы и полностью подчиняться дисциплине С. М. Н. Р.

4. „Власовец” может перестать быть членом С. М. Н. Р. по собственному желанию или в результате исключения из Союза.



**Псков. 1943 г. Парад частей РОА. Знаменосец
кап. Григорий Ламсдорф.**



**Орша. 1942 г. Офицеры штаба Русской Национальной Народной
Армии. (Полк. К. Г. Кромиади и полк. А. Бочаров).**



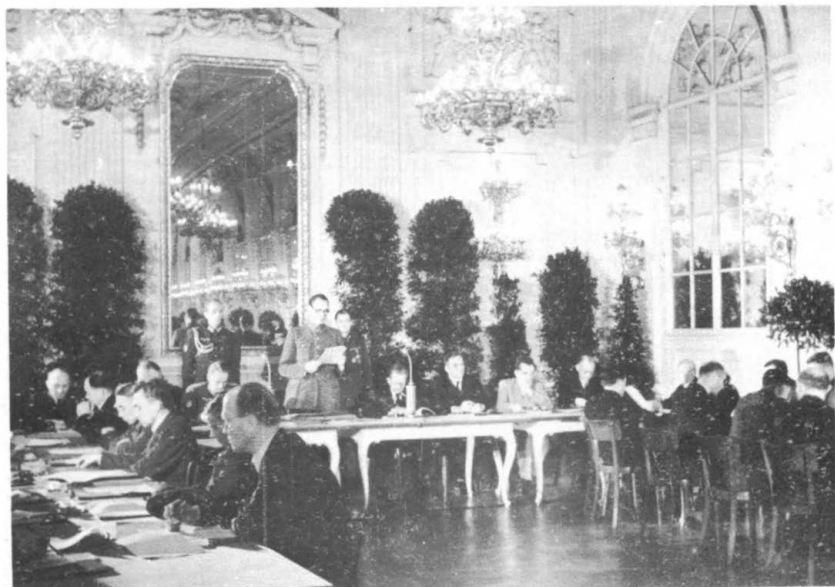
Берлин. 1943 г. Генерал Власов беседует с кап. Эрстовым и полк. Кромиади.



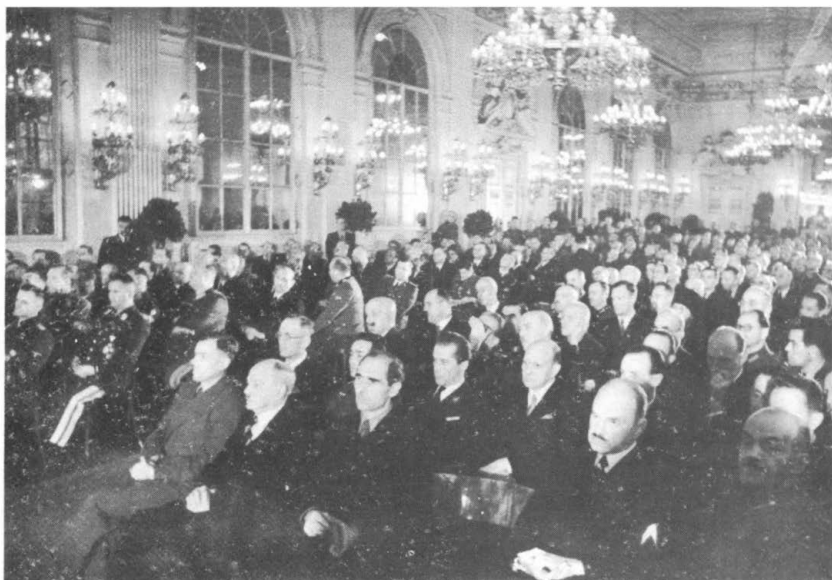
Берлин-Дабендорф. 1943 г. Генерал Власов со своим штабом. (Полк. К. Г. Кромиади, кап. А. Антонов поруч. В. Мельников и представитель немецкого штаба С. Фрелих).



Берлин-Дабендорф. 1944 г. Ген. Власов, ген. Трухин на выпуске. Школы пропагандистов.



Прага. 1944 г. Председатель КОНР'а ген. А. А. Власов читает Манифест Освободительного Движения Народов России.



Прага, 1944 г. Зал заседания при обнародовании Пражского
Манифеста.



Прага. 1944 г. Заседание КОНР'а.

5. Исключение из С. М. Н. Р. может быть временное и постоянное. Решение об исключении из Союза выносится в низовой организации Союза и утверждается окружным (городским) комитетом С. М. Н. Р.

6. „Власовцем” не должен именоваться тот, кто:

- а) будучи членом Союза, исповедует враждебные делу освобождения Родины идеи;
- б) каким-либо образом пятнает имя России, своего народа и Союза Молодежи Народов России;
- в) состоя в Союзе, проявляет полное равнодушие к работе Союза и бездеятельность;
- г) проповедуя идеи Союза, в своей личной жизни проявляет распущенность, нечестность, хулиганство;
- д) не подчиняется дисциплине Союза;
- е) нарушает правила товарищества, кляузничает, ставит свой личный интерес выше общего.

7. Прием, права, обязанности и исключение из организации „юных власовцев” С. М. Н. Р. предусматриваются особыми правилами.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА.

1. Временную организацию С. М. Н. Р. составляют:

- а) Центральный Организационный Комитет и его рабочий орган Центральное Управление Молодежи;
- б) Областные Организационные Комитеты и рабочие органы — областные отделения Центрального Управления Молодежи;
- в) окружные и городские организационные Комитеты и их рабочие органы окружные и городские отделения Центрального Управления Молодежи;
- г) низовые организации С. М. Н. Р.

2. Центральный Организационный Комитет организуется инициативным путем и утверждается Президиумом КОНР. В состав Организационного Комитета входят, с правом решающего голоса, представители всех Национальных советов КОНР, как председателя национальных секций С. М. Н. Р. Он избирает из своей среды Совет в составе председателя, заместителя председателя, секретаря и двух членов, утверждаемый Президиумом КОНР.

В обязанности Центрального Организационного Комитета входит:

- а) руководить и направлять всю работу Союза Молодежи как на территории Рейха, так и по ту сторону фронта;
- б) представлять кандидатов на должности в Управление Молодежи;
- в) выработать: устав, программу, положение, правила и инструкцию о работе С. М. Н. Р.;
- г) через национальные секции С. М. Н. Р., находящиеся под председательством представителей Национальных Советов КОНР, направлять культурно-самобытную работу молодежи отдельных национальностей;
- д) утверждать членов и советы областных организационных комитетов;
- е) представлять кандидатов на должности и представительства по делам молодежи при областных уполномоченных КОНР;
- ж) контролировать работу областных организационных комитетов;
- з) кооптировать, по собственному усмотрению, новых членов Центрального Организационного Комитета.

3. Областной организационный комитет образуется инициативным путем и утверждается Центральным Организационным Комитетом. В него входят представители той или иной национальности в той пропорции, в которой молодежь этой национальности имеется в данной области. Он избирает из

своей среды совет в составе: председателя, заместителя председателя и секретаря. Членов совета утверждает Центральный Организационный Комитет.

В обязанности областного организационного комитета входит:

- а) руководить организацией и работой С. М. Н. Р. в данной области;
- б) утверждать членов и советы окружных и городских орг. комитетов;
- в) контролировать работу окруж. и гор. оргкомитетов;
- г) кооптировать, по усмотрению, новых членов обл. оргкомитетов.

4. Окружные и городские организационные комитеты образуются инициативным путем и утверждаются Обл. Орг. Комитетом. В них входят представители той или иной национальности в той пропорции, в которой молодежь этой национальности имеется в данном округе, районе или городе. Окружные и городские оргкомитеты избирают из своей среды совет в составе: председателя, заместителя председателя и секретаря — утверждаемый Обл. Орг. Комитетом.

В обязанности окружных и городских орг. комитетов входит:

- а) организовать и руководить С. М. Н. Р. в данном округе (в городе) ;
- б) утверждать председателей и должностных лиц первичных организаций Союза;
- в) контролировать прием членов в первичные организации и работу этих организаций;
- г) утверждать или отклонять решения об исключении из С. М. Н. Р.;
- д) кооптировать, по усмотрению, новых членов окр. и гор. орг. комитетов;

5. Временную организацию руководства „Юных Власовцев” составляют:

- а) начальник главного штаба „Юных Власовцев”, избираемый из своей среды Центральным Организационным Комитетом;
- б) начальник областного штаба „Юных Власовцев”, назначаемый начальником главного штаба по согласованию с обл. орг. комитетом;
- в) начальник окружного (городского) штаба „Юных Власовцев”, назначаемый начальником областного штаба по согласованию с окр. (гор.) комитетом;
- г) начальники дружин и отрядов „Юных Власовцев”, назначаемые н-ками окр. (гор.) штабов или н-ками обл. штабов, если по малочисленности существующих налицо соединений, должность окр. (гор.) н-ка штаба не установлена.

4. НИЗОВЫЕ ПЕРВИЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА.

Основой Союза являются первичные организации при фабриках, заводах, сельскохозяйственных предприятиях, в лагерях для рабочих с востока, воинских частях Освободительной Армии, лагерях военнопленных и других предприятиях или организациях при наличии не менее 10-ти членов Союза.

Там, где членов Союза меньше 10-ти человек и условия роста организации ограничены, члены Союза прикрепляются к другой, близко расположенной или тяготеющей по производственному или другому принципу организации.

Низовая первичная организация Союза объединяет молодежь в зависимости от возраста: с 7 до 17 лет в отряды „Юных власовцев”, с 17 лет — в ячейки власовцев.

В свою очередь, „юные власовцы” разбиваются на отряды:

Младшего возраста — с 7 до 11 лет,
 среднего возраста — с 11 до 15 лет,
 старшего возраста — с 15 до 17 лет.

Каждая возрастная группа может быть организована при наличии не менее 5-ти человек молодежи (мальчиков и девочек) данного возраста.

Отряды „юных власовцев” делятся на звенья (6 — 10 чел.) и руководятся начальниками (воспитателями) отря-

дов, назначаемыми по согласованию с окружными (городскими) комитетами Союза, начальником вышестоящего штаба „Юных власовцев”.

Звеньевые назначаются начальником отряда.

Члены Союза, объединяемые в ячейки „власовцев” (с 17 лет), выбирают из своей среды или по рекомендации окружного (городского) комитета Союза председателя ячейки. Если ячейка насчитывает более 15 членов Союза, то общим собранием при открытом обсуждении и голосовании выбирается совет ячейки из 3-х (5-ти) человек (председатель, секретарь и члены (1-3) совета.

Ячейки и отряды нормально разнонационального состава. Однонациональные ячейки и отряды могут быть только в лагерях однонациональных по своему составу.

При выборе членов совета ячейки следует стремиться, сохраняя качественный принцип отбора, к тому, чтобы в совете были представители национальностей, имеющих в данном лагере. В разнонациональных ячейках могут быть созданы национальные секции молодежи в зависимости от национального состава лагеря. Принадлежность к той или иной национальной секции определяется не территориальным происхождением, а национальным сознанием и свободным волеизъявлением члена С. М. Н. Р.

В лагерях, организациях, предприятиях и т. п., где отряды „юных власовцев” имеют свыше 50-ти человек, а ячейка „власовцев” — свыше 100 человек членов Союза, могут быть организованы, с утверждения окружного (городского) комитета Союза, молодежные отряды и ячейки по цехам, участкам, отделах — соблюдая производственный принцип организации.

В этом случае отряды нумеруются и, в целом, называются дружинами. Начальника дружины назначает начальник штаба „юных власовцев” округа (города) по согласованию с соответствующим организационным комитетом Союза Молодежи.

Ячейки „власовцев” одного предприятия, лагеря или организации на общем собрании ячеек избирают совет ячеек, который является для каждого совета ячейки и членов ячейки, в целом, руководящим органом.

При близком территориальном расположении лагерей, предприятий и др. организаций, где созданы первичные ор-

ганизации Ссоюза, дружины могут быть организованы из отрядов разных организаций. В этом случае таких отрядов в дружине должно быть не менее 3-х.

Председатель ячейки (или совета ячейки) и начальники дружин и отрядов организуют из себя совет низовой организации Союза, который принимает и исключает из членов Союза, планирует, руководит и учитывает всю деятельность низовой первичной организации, а также представляет ее в отношениях с другими организациями. Председателем совета является председатель ячейки „власовцев”.

Первичная низовая организация — ячейка — является основой Союза Молодежи. В ней ведется вся работа по воспитанию молодежи в духе жертвенного служения своему народу, в духе беззаветной преданности делу Освобождения Народов России. Ячейка является первой школой, выковывающей идейных борцов за Новую Россию.

В этих целях ячейка:

- а) пропагандирует идеи КОНР среди членов Союза и несоюзной молодежи;
- б) организует членов Союза для активного участия в политической жизни за осуществление идей КОНР;
- в) проводит в жизнь все мероприятия Оргкомитета Союза Молодежи;
- г) вовлекает несоюзную молодежь в свою организацию;
- д) борется за улучшение производственных и культурно-бытовых условий своих соотечественников;
- е) руководит военно-физкультурной работой среди молодежи, организуя военно-спортивные кружки, соревнования, игры и т. п.;
- ж) организует культурно-просветительные мероприятия для молодежи (вечера, кино, концерты, экскурсии, лекции и т.д.);
- з) ведет воспитательную работу, борясь с аморальными явлениями и вредными привычками среди молодежи.

Низовая первичная организация подотчетна вышестоящему (окружному, городскому) оргкомитету Союза.

Все постановления вышестоящей организации обязательны для нижестоящей организации Союза также как для членов Союза обязательны приказы начальника (в отрядах „юных власовцев“) и указания председателя или совета (в ячейках — „власовцев“).

Начальники отрядов, дружин и штабов подчиняются прямо один другому снизу вверх.

До съезда и утверждения устава Союза Молодежи Народов России, первичные низовые организации при фабриках, лагерях, предприятиях и т. п. создаются, по инициативе молодежи данного предприятия (т.е. мене 3-х человек), которые подают, каждый отдельно, личные заявления с автобиографией в окружной (городской) оргкомитет Союза.

Окружной комитет Союза высылает (или прикрепляет) на предприятие с которого получены заявления, своего уполномоченного и начальника штаба „юных власовцев“ для проведения общего собрания молодежи, выбора председателя или совета ячейки „власовцев“ и назначения от начальников отрядов „юных власовцев“.

В дальнейшем, после создания первичной организации, все вопросы приема и вовлечения в члены союза, а также и исключение из членов Союза разрешаются советом низкой первичной организации и утверждаются вначале общим собранием, а затем окружным оргкомитетом Союза.

Для вступления в Союз требуется личное заявление и автобиография. Перед обсуждением заявления о приеме на заседаниях совета председатель (или член совета) или начальник отряда лично знакомится с кандидатом, подавшим заявление.

Членский билет вступившему в Союз выдается не раньше, чем через месяц, но и не позднее, чем через три месяца после решения общего собрания о приеме в члены Союза.

Членские взносы с членов Союза взимаются ежемесячно со дня выдачи членского билета:

С зарабатывающих свыше 500 марок	3 %
„—“, от 300 до 500	— 2 %
„—“, от 100 до 300	— 1 %
„—“ до 100	— 50 пф.

Члены Союза, не имеющие заработка, (иждивенцы, военнопленные) членского взноса не платят.

5. МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА

Материальными источниками С. М. Н. Р. являются:

- а) Средства, отпускаемые на нужды Центрального Управления Молодежи КОНР;
- б) Средства, поступающие от членских взносов;
- в) Средства, поступающие от различных сборов взаимопомощи;
- г) Пожертвования отдельных организаций и частных лиц.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Впредь до принятия учредительным съездом Союза Молодежи Народов России устава и программы Союза, во всех вопросах, связанных с созданием и работой С. М. Н. Р., надлежит руководствоваться издаваемыми для этой цели Центральным Организационным Комитетом С. М. Н. Р. временными положениями, правилами и инструкциями.

(Подлинник — Архив РОА)

Письмо ген. Меандрова

[Письмо ген. Меандрова командующего Группой Войск РОА адресовано полк. А. Г. Алдан, Зам. нач. Шт. РОА из лагеря военно пленных Ганакер (Германия) в лагерь вил. Платтлин. Письмо было размножено и доведено до сведения всех солдат и офицеров в декабре 1945 г. В апреле 1946 г. генерал Меандров вместе с ген. Севастьяновым и Айсбергом были выданы американцами советам. На одном из допросов в присутствии советских офицеров, ген. Меандров пытался покончить самоубийством].

25. 11. 45

Многоуважаемый Андрей Георгиевич!

Большое спасибо Вам за информацию о Вашей судьбе. До нас доходили кое-какие слухи, имевшие мрачную окраску. Нас очень беспокоила судьба всех Вас. Теперь кажется все улеглось и наиболее тяжелое и трагическое осталось позади. Если это так, то нужно искать пути в будущее. Без цели и перспектив жить нельзя. До сего времени мы все жили моментом, сегодняшним днем и нашей целью было спасти себя и других. Как после всякого поражения, нужно отступить с максимальным сохранением сил. Этот период заканчивается. Отошли с большими потерями, но закалились. Нужно выбрать новую позицию. Тут каждый сам себе голова, сам себе начальник. Надо принять решение на какой позиции встать и с какими целями. Каждый должен самоопределился. Позиций много и решений может быть еще больше. Судьба готовит нам второй экзамен. Выдержим ли мы его? Разойдемся каждый по своим узеньким тропинкам или выйдем все на широкую общую дорогу. Каждый должен решить вначале самый главный вопрос: жить или прозябать? Первое требует устремлений к новому, борьбы и жертвы.

Второе — мягкой постели.

Ваш лагерный университет, — доброе начинание. В Платтлинге, — кружок самообразования. Это объединяет и, если не направляет, то все же толкает в будущее и, следовательно, помогает самоопределиться.

Хотел написать всем больше письмо, но передать его трудно. Не знаю смогу ли переслать Вам и эту записку. Прошу передать всем офицерам и солдатам мой привет и лучшие пожелания здоровья, сил и бодрости. Мысленно всегда с Вами и всякие вести о Вас волнуют и радуют. Пишите, если возможно.

Будем надеяться, что недолго осталось томиться и настанет день освобождения и встречи. Я лично смотрю вперед бодро. Чем дальше, тем будет легче.

Всего доброго. Крепко жму руки всем.

Ваш Меандров

P. S.: Привет всем от всех генералов.

(Архив РОА, — подлинник)

О РЕШЕНИИ ВСЕКАЗАЧЬЕГО СЪЕЗДА

Генерал-лейтенант В. Г. Науменко, известный казачий деятель, участник Белой борьбы, присоединившийся к ОДНР. В письме речь идет о приказе, который публикуется ниже.

9 октября 1962 г.

Глубокоуважаемый
г. Шатов!

Прошу простить за то, что обращаюсь к Вам по фамилии. Я не знаю Вашего отчества.

Копию с копии, о которой мы говорили вчера, я Вам посылаю.

Насколько она является действительно копией с приказа Власова, я решить не могу.

Сомнительным мне кажется то, что, насколько я знаю, в марте 1945 года действительно был съезд казаков корпуса Паннвица. Может быть они назвали свой съезд Всеказачьим, но это не давало им право решать и выносить постановления от имени казаков вообще.

У меня есть данные об этом съезде, но я сейчас не могу их найти. Как найду, Вам сообщу.

Все же прошу не отказать навести справку в имеющихся Архивах, может быть там этот приказ имеется, если же нет, то высказаться, можно ли такой „документ” рассматривать как действительно Документ.

Будьте здоровы.

Искренне уважающий Вас

В. Г. Науменко

(Вячеслав Григорьевич)

Копия с копии.

П Р И К А З

Вооруженным силам КОНР

20 апреля 1945.

№ 30/ф. р.

Ставка.

§ 1

Всеказачий съезд состоявшийся 24. 3. 1945 г. единогласно принял решение об объединении Казачьих Войск с В. С. КОНР.

№ 2

Все казачьи войска входят отныне в состав В. С. КОНР и поступают в мое подчинение, как Председателя КОНР и Главнокомандующего В. С. КОНР.

§ 3

Походным Атаманом Казачьих Войск съезд избрал Генерал-Лейтенанта фон Паннвиц.

§ 4

Приказ объявить всем соединениям, частям и учреждениям В. С. КОНР.

п/п Главнокомандующий ВС КОНР
Генерал-Лейтенант Власов

Начальник Штаба
Генерал-Майор Трухин

С подлинным верно
Начальник Отдела формирований
штаба ВС. КОНР
Полковник Денисов.

Переписка генерала А. И. Деникина с генералом Айзенгауэром и сенатором Ванденбергом по поводу

НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕПАТРИАЦИИ

В декабре 1945 года генерал Деникин прибыл в Соединенные Штаты. Вскоре в газетах начали появляться сведения о насильственной репатриации б. советских военнопленных — Власовцев, казаков и других и об ужасах, творившихся при этом.

Ген. Деникин обратился за содействием к ген. Айзенгауэру. Свое письмо, в котором он обрисовал страшную судьбу этих несчастных людей и меры принуждения, к которым прибегали американская и английская стража, закончил он следующими словами:

„Я могу себе представить, какие чувства должны испытывать американские офицеры и солдаты — участники таких экзекуций...

Ваше Превосходительство, я знаю, что имеются „Ялтинские параграфы”, но ведь существует еще, хотя и попираемая ныне, традиция свободных демократических народов — Право Убежища.

Существует еще и воинская этика, не допускающая насилий даже над побежденным врагом.

Существует, наконец, христианская мораль обязывающая к справедливости и милосердию.

Я обращаюсь к Вам, Ваше Превосходительство, как солдат к солдату и надеюсь, что голос мой будет услышан.

Прошу принять уверения в моем искреннем уважении.

Генерал А. Деникин.

Бывший главнокомандующий русскими армиями 1917-1920 г.г.

ОТВЕТ ИЗ ШТАБА АЙЗЕНГАУЕРА

(Перевод с английского)

Так как генерал Айзенгауер в это время отсутствовал из Вашингтона (он отбыл в Европу), то письмо вскрыл и ответил на него генерал Thos. I. Handy, который следующим образом объяснил причины и основания насильственных репатриаций:

„Политика С. Ш. в отношении СССР требует от военных властей С. Штатов содействия репатриации советских граждан, которые пожелают быть репатрируемы. В отношении тех, кто не желает возвращаться в Советский союз, политика нашего правительства состоит в том, чтобы не употреблять силы в принуждении к репатриации, за исключением тех случаев, когда данный индивидум был одновременно фактическим гражданином в границах Советского союза к 1-му сентября 1939 г. и подходит под одну из следующих категорий:

1. Был взят в плен в германской форме.
2. Был чинном советских вооруженных сил к 22 июня 1941 г. и не был ими от службы освобожден.
3. Был, на основании серьезных доказательств, сотрудником врага, добровольно ему помогавшим и поддерживавшим.

Политика нашего правительства установлена после долгого и тщательного взвешивания всех этих факторов и Армия должна выполнять ее как можно лучше”.

Thos. I. Handy, general Acting Chief of Staff.

18 февр. 1946 г.

ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛА А. И. ДЕНИКИНА К АМЕРИКАНСКОМУ СЕНАТОРУ АРТУРУ ВАНДЕРБЕРГУ

Октябрь 1946 г.

....Сотни тысяч человек „дисплейсед персонс” сидят в лагерях оккупированной Германии и Италии. Эти люди лишены самых элементарных человеческих прав на свободу и вольный труд, т. е. на то, за что столетиями боролось человечество.

И среди этих обездоленных самые несчастные — русские, ибо им грозит выдача советской власти, с необыкновенным, зловещим упорством добывающейся этой „репатриации”.

Теперь, когда столь многое из того, что творится за „Железным занавесом”, стало явным, когда явилось уже столько живых свидетелей неопикуемой жестокости, с которой коммунистическая диктатура обращается с человеком, общественному мнению США должно быть понятно, почему эти русские люди больше всего боятся... возвращения на родину. Знала ли история подобное явление, чтобы десятки, сотни тысяч людей, вывезенных из родной страны, где протекала вся их жизнь, и где, следовательно, сосредоточились все их интересы, где остались их семьи и близкие, — не только всеми силами противились бы возвращению, но одна возможность его доводила бы их до сумасшествия, до самоубийства.

Пресса касалась этого вопроса не раз, в официальных докладах он освещен вполне. И Вы знаете, конечно, о тех кошмарных драмах, которые разыгрались в лагерях Дахау, и Платтлинге, когда американские солдаты силою волокли упиравшихся, обезумевших от ужаса, обливающихся кровью русских пленных, которые бросались под колеса грузовиков, перерезывали себе горло и вены, старались воткнуть себе в грудь штык американского солдата — только бы избежать „возврата на родину”... Эти страшные страницы стали уже достоянием истории и, думаю, их никогда не забудут участники — ветераны США.

Я знаю, что оправданием у творивших это дело служат Ялтинские договоры... Но подобный торг человеческими ду-

шами не может быть оправдан никакими политическими договорами. Ибо есть нечто превыше политики — христианская мораль, достоинство и честь человека.

Массовые выдачи в последнее время прекратились, но в небольшом числе советской власти все еще удается добывать свои жертвы. Как она с ними поступает, также хорошо известно. Путем невероятных усилий отдельным репатрированным удалось вырваться обратно из лагерей СССР, и они поведали о всем пережитом на страницах печати. Эта была так страшна, что иностранцам все еще трудно в нее поверить. А тем временем русские люди, сидящие за проволокой лагерей, в приютах Красного Креста или на частных квартирах в зоне американской оккупации, живут в постоянном смертельном страхе, ожидая выдач их Советам.

Все эти люди — мужчины, женщины, дети, старики — чувствующие себя как на краю пропасти, перенесли такие лишения, такие страдания, что, если бы описать все ими пережитое, получилась бы небывало жуткая книга человеческой скорби.

Они стучатся во все сердца, они шлют повсюду свое тревожное С. О. С. не переставая верить, что и за ними будет признано право на жизнь. Они ждут решения правительства свободолобивого народа.

Господин Вандерберг, помогите своим влиянием и авторитетным словом этим замученным людям, никакого преступления не совершившим, желающим работать на любом поприще, только бы жить, мыслить и умереть свободными.

Один русский религиозный мыслитель сказал недавно, что „человеческая совесть больна”... От болезни можно, ведь, выздороветь, только смерть безнадежна.

Помогите же тем, кто верит в человеческую совесть!

Искренне Ваш

А. И. Деникин

б. Главнокомандующий Русской армией (1917-1920)

(Архив К. В. Деникиной)

Дневники и Воспоминания

Юрий Жеребков

ПРЕДПОЛАГАВШЕЕСЯ ОБРАЩЕНИЕ ГЕН. ВЛАСОВА К ООН

Настоящие воспоминания вместе с другими материалами редакции передал Ю. С. Жеребков. Во время войны он возглавил русское представительство эмиграции в Париже. В 1943 г. г. Ж. поддержал и организовал выступление ген. Малышкина в Париже. Позже ген. Власов давал ему различные дипломатические поручения.

Не только общественное мнение союзных держав, но и ответственные политические деятели не были осведомлены или имели превратное представление о КОНР-е и Освободительном Движении. Последняя возможность поставить западных союзников в известность об истинных задачах ген. Власова и одновременно подчеркнуть, что КОНР является выразителем политических убеждений и чаяний многих миллионов русских, как вне, так и внутри Советского Союза, представилось в связи с открытием ООН в Сан-Франциско. Предполагалось, что 25-го апреля ген. Власов произнесет речь-призыв, обращенную к нациям, собравшимся в Сан-Франциско. В прекрасно составленной в демократическом духе речи, ген. Власов должен был, от имени миллионов русских, поддерживавших Освободительное Движение, протестовать против присутствия представителей советов в ООН и против самого дальнейшего существования кровавой диктатуры в России.

Говоря о политической программе КОНРа, ген. Власов должен был подробно осветить все проблемы, ставшие перед Освободительным Движением, а также обрисовать бу-

дущее России, освобожденной от большевиков и готовой искренне сотрудничать со всеми нациями мира.

Упомянув некоторые мировые проблемы и устанавливая точку зрения КОНРа, ген. Власов должен был, между прочим, коснуться и еврейского вопроса. Ген. Власов обещал евреям полноправие в будущей России и заявлял, что русский народ, перенесший неописуемые страдания, понимает тяжелое положение еврейского народа.

По поводу предполагавшегося выступления ген. Власова, я был принят 19-го апреля во дворце Чернин, в Праге, государственным министром Франком, у которого я просил предоставления радиостанции для речи ген. Власова. Речь произнесенная по русски должна была быть передана по английски и по французски. Франк, сославшись на формальное подчинение всех радиостанций Берлину и невозможность взять на себя ответственность за такой политический акт, как обращение ген. Власова к ООН, — заявил мне, что к сожалению, он, без согласия германского правительства, радиостанции нам предоставить не может.

Ввиду, однако, особого интереса Франка к деятельности КОНРа и ген. Власова, он немедленно снесется с правительством и поддержит перед ним мою просьбу. Так как Прага была фактически уже отрезана от Берлина, ответ Франка являлся отказом.

А. Г. Алдан (Нерянин)

КТО Я?

(Андрей Георгиевич Алдан (Нерянин), генерального штаба полковник, зам. нач. шт. РОА. С 1949 г. по 1957 г. Председатель Военного Совета и Союза Воинов Освободительного Движения Народов России (СВОД). Член руководящего Совета СБОНР. Полк. Алдан скончался в Вашингтоне в 1957 г. После смерти полк. Алдан остался большой архив, среди которого были обнаружены и рукописи его воспоминаний. Ниже мы печатаем отрывок из рукописи).

Родился в семье рабочего каменщика в 1902 году на Среднем Урале.

В 1913 году окончил Церковно-приходскую школу.

По натуре, видимо, всегда был немножко идеалистом. Идеализм проявился, например, в том, что в 1915 году тринадцатилетним мальчишкой убежал на фронт, правда, неудачно ибо через пять дней был задержан и водворен обратно домой.

В 1919 году, после того как Ашинский завод был занят частями Красной армии я добровольно пошел в армию тем более, что к этому времени у меня не было ни отца ни матери.

С 1919 по 1922-ой год я был простым красноармейцем без особых убеждений и пока еще без сознательного понимания жизни.

В эти годы я впервые столкнулся с антикоммунистическими воззрениями. Три человека близких мне покончили жизнь самоубийством из-за расхождения теории и практики советской власти. Один из них был Комиссаром отдела штаба Восточного фронта, второй — штатным агитатором агитпункта ст. Омск и третий — простой красноармеец — ком-

мунист. Мотивы всех трех самоубийств — „Боролись не за то что получили”. Первые двое мне, молодому человеку, объясняли: „жить больше нельзя; жизнь вновь повертывается против народа...”

Эти самоубийства остались в памяти на всю жизнь, но.. время делает свое дело.

В 1923 году находясь в Пехотном военном училище я подал заявление о приеме в кандидаты партии. Как сын рабочего по социальному происхождению и рабочий по социальному положению, я имел право на 3-х месячный кандидатский стаж, но уже в то время прослыл среди своих товарищей под кличкой „бунтарь одиночка” и вместо 3-х месяцев я пробыл в кандидатах 2 года.

Кличка „бунтаря” преследовала меня всю жизнь и основывалась она на том, что я всегда „бунтовал” против несправедливого отношения старших начальников и командиров в отношении нижестоящих и им подчиненных людей.

Под воздействием систематического политического воспитания я постепенно становился убежденным коммунистом-идеалистом, уверовавшим в теоретическую часть коммунистического учения, как самого справедливого социально-общественного учения несущего всеобщее счастье, равенство и братство.

Идея всеобщего счастья, равенства и братства не могла не увлечь меня, особенно в первые годы знакомства с коммунистическим учением.

Однако, мой идеализм не мог быть „созвучным эпохе”. Этого я сначала не замечал и не понимал. В результате моего идеализированного „бунтарства”, я в 1931 году получил по партийной линии „строгий выговор с предупреждением” за то, что выступал против социалистического соревнования (формулировка: „За недооценку социалистического соревнования”). В 1932 году был исключен из партии „за лево-троцкистский уклон”. После меня восстановили в партии ограничившись „выговором”, поскольку обвинение в лево-троцкистский уклон”. После меня восстановили в партии ограничительными работниками против которых я неоднократно выступал.

В то же время, по служебной линии, я всегда имел исключительно отличные аттестации, что собственно позво-

ляло мне не только держаться на поверхности, но и продвигаться по службе и быть в высших военных учебных заведениях.

К тому же, я с течением времени, научился меньше „бунтовать” и больше таить в себе свои сомнения и расхождения с официальной партийной линией.

С разговорами о том, что мы „получили не то, за что боролись” — мне пришлось встретиться в различное время несколько раз.

Мой зять (муж сестры) — рабочий-каменьщик, пенсионер с 1924 года, с семьей в 8 человек, продолжал жить в середине и в конце тридцатых годов на пенсию в 54 рубля. Он часто говорил мне: „попробуй-ка поживи на 54 рубля; да и пожаловаться то не кому при своей-то власти...”

Мой товарищ, некий Д. В. В., бывший матрос, участник гражданской войны, окончивший в 1934 году Институт Красной Профессуры часто говорил мне: „Вот, кажется, одно средство („револьвер..) окончить счета с тем, за что я боролся в 1918-19 гг.

Другой мой товарищ, военный врач А. А. В. бывший в 1919 году политическим руководителем, также очень часто варьировал ту же тему, говоря: „петля на шее или вот эта „игрушка” („револьвер..) примирит меня с тем за что я дрался в 1919 году.

Естественно, конечно, что в результате подобных разговоров возникали споры, разбирательства, суждения и т. д., приводившие если не к определенным антикоммунистическим выводам, то к известной сумятице в понимании окружающей практической сущности советского бытия.

Я говорю об этом не потому, что желаю убедить кого-то в том, что я тогда уже был антисоветски настроенным человеком, а к тому, чтобы подчеркнуть, что у меня давно стали возникать начала сомнений.

Летние месяцы 1932 года я пробыл в Киеве, где на бульварах, площадях, в скверах и садах я видел тысячи людей, женщин, детей и стариков обезсиленно лежавших на земле и просивших у прохожих кусочек хлеба...

Честно говоря, я всегда старался найти оправдание действиям советской власти считая, что все это — временное, переходящее, что новое без жертв не строится и т. д., но тем не менее червь сомнения точил меня, хотя я и старал-

ся подавлять его. Я старался покрыть все это покрывалом „социально совершенной идеи”, носителем которой является коммунистическое учение. Не легко было расставаться с постепенно возникавшим убеждением юности.

Ныне я часто задаю сам себе вопрос: был ли я убежденным коммунистом? И отвечаю на него: Нет, не был. Был идеалистом принимавшим желаемое за реально возможное.

В Красной армии в 1928 году сдал экстерном за полный курс средней школы; В 1934 году окончил Военную Академию имени Фрунзе и в 1939 году окончил Академию Генерального штаба.

Началась война... В самом начале ее я пережил чрезвычайную горечь разочарования. Особенно поразил меня один случай:

— В начале июля 1941 года из под Невеля на Ново-Скольники отходила колонна беженцев. Я остановился около и стал что-то спрашивать... И вот, совсем еще молодой крестьянин-колхозник, лет 35-38, поспешно стянул с головы шапку и подобострастно заговорил: „Что-ж товарищ господин (?) — командир, немец идет, а мы от него. Может быть лучше было бы остаться... хуже то ведь не будет... Вы господин-товарищ командир не сердитесь и скажите что нам делать — здесь оставаться или дальше идти? Ведь „он” нагонит скоро....”

От обиды, злости и жалости к нему и к себе я вспылil и накричал на него: Ты что-ж шапку то скидываешь, перед кем... Какой я тебе господин..?

Но что мной дальше руководило я пожалуй и сейчас не могу ответить. Я сказал беженцам: сворачивайте в сторону, вон в тот лесок, оставайтесь там... немец сюда не придет...

Я лгал, заведомо лгал, ибо знал что через 12-15 часов немцы займут этот район. Когда я сел в машину, то мой адъютант спросил меня: т. полковник, почему вы оставили их в лесу, ведь немцы сюда скоро придут?

Все это было не коренным переломом моего сознания. Это было, пока, только накапливанием антисоветских настроений.

Я рассказываю об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть, что мой переход в лагерь антикоммунистов проходил довольно медленно, в борьбе с внутренними противоречиями.

3-го ноября 1941 года, после 26-ти дневного скитания по лесам, когда я пытался пробраться через фронт из немецкого тыла, я попал в плен.

Из штаба 4-ой немецкой армии я был направлен в штаб фронта, где кстати сказать, я впервые познакомился с капитаном Штрикфельд.

18 ноября, я в группе с другими был привезен в Берлин в лагерь Вульхайде. Лагерь Вульхайде был создан по инициативе немецкого Министерства Пропанды для подготовки пропагандистов из числа военнопленных. Откровенно говоря я в подобный лагерь не стремился и считал, что попал в него по ошибке.

В лагере Вульхайде я прослушал курс лекций и пробыл в нем до 2-го апреля 1942 года, когда перешел для работы в „Антикоминтерн” в так называемое „Бюро Альбрехт” числившееся, в административном отношении, при известной „Винете”.

17 Января 1944 года я был официально освобожден из немецкого плена и 11 января 1945 года перешел в РОА.

В лагере Вульхайде, в должности главного и единственного преподавателя по политическому циклу был, известный потом по Дабендорфу, некий барон Ропп. Он читал курс лекций по разделам: что такое социализм, национал-социализм, что такое нация, народ и т. д. Для понимания общего тона и общего содержания этих лекций позволю привести несколько положений выставляемых господином Ропп. Сразу-же оговариваюсь, что сам г. Ропп, наверно, не разделял того что он говорил. Он был обязан так говорить, так-ва была программа.

1. „Человеческое общество, говорил г. Ропп, подобно большому лесу. В лесу есть могучие дубы, стройные тополи, белоснежные березы... Есть там и мелкий кустарник устилающий подножие великанов леса стоящих в полном расцвете своих сил.

Русский народ — самый молодой народ, исторически еще не выросший. Он, пока, только — кустарник ютящийся под сенью великанов. Они его защищают от непогоды, они укрывают его от зноя... Германская раса, германские народы вообще, — прекрасные дубы-великаны, находящиеся в полном расцвете своих творческих сил и возможностей. Поэтому,

господа, если вы имеете каплю здравого смысла, то поймете, что русский народ не может претендовать на самостоятельное существование и тем более на саморуководство...”

2. „Человеческое общество подобно красивому архитектурно-законченному зданию. Но в строительстве здания был употреблен и простой бутовый камень в качестве фундамента здания (это были наши предки, говорил г. Ропп), затем стены здания выложены из простого кирпича. Законченная стройность здания, его строгая красота получилась от того, что оно было прикрыто облицовочными плитами придавшими зданию его смысл.

Русский народ, по своей незрелости, в лучшем случае, может быть уподоблен кирпичам, а немецкий народ — облицовочные плиты увенчавшие строение. Немецкий народ Богом и Историей призван к руководству человеческим обществом. Он и только он может возродить человеческое общество и придать ему одухотворенность...”

3. „Человеческое общество в целом, также как и отдельный человек, — рождается, мужает, стареет и умирает. Англо-саксы, франки — состарившиеся народы; они изжили себя и находятся сейчас в стадии старческого паралича, разложения и маразма. Русский народ — исторически молодой народ и возможно еще станет, когда нибудь, великим народом. Но ныне и те и другие, т. е., англо-саксонские, романские и славянские народы не могут претендовать на саморуководство. Они должны руководиться зрелыми мужами — германским народом...”

4. „Человеческое общество носит в себе женские и мужские начала. Представителями женских начал в человеческом обществе являются славянские народы и среди них, в первую очередь, белоруссы. Украинский народ, впитавший в себя польско-литовскую кровь более „зрел”. Великоруссы... представляющие смесь славянской, финской, татарской крови — более воинственны; они вроде древних амазонок, но все же — женщины.

Носителями мужских начал являются германские народы. Ныне настало время оплодотворить женские начала мужскими началами. Для этой миссии самим Богом предназначен германский народ...”

5. „В течении последних трех с половиною веков, особенно в первой половине этого периода, великоруссы как

наиболее активный народ, покорили белоруссов, украинцев, кавказцев, туркестанцев и т. д. Это было насилие навязанное силою оружия. Ныне наступает время, когда в содружестве народов „Новой Европы” будут раскрепощены покоренные великоруссами народы. Они получают законное право на самостоятельное существование под покровительством великого германского народа. Несправедливость будет уничтожена...”

6. Русь, точнее — Великоруссия и великорусский народ не является, в строгом смысле, славянским народом. Это смесь славян, угро-финов и монгольских племен. В результате этой смеси получился воинственный народ жаждущий захватов. Однако воинственность не есть еще признак зрелости. Видимая история Руси-России обусловлена тем, что Россия всегда получала новую кровь в свои вены. Так, на заре Руси, славянские племена не будучи в состоянии управлять сами собой, призвали на княжение варягов с их дружинами. Это было вливание в Русь северо-германской крови и это обеспечило нормальное развитие ее до времен княжеской междоусобицы.

„Заболевшую” Русь покорили татары. Одновременно это было новым вливанием новой крови. Это вливание было настолько удачным, что великорусский народ, переваривши, ассимилировав, татарскую кровь оказался в состоянии сбросить татарское иго и Русь снова могла нормально развиваться. Но ко времени царствования Ивана Грозного Россия вновь заболела. Эта болезнь характеризуется, так называемым, смутным временем продолжавшимся, по существу, вплоть до Петра Первого.

Петр Великий — государственный ум. Он понял болезнь России и призвал для оздоровления русской крови немцев, датчан, голландцев и т. д. Новое вливание германской крови дало возможность Романовской империи развиваться до начала 20-го века, когда Россия вновь заболела. Болезнь прошла через кризисы — революция 1905 и 1917 годов.

Ныне эта болезнь стала неизлечимой и теперь требует срочное хирургическое вмешательство. Немцы берут на себя благородную задачу — оперировать Россию и тем самым восстановить ее силы....”

Всякий раз, в конце беседы, господин Ропп предлагал высказываться тем, кто не согласен с его тезисами.

И вот я, по своей обычной прямоте, всякий раз выступал на лекциях и, образно говоря, не хотел быть в роли „женщины оплодотворяемой немецким бугаём”. Я старался перевести образную речь г. Роппа на политический общепонятный язык.

В эти дни и недели во мне, наверно, впервые стало формироваться отчетливое различие между понятиями: русский и советский.

Откровенно-издевательское глумление над русским народом подымало во мне русскую гордость и боль за свой народ и я не стеснясь в выражениях горячо выступал против „учений” г. Роппа.

Еще более мне было непонятно поведение молодых людей, недавних советских солдат и юных офицеров, аплодировавших речи г. Роппа и я часто произносил фразу: „Чему вы хлопаете, чему радуетесь? Еще вчера вы также хлопали на собраниях в СССР, а ныне вы попираете то, чему вы вчера поклонялись. Я не верю вам. Такая быстрая смена убеждений для меня не убедительна.”

Теперь, после нескольких минувших лет, я стараюсь проанализировать свое тогдашнее поведение и спрашиваю: что во мне больше было коммунистических ли убеждений или русских настроений? И отвечаю себе: тогда во мне говорила простая русская кровь, обида за свой народ осознаваемая в мучительной раздвоенности с тем, что я переоценивал в это время и с тем, на чем я был воспитан. Сейчас, после здравого размышления, мне кажется что я всегда был русским и мои коммунистические прежние настроения диктовались поисками извечной правды, справедливости и счастья на земле для всех людей.

К чести барона Ропп я могу сказать, что он достаточно долго покрывал мои выступления против него и только уже в февраля 1942 года он впервые произнес фразу: „Конечно, г. полковник Нерянин прав. Он — коммунист и продолжает оставаться на своих позициях и это делает ему честь. Я уважаю убеждения честных людей кто бы они не были. Но поскольку г. Нерянина нельзя перевоспитать, то он сам себя ставит в положение, когда согласно русской поговорки — сорную траву из поля вон...”

Г. Ропп сознательно или несознательно, судить не берусь, свалил в одну кучу „коммунизм” и „русскость”. Я до-

пускаю, что он не мог заявлять, что я выступаю в защиту русского народа, русского имени; для него это было бы „неудобно”. Он пошел по наиболее легкому пути — представить мои высказывания в виде коммунистических убеждений.

И вторично к чести г. Ропп могу сказать, что когда в конце февраля или в начале марта месяца 1942 года в лагере появился представитель министерства пропаганды небезизвестный К. И. Альбрехт, то Ропп сказал ему: „Нерянин наиболее умный из всех, но губит себя своей неосторожностью и если у вас (у Альбрехта) есть возможность то вытасщите его из лагеря...”

Как угодно судите меня, но я считаю, что в условиях 1941 года выступать и говорить против официальной немецко-фашистской идеологии, тем более военнопленному, было мужеством и подвигом.

Я еще раз подчеркиваю, что пересмотр моих убеждений произошел не сразу, не в одно мгновение. Он начался еще „там”, а завершился уже „здесь”. Лагерь Вульхайде, где возникало много споров, сравнений и проч. был для меня известной школой. Затяжной характер постепенного изменения моих взглядов объяснялся еще и тем, что он происходил в обстановке самой гнусной антирусской, а не антикоммунистической, агитации со стороны немцев. Они были упоены своими успехами и не стеснялись в высказываниях, о своих вождедениях в отношении России. После они изменили свою тактику, насколько это было посильно их немецкому уму.”

Поездка в Верхнюю Силезию

Однажды в канцелярию генерала Власова прибыл нарочный из Верхней Силезии, чтобы пригласить представителей КОНР-а, РОА и генерала А. А. Власова в г. Сосновицы на торжественное собрание, посвященное обнародованию Пражского Манифеста.

Полковник Кромиади и я только что вернулись со съезда молодежи в г. Тропау. Андрей Андреевич принял от нас доклад и с улыбкой сказал:

— Полковник, вы так себя зарекомендовали, что придется вас послать к шахтерам в Силезию.

— Всегда готовы, Андрей Андреевич, — ответили мы.

А. А. не счел нужным давать нам какие-либо инструкции, но коротко пояснил:

— Если я посылаю работников своего штаба, значит я придаю большое значение этой поездке.

Мы никогда не бравировали доверием, которое оказывал нам Андрей Андреевич, но устроители собраний в Тропау, Сосновицах и других городах постоянно пользовались случаем предупредить людей:

— Господа, — обычно говорили они, открывая собрание, — А. А. Власов прислал к нам работников своего штаба.

На этот раз с нами поехал Володя Мельников — подпоручик из Риги.

Предчувствуя осложнения в дороге и городах, которые нам предстояло проезжать, при соприкосновении с немецкими учреждениями, мы попросили Андрея Андреевича снабдить нас хорошими документами. Нам были выданы соответствующие бумаги как Андреем Андреевичем, так и немецкими властями; практически это означало, что все двери для нас будут открыты. Документы разрешали нам произ-

водить проверку состояния лагерей, положения рабочих, давали возможность войти в связь с Арбайтсфронтом и др. инстанциями. Местным отделениям Гестапо и СД было вменено в обязанность оказывать нам всемерную помощь.

Главной целью нашей поездки было, как уже сказано выше, присутствие на торжественном собрании представителей лагерей военнопленных, остлагерей, рабочих шахт и интеллигенции Верхней Силезии.

Собрание посвящалось Пражскому манифесту и должно было состояться в середине декабря. Надо отметить, что в организации этого съезда большую работу проделали настоятель местной церкви и члены НТС, во главе с Седляревичем, равно как и священник отец Константин.

Когда мы прибыли в Каттовицы, нас пригласили на собрание инженерно-технического персонала одного из крупнейших заводов в Силезии — завода Германа Геринга. На собрание было приглашено свыше 100 человек профессоров, инженеров, техников, работавших на этом предприятии.

После кратких приветствий с обеих сторон, собрание выслушало полковника Кромиади, доложившего о состоянии дел в организациях Освободительного Движения и, в частности, в РОА — главной силе в борьбе с коммунистическим режимом на нашей родине. В получасовой речи полковник Кромиади убедительно показал, какие трудности приходится преодолевать при развертывании Освободительного Движения. Кроме информации, он говорил о задачах российской интеллигенции, оказавшейся вне СССР. Этими задачами являлись:

- 1) Пропаганда идей Освободительного Движения и Пражского манифеста;
- 2) Разъяснение целей и задач Освободительного Движения немцам;
- 3) Личное участие в судьбе пленного, острабочего и других, оказавшихся в тяжелых условиях, в частности, на предприятиях где русские интеллигенты занимают. вследствие недостатка немецких специалистов, должности инженеров, прорабов, врачей клиник и т. д.

Затем выступили несколько человек — участников собрания. Это были их первые публичные выступления, ибо раньше они не имели возможности посещать собрания. Они говорили о слабой пропагандной работе, недостатке пропагандной литературы, отсутствии соответствующих курсов.

Все выступавшие были готовы вступить в РОА и принять личное участие в активной борьбе против общего врага — большевизма.

Особенно волнующими были слова профессора-медика Захарова и его дочери — студентки.

Вместе с радостными высказываниями по поводу развития Освободительного Движения, почти все выступавшие говорили о плохом отношении немцев к русским военнопленным — рабочим шахт: жаловались на плохое питание и на избиения. Был приведен случай, когда немец мастер железным крюком выбил глаз пленному. Другой немец — мастер вонзил железный стержень в спину военнопленного. Однако, характерно, что избиением занимались не простые рабочие, а начальники, причем поводом к этому служило дикое утверждение, что, мол, „русские свиньи начали войну, а нам, немцам, приходится страдать”.

Узнав на собрании о безобразном отношении начальствующих немцев к русским рабочим, мы отправились в партийную организацию г. Каттовицы и к начальнику СД. Когда мы показали наши документы и рассказали об известных нам фактах безчеловечного обращения с русскими рабочими, полковника Кромиади заверили следующими словами:

— Яволь, герр оберст, все будет улажено!

Действительно, в тот же день нам стало известно о предании суду немца, выбившего глаз пленному.

По всей Верхней Силезии быстро распространился слух, что прибыла какая-то комиссия по защите русских. Город Каттовицы был поднят на ноги и, надо сказать, местные организации делали все, что мы требовали.

Убедившись в том, что безобразное отношение к русским рабочим имело место не только на предприятиях Кат-



Берлин 1944 г. Начальник личной канцелярии ген. Власова полк. К. Г. Кромгади беседует с русскими рабочими из лагерей.



Прага. 1944 г. Президиум заседания КОНР'а. (Слева направо: ген. Трухин, ген. Жиленков, ген. Власов, проф. Руднев. Стоит полк. И. К. Сахаров).



Берлин. 1944 г. Генерал Власов выступает перед военнопленными, освобожденными из лагерей.



**Берлин, 1944 г. Ген. Власов выступает на собрании посвященном
обнародованию Пражского Манифеста**



Берлин. 1944 г. Президиум собрания посвященного обнародованию Пражского Манифеста. (На первом плане ген. Меандров и проф. Богатырчук).

тович, мы сразу же наметили план посещения некоторых лагерей и заводов. Здесь нам очень помог Седяревич, который был знаком с положением в лагерях и на заводах.

После собрания на заводе Германа Геринга, мы вечером выехали в город Сосновицы (неподалеку от Каттовиц), где должно было тоже состояться торжественное собрание. По дороге к трамваю нам встречались десятки русских людей, с любопытством и симпатией смотревших на нашу форму и эмблемы РОА. Некоторые посматривали и скептически, но стоило нам заговорить с ними и откровенно побеседовать, как их отношение к Движению сразу менялось и мы, обычно, расставались по-дружески.

Им достаточно было услышать из наших уст твердое заявление, что мы не наемники немцев, что мы идем с ними вместе не из за любви к ним, а потому только, что у нас в данное время общий враг — большевизм, чтобы сердца этих людей открылись и появилось у них чувство симпатии к нашему делу.

— Мы нужны немцам, а они нужны нам, — обычно разъясняли мы нашим слушателям, — завоевать же немцам Россию никогда не удастся.

И часто в ответ на эти слова мы слышали:

— Как и где мы можем вступить в РОА? Что мы можем делать здесь, чтобы помочь общему делу — должны ли мы бить немцев?

Последний вопрос, конечно, вызывал шуточные ответы.

Сосновицы — второй по значению город каменноугольного района Силезии. Когда мы приехали, в городском театре, где должно было состояться собрание, было уже много людей. Здесь можно было видеть и сияющие лица остовцев и злобный взгляд шахтеров-пленных и ехидные усмешки русских, одетых в форму СС или СД. Однако, масса состояла из людей, мечтающих о скорой победе над большевизмом и рвущихся к активному делу.

В зале собралось не менее 600 человек. В ложах сидели немцы — представители власти. В президиуме — общественные деятели и священнослужители. Зал был украшен Андре-

евским и трехцветным флагами.

Один за другим на сцену поднимались ораторы. Затаив дыхание люди слушали настоятеля собора в Сосновицах, отца Константина.

Наши выступления буквально каждые две-три минуты прерывались рукоплесканиями. Мне казалось тогда: — дайте этому народу оружие в руки и он будет непобедим.

Помню, что, кроме прочего, я сказал тогда: „Мы освободим Россию и пронесем знамя свободы, знамя освобождения Родины до берегов Сахалина”. Увы, сейчас на берегах Сахалина все еще сидят большевики — немецкая тупость спасла их; нас предали.

Полковник Кромиади, подпоручик Мельников и я говорили не только о целях и задачах РОД, но и об ошибках немцев в русском вопросе и, в частности, о плохом отношении к русским в Германии. Каждый из нас говорил, что теперь настало время, когда немцы вынуждены признать нас. В пылу высказываний мы забыли, что в зале сидят, слушая нас, и немцы. Но по окончании речей мы заметили их раскрасневшиеся лица.

„Хоть мы и власовцы и документы у нас хорошие, а посадить нас все-таки могут в любой момент” — промелькнуло у меня в голове. Но мысль эта меньше всего могла тогда остановить нас. Как командир в бою не должен казаться солдату трусом, так и мы не должны были проявлять хотя бы малейшего страха перед немцами — мы говорили с ними, как равный с равными. Слушатели нам верили и, наверняка, никто из сидящих в зале не сомневался в искренности стремлений участников Освободительного Движения.

Как после этих инцидентов улыбались наши ребята и девушки, поймет только тот, кто хоть раз пережил подобную сцену.

Наша беседа возбудила огромный интерес среди русских изгнанников и когда мы прощались, нас приглашали приехать в лагеря, представители которых были на торжественном собрании.

После собрания отец Константин пригласил нас к себе

на ужин. Мы провели вечер в товарищеской обстановке, в кругу активной части русской общественности. В этот вечер мы еще ближе познакомились с людьми и увидели, что они дышат тем же, чем дышим мы и что стремления наши одинаковы.

На следующий день мы, в сопровождении Седляревича, направились к руководителям Арбайтсфронта и Арбайтс-амта. После встречи с ними, мы на обратном пути зашли на один из заводов.

Сопровождаемые директором завода — заядлым наци — мы прошли внутрь завода, где нам представилось мрачное зрелище:

Было обеденное время. Мимо нас проходили остовцы — босые, грязные, оборванные. Они почти ничем не отличались от тех каторжников, которых мы когда-то видели в фильме „Петр Первый“.

Мы стояли молча, со слезами на глазах. Полковник Кромиади не выдержал — заплакал. Узники немцев — наши дети и братья — шли молча, с явным отвращением бросая иногда взгляды в нашу сторону. Какая-то девица бросила: „Изменники!“

Немец пригласил полковника в свой кабинет, я пошел в столовую, куда шли остовцы. Со мной не оказалось ни одного немца.

Столовая напоминала подвал. Грязные столы и котел, у которого стояла немка, составляли убранство. Каждый подходил с банкой или подобием банки, куда немка бросала пару картошек и вливала половник шпината. Ей было приказано варить для „русских свиней“.

Я стоял молча, закусив губы.

Кто-то сказал:

— Так нас кормят каждый день. Мы не можем ходить, пухнем. Живем здесь, внутри завода. На воротах стоит охрана. Жаловаться нет никакой возможности. Два раза были попытки перелезть через забор и убежать — поймали, сидят.

Да, это была каторга.

Обед кончился и девушки и ребята бежали в цех — они боялись избиений за опоздание.

— За опоздание я вступлюсь за вас, — сказал я.

— Но вы уйдете, а нас завтра изобьют.

Они были правы, возражать я не мог.

Сколько слез было у этих юных созданий в их 15-16 лет! От них уходила молодость, они становились стариками.

15-летнего мальчика заставили работать в кузнечном цеху и на сварке. Он не мог носить тяжести, которые были не под силу даже и взрослому. Его били, он падал, но волочил груз.

Мастер, отличавшийся побоями, ходил за мной по пятам и все напоминал мне, показывая на директорский кабинет: „Вас там ждут...” Я не желал понимать его шел из одного цеха в другой.

Путь в один из цехов шел мимо столовой для немцев.

— Это для высшей расы... У-у вы, немцы проклятые, — услышал я от рабочих.

Немец, с неизвестной кокардой на фуражке и знаком на рукаве, смотрит на меня выпуклыми глазами.

— И вам не стыдно не пускать сюда русских? Вы — люди, а они — рабы, так что-ли? — говорю я.

Все молчат.

Наконец, за мной приходит полковник и немец. Я извинился за опоздание. Директор объясняет нам что-то о столовой, но труд его остался напрасным: нам и без слов все было понятно.

Все вместе идем в кабинет к директору и больше часа ведем с ним споры. Полковник еле сдерживался, ужасаясь тупости и идиотизму немца. Немец же то и дело выкрикивал:

— Мы не допустим, чтобы нами в Германии командовали. Что хотим, то и делаем!

Таков был сатрап фюрера.

Уходили мы в тревожном настроении. Нашим людям мы обещали помощь. Мы знали, что до тех пор, пока мы не окажем им помощи, мы не сможем быть спокойны.

Мы подняли на ноги все организации, которые в той или иной мере были ответственны за положение на заводе. За этот завод взялись и СД, и Арбайтсфронт, и Арбайтс-амт, и партия. Сведений о результатах наших хлопот нам так и не удалось получить — к Верхней Силезии подвигался фронт.

К январю стало известно от того же Седляревича (занимавшегося вывозом лагерей на запад), что уйти от советчиков почти никому не удалось. Пришедшие „братья” расстреливали из танковых пулеметов „пособников немецких фашистов”, „добровольно” выехавших в Германию на работы.

Генерал Власов командировал в Верхнюю Силезию поручика Кузнецова в помощь Седляревичу по эвакуации, но сделать многого не удалось. Было вывезено только несколько десятков, оставались тысячи. Много времени спустя я видел Кузнецова, который с ужасом рассказывал мне о трагедии русских, разыгравшейся с приходом большевиков.

Нам пришлось видеть и фабрику, на которой работали только евреи. Она была обнесена высоким проволочным забором под током высокого напряжения. Проходя мимо фабрики мы слышали лишь мерный шум машин, не было видно ни охраны, ни входа. Побывав на заводе, где работали русские рабочие, мы могли уже себе представить, что творилось внутри этих каменных зданий.

Оправдывая свою жестокость, немцы объясняли нам:

— Здесь много польского населения. Поляки не прекратили сопротивления. Мы должны быть всегда с оружием, ибо на каждом шагу каждого из нас ожидает смерть.

Пленные и остовцы пополняли польские партизанские отряды и организовывали свои, причем дрались так, как никто. Другого выбора у них не было: победа или смерть.

Теперь я, встречая немцев, слушаю рассказы о том, как

бывшие оловцы и пленные на территории Верхней Силезии, освободившись и вступив в Красную армию, расправлялись с немцами. Я им сочувствовал.

Лагерь в Лабанд.

В нескольких километрах от города находился большой лагерь, размещенный неподалеку от заводов, где работали оловцы. Лагерь вмещал 7-8 тысяч восточных рабочих.

В этом лагере было довольно чисто. Избиений немцы избегали. Выдача продуктов происходила по определенным нормам, величину которых можно было всегда узнать из таблиц, вывешенных на специальных досках.

Немцы расположили людей по национальностям и в лагере были бараки украинцев и белоруссов. Хотя почти все были вывезены с Украины и Белоруссии, в лагере имелся и большой так называемый „русский угол”. Для нас это разделение на национальности было чуждо — мы посетили все бараки и всюду встречали русских людей.

Для многих было еще неясным, что такое РОА и кто такой Власов. Даже там, где нас встречали не особенно дружелюбно, после беседы настроение менялось и мы расставались самыми лучшими друзьями. Такова была сила идей Власовского Движения.

Нам было известно, что в этом и в других лагерях было подано много заявлений о вступлении в РОА. Мы хотели видеть этих людей и утешить их, ибо они теряли всякую надежду попасть в РОА: этому противились и лагерная администрация, и завод, и Арбайтсамт.

Уезжая из лагеря мы сделали вывод, что почти 95 % состава лагеря готовы немедленно встать под ружье для борьбы против большевизма и этого стремления не могло остановить происходившее тогда приближение фронта.

По прибытии в Берлин мы передали Андрею Андреевичу Власову письменный доклад о нашей поездке.

Как мы узнали позднее, возмущенные немцы из СС-

гауптамта требовали от А. А. Власова суровых мер: взыска-
ния против его представителей и прекращения их „вольно-
стей”. К этому времени роль Андрея Андреевича Власова
была уже довольно большой и немцы остерегались и не
хотели сами принимать меры против нас, так как боялись
осложнений. Они вынуждены были проглотить очередную
пилюлю.

(Архив РОА — подлинник).

Немецкий шпион под судом РОА

В первых числах февраля 1945 года, в местечко Мюнзинген, близ Ульма, для инспектирования первой дивизии РОА, приехал, сопровождаемый высшими офицерами своего штаба, А. А. Власов.

Гитлеровцы никогда не доверяли Власову и тем, кто шел за ним. В те дни в Мюнзинген они направили новую группу своих военных и политических шпионов, одетых в форму солдат и офицеров РОА. Среди этих наймитов был Юрий Саакян, известный по многим лагерям военнопленных под кличкой „Юрка”.

Саакян, армянин по национальности, был молодым человеком лет 25-27, смазливый брюнет, смелый, подвижный и горячий. По его словам, в годы „ежовщины”, большевики, якобы, арестовали и сослали его отца. С тех пор Саакян лютой ненавистью возненавидел всех, кто прямо или косвенно был „повинен” в этой расправе без суда. Свою дикую ненависть и злобу Саакян перенес с правящей верхушки Кремля на весь русский народ и только ждал момента, когда эта злость сможет найти себе выход.

Такой момент наступил. В июне 1941 года началась война, а в октябре Саакян был уже в немецком лагере советских военнопленных. Он не скрывал, что добровольно перешел на сторону немцев и отдал себя в их полное распоряжение.

Немецкий зондерфюрер внимательно выслушал нехитрый рассказ молодого пленника, где каждое слово, каждый жест и взгляд были полны жгучей, неистовой ненависти к

„урусам”, погубившим его отца. Такой злости и ожесточения в человеке не встречал еще выдавший виды гитлеровский разведчик и палач.

Люди такого типа, как Саакян, чаще всего встречаются в таких учреждениях, как НКВД, Гестапо, МГБ... Поэтому Саакян был принят с готовностью на немецкую службу и назначен начальником полиции лагеря военнопленных. Так началась его, полная ужаса и омерзения, карьера.

За три года Саакян побывал во многих лагерях, нигде долго не задерживаясь. Но и это короткое время его страшного пребывания навсегда останется в памяти тех, кто чудом уцелел от его издевательств и пыток.

Саакяна назначали лагерфюрером с диктаторскими правами. В этих лагерях не только он сам, но даже его имя было воплощением страха и омерзения. Он грабил военнопленных, отбирая у них большую часть жалких голодных пайков 41-42 г.г. и хоть скольконибудь ценные личные вещи. При казывая военнопленным раздеться до гола, строем пропускал их перед собой. Затянутый в кожу, как ходили большевистские комиссары периода гражданской войны, с хлыстом из бычачьей жилы в руке, он испытующе смотрел в глаза проходящим...

Достаточно было малейшего повода — опущенной головы, глаз, и просто недостаточно почтительного и подобострастного взгляда, чтобы Саакян с грубой площадной бранью набрасывался на свою жертву и избивал ее до полусмерти. Когда Саакян шел по лагерю, пленные должны были снимать шапки, пилотки и стоять на вытяжку по команде „смирно”. Если кто либо зазевался, или Саакяну показалась, что шапка снята недостаточно поспешно, виновный подвергался новым издевательствам и мучениям.

Случалось, что военнопленные дерзко отвечали Саакяну. За это „преступление” виновный раздевался наголо, избивался и привязывался к столбу. Каждый, проходивший мимо столба, должен был ударить его лежащей рядом палкой. За процедурой наказания наблюдал полицейский. И, если военнопленный „увилывал” от исполнения этого гнусного приказа, или выполнял его не очень старательно, он сам под-

вергался жестокому наказанию. За невыполнение одного из приказов Саакяна, виновный был связан и выставлен на мороз. Его обливали водой до тех пор, пока несчастный не обледенел.

В зиму 42-43 г. от скверной, недоваренной пищи у пленных начался кровавый понос. Люди ослабевали от голода и болезни до такой степени, что не могли сползти с нар... В бараки ворвались „полицаи” во главе с Саакяном, стащили больных с нар и сволокли к гидрантам. На морозе, под большим напором воды, больных „обмыли” и бросили на голые барачные нары. Большинство из них умерло от воспаления легких.

Таких и подобных им издевательств и пыток Саакяна и его подручных можно было бы привести немало.

Немецкие власти часто меняли место работы „Юрки”, но черная слава летела быстрее его... Тысячи и тысячи русских, украинцев, белоруссов и других сынов России замучены, убиты, заморены голодом и каторжным трудом в лагерях, где хозяйничал Саакян. Все они пали жертвой зверской садистской расправы от рук этого выродка, потерявшего образ человека. „Деятельность” Саакяна как нельзя лучше отвечала интересам и немцев и большевиков.

К концу 1943 года положение военнопленных в лагерях несколько изменилось. В услугах Саакяна пропала прежняя нужда и его направили на шпионскую работу в качестве „пропагандиста” в русские военные отряды, вкрапленные в немецкие части, на восточный фронт.

„Пропагандистская” деятельность Саакяна в русских отрядах на фронте нам мало известна. Несомненно одно — боясь быть разоблаченным и получить пулю в затылок, Саакян отпросился в „тыл” и получил от немцев направление в 1-ю дивизию РОА.

В первый же день появления в распоряжении дивизии, группа солдат и офицеров — жертв и свидетелей зверств Саакяна, опознала „Юрку” и сообщила о нем военной прокуратуре РОА. Саакян был арестован и началось следствие.

Немцы, узнав об его аресте, обратились к Главной Военной Прокуратуре РОА с просьбой о „перечислении” Саакяна в распоряжение немецких следственных органов. Они испугались публичного освещения своей преступной политики в отношении советских военнопленных, направленной к их уничтожению.

Военная Прокуратура вежливо, но категорически отклонила немецкое предложение.

Тогда началось давление высших судебных и командных немецких инстанций на А. А. Власова и Начальника Штаба Ф. И. Трухина.

Однако, все их усилия ни к чему не привели. 20 февраля 1945 года, в переполненном до отказа большом зале офицерского собрания, Военный Суд 1-й дивизии Вооруженных Сил КОНР'а начал слушание дела Саакяна. Перед судом проходит вереница свидетелей — солдат и офицеров РОА. Каждый из них сообщает все новые и новые факты, рисующие мрачную, омерзительную картину зверств и утонченных издевательств садиста, сидящего на скамье подсудимых, и его хозяев.

Дает показания офицер, брат которого на его глазах засечен на смерть Саакяном... дает показания солдат, избитый и искалеченный полицейскими по приказу подсудимого... Новый свидетель — новое звено в цепи преступлений.

Закончено судебное следствие. Выступает обвинитель Военный Прокурор ВС КОНР'а. Он обвиняет Саакяна в преднамеренном убийстве девяти тысяч русских людей. Обвиняя Саакяна, он, опираясь на показания свидетелей, обвиняет и его немецких хозяев, вскрывая всю их преступную деятельность в лагерях военнопленных.

Выступают защитники. Они рисуют суду обстановку, в которой жил в Советском Союзе их подзащитный. Они вскрывают истоки той ненависти и злобы, которые породил и воспитал в нем советский строй. Показания свидетелей, выступление обвинителя, защиты и последние слова обвиняемого вызывают бурю негодования, возмущения и резкие реплики по адресу подсудимого.

Суд удаляется на совешание и после недолгого обсуждения объявляет приговор: „Именем Комитета Освобождения Народов России... Юрий Саакян, за чудовищные преступления, повлекшие за собой тысячи жертв, приговаривается к смертной казни — расстрелу...”

Саакян спокоен. Он уверен, что „хозяева” не забудут его услуг, не дадут его в обиду и помогут ему в последний момент. Поэтому он смело и дерзко просит разрешения послать прошение о помиловании „Фюреру немецкого народа — Адольфу Гитлеру”.

Председательствующий разъясняет осужденному, что правом помилования, согласно Положения о военных судах ВС КОНР пользуется только председатель КОНР’а — генерал-лейтенант А. А. Власов. Но за осужденным остается право послать прошение о помиловании кому он сочтет нужным...

Осужденного увели. Солдаты и офицеры РОА с удовлетворением встретили справедливый приговор.

Ночью прокурору сообщили, что осужденный просит свидания с ним. На этот раз спокойствие оставило Саакяна. Он нервничает, мечется. Он жалок, чувствуя неизбежность возмездия и просит о пощаде. Теперь он уже понял, что немцы после шумного процесса потеряли интерес к провалившемуся агенту и отказались от него. Ставка на Гитлера оказалась битой.

И Саакян заговорил по иному. Он признал, что в РОА его направили немцы, как платного агента за № 178. Он знает агентурную нацистскую сеть в РОА и готов продать свои сведения и дальнейшую „работу” в интересах РОА за одно — за жизнь...

Подобная сделка противоречила принципам молодой военной юстиции Российского Освободительного Движения, построенной на лучших принципах старого довоенного Суда России.

Генерал Власов отклонил прошение о помиловании и часы Саакяна были сочтены.

Немцы, однако, еще раз попытались затянуть приведе-

ние приговора в исполнение, с целью вырвать своего шпиона из рук российских судебных органов. Они требовали и настаивали на утверждении приговора Ад.Гитлером.

Прокуратура ВС КОНР'а неуклонно отклоняла эти требования.

Накануне дня приведения приговора в исполнение, Саакян, с помощью своих сообщников, пытался бежать из тюрьмы, но был застрелен часовым, солдатом РОА. Так приговор народного гнева, выраженный устами военного суда, был приведен в исполнение. Немецкий шпион и палач, воспитанный большевизмом в духе ненависти и злобы, вконец развращенный нацизмом, получил справедливое возмездие от Суда, созданного на принципах Манифеста.

Саакян — только одиночка в кадрах РОА. Эти единицы, в основном, состояли из большевистской или нацистской агентуры. Власовцы только ждали благоприятного момента, чтобы очистить свои ряды от малых и больших саакянов.

После процесса „Юрки”, солдаты и офицеры РОА выбросили их из своей среды и все они были осуждены Военным Судом Освободительной Армии.

Впервые в истории молодая, вновь формируемая армия, на чужой территории, без государственной силы и поддержки, отважилась создать независимый суд и по своим законам судить агентов того государства, на территории которого она начала свою жизнь.

Только Освободительной Армии Народов России была по плечу эта задача, ибо у этой Армии была своя независимая историческая миссия — борьба за новую Национально-Трудовую Россию, против большевистской диктатуры.

(Сборник „Мужество”. № 1, июль 1949).

Н. Н. КРАСНОВ

Власовцы в Советском Союзе

В ЛЕФОРТОВО

...В два часа ночи послышался тихий шорох открываемой железной двери нашей камеры. Сон арестанта вообще, да еще подследственного в Лефортовской тюрьме, очень чуток. Мы быстро приподнялись на своих койках, ожидая привычной процедуры:

„Ваша фамилия... Год рождения.. Имя — отчество... Вы! Одевайтесь! К следователю!”

Через две минуты дверь снова открывалась и слышался голос старшины:

„Готовы? Быстро! Выходи! Руки назад и — ни слова!”

Щелканье замка запираемой двери и... можно опять спать. До следующего вызова...

Но на этот раз никого не вызвали.

„Корпусной” (старшина войск МВД, являвшийся дежурным по нашему корпусу, единственный имевший право открывать двери камер и имевший ключи от всех камер — у дежурного надзирателя или „коридорного” ключей не было), бросив быстрый взгляд на всех нас — троих сокамерников — шепотом сказал:

„В баню! Быстро... Без вещей... Койки не заправлять!”

Через две-три минуты мы уже шагали по железному балкону 4-го этажа Лефортовской тюрьмы.

Ярко горел свет. Мягкий ковер-дорожка приглушал шаги. Кругом полная тишина... Только стены немного дрожали от работы какого-то сильного мотора внутри здания.

Спустились в подвал. Там — комнаты фотографов, прожарочные камеры для дезинфекции вещей, комната где берут отпечатки пальцев, боксы для ожидания заключенных и баня. Еще ниже — под баней — карцер...

В длинном коридоре бани стояла сплошная стена пара. Справа и слева — кабинки с душами, куда запирали заключенных купаться. Дежурный надзиратель по бане доложил „корпусному“, что все кабинки заняты и нужно подождать в боксе.

„Через полчаса у меня смена“ — сказал наш сопровождающий — „ткни их куда-нибудь. Это все „фрицы“ — не кумекают по-нашему“.

И против всех правил внутреннего распорядка следственных тюрем МВД, мы очутились под одним душем с еще тремя неизвестными голыми людьми.

„Быстро раздевайся, Фриц! Ферштейн? Мойся, мойся... Ясно?“ И дверь захлопнулась.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Один из заключенных, находившихся в душевой, обратился ко мне и, показывая на мою форму, спросил:

„Дейч?“

„Нет, русский!“ — ответил я.

„Давно попали? Из немецкой армии?“

Теперь на такой вопрос я бы сразу не ответил, но тогда... А, может быть, я просто поверил этому широкоплечему человеку, который тер свое тело куском мыла.

„Из казачьих частей...“ — коротко сказал я.

„Так! Значит, тоже выдали...“

Пока непрерывно шумела струя воды шести душей, мы

перебросились несколькими фразами.

Он оказался офицером штаба 1-й дивизии РОА. По чину, кажется, подполковник... Фамилию его не помню... Недавно был на очной ставке с генералом Буняченко командиром дивизии, который находился на Лубянке. По слухам, там же были Андрей Андреевич, Малышкин и Трухин. Остальные, якобы, в Лефортовской...

По словам этого офицера, машину на которой он ехал, когда 1-ая дивизия отходила от Праги, американцы пропустили в свой район. Потом, почему-то, за спиной американцев очутились советские Т — 34. Его схватили и, с остальными чинами штаба дивизии, доставили самолетом прямо в Москву...

„Давай, давай — выходи!“ — послышался голос надзирателя.

Одеваясь, я заметил, что мой собеседник надевал шоферский комбинезон... Больше я его никогда не видел...

СЛУХИ...

В Бутырке на Красной Пресне, я встретил несколько групп солдат РОА, попавших в плен к советам еще до капитуляции Германии. О выдаче генерала Власова они ничего не знали. Все они были дружными и крепкими ребятами, надеявшимися, что Андрей Андреевич, со штабом, не выдан и что это только провокационные слухи, пущенные МВД и что союзники знают и ценят генерала. Непрерывно повторяли они мне версию о том, что союзные самолеты не бомбили в 1945 году учебный полигон РОА под Хойбергом и, якобы, сбрасывали нашивки с эмблемой РОА в места расположения 1-ой и 2-ой дивизий. Слухи и только слухи... Но они верили. Это позволяло им держать себя в руках и давало надежду на что-то лучшее в скором будущем...

ИЗ КАНАДЫ.

Года шли... Далеко в Сибири... Я встречался с отдельными офицерами и солдатами РОА, но больших групп их

не видел. Говорят, что 1-ю дивизию РОА, прямо из Чехословакии, эшелонам отвезли на Колыму... Некоторые, вместо Колымы, называли Урал... Однако, мои собеседники не могли точно сказать что-либо, так как они прибыли уже из Московских тюрем. Их разъединили с ядром 1-ой дивизии еще по дороге в Советский Союз, а некоторые из них пережили выдачу в Платтлинге, Римини, Марселе и в Америке...

Помню, как в г. Мариинске, (пересылка и центральный лагпункт СИБЛАГА МВД) мне попались в лагере люди, одетые в солдатскую английскую форму. Головной убор был тоже английский. Конечно, знаков воинского звания и отличия на них не было, а по лицам можно было сразу узнать об их принадлежности к славянскому племени. Эти несколько человек принадлежали к группе бойцов РОА, которых англичане взяли в плен где-то во Франции. Потом их перевезли в Канаду, а оттуда, по той же самой „визе“, по которой и я попал в СССР, их направили домой — „на Родину“.

Очутились они в лагерях сразу — без следствия и допросов. В 1947 году им дали подписать извещение Особого Совещания МГБ СССР, которым они уведомлялись, что „решением ОСО, на основании вышеуказанных параграфов 58-ой статьи Уголовного Кодекса РСФСР“, они приговорены к 10-15 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

У них было единственное утешение, что всех „прелестей“ пересыльных и следственных тюрем они не испытали и потому сохранили даже кое-что из своей одежды. Во всяком случае, впоследствии, получив лагерное обмундирование, они довольно хорошо продали „вольным“ свою английскую одежду! А один из этих солдат РОА, смеясь, сказал мне:

„Что хорошее было в Канаде — так это вкусная свинья тушонка! От „пуза“ давали... Да и одели что надо! Не будь ихней одежды — плакали бы мы здесь. А так — хошь не хошь — а добрым словом вспомнишь тушонку, да форму! Хоть за это спасибо „союзникам“...“

ВЛАСОВЦЫ В ОЗЕРЛАГЕ

До 1950 года, приблизительно, почти не было никаких слухов о бойцах и офицерах 1-ой дивизии РОА. С этого

времени, в СССР, начали организовываться спец-лагеря для политзаключенных. Со всех концов Советского Союза, сотнями эшелонов, стали концентрировать „контрреволюционеров, фашистов, изменников родины” в семи основных лагерях, со строгой изоляцией... Советское правительство решило выделить наиболее опасный контрреволюционный элемент и изолировать его от остальной массы заключенных.

Невольно вспоминается старая поговорка: „загнать туда, куда Макар телят не гонял”. По моему, чекисты и руководствовались таким принципом... Загнать подальше от экономических центров страны, окружить „изменников родины” спец-конвоем и не допустить никакой связи заключенных с вольным населением. И вот тут-то я и встретился с основной массой солдат РОА.

Это было в районе спец-лага № 7 — на трассе железной дороги Тайшет-Братск. Если внимательно присмотреться к карте, то эта местность напоминает собой как-бы аппендикс — географический тупик! Вход в ОЗЕРЛАГ начинается у гор. Тайшет и только через него можно попасть дальше — по направлению к Братску. Туда ведут всего две дороги: одна железная и другая — грунтовая... Обе дороги находятся в эксплуатации и под надзором МВД. Движение вдоль трассы разрешается только по пропускам Управления Спец-лага № 7. Тупик кончается у Братска, где он упирается в реку Ангару.

В мое время там строили железнодорожный мост и прокладывали колею дальше — по направлению к Лене — для того, чтобы выйти навстречу стройке, которая велась от Комсомольска на Амуре. Сегодня, эти ветки уже соединились и построен третий двухколейный путь Транссибирской железной дороги.

Теперь, на Тихий океан можно попасть не только по линии Омск-Красноярск-Иркутск, но и по линии Красноярск-Тайшет-Комсомольск на Амуре.

В пятидесятых годах, справа и слева от полотна железной дороги располагались непрерывные лагпункты с заключенными и конвоем, редкие населенные места с спец поселенцами, выгнанными из родных краев Латвии, Литвы и

Молдавии, отправленных сюда „по собственному желанию” и, наконец, глухая, девственная тайга... Зимой ее не пройдешь из-за снега, а летом — мошкара заест!

Тайга... тайга! Сотни и тысячи километров... Куда уйти? В тайге — голодная смерть, а на единственной дороге — смерть от пули охраны. Да! Место для работы и уничтожения „фашистов” было выбрано без ошибки... Знаю, что и остальные шесть спецлагерей находились не в лучших условиях!

НЕСЛОМЛЕННЫЕ...

Но если руководство коммунистической партией думало этим сломить позвоночник политзаключенным, то оно ошиблось! Как раз тут-то и выковывалась сталь! В общих лагерях мы были рассеяны, вкраплены в среду бытовиков, уголовников, которые, по своей спайке, были сильнее нас. Ведь все мы люди... И под влиянием бытовиков, постепенно, мы превращались из политзаключенных в простых обывателей — лагерников. Конечно, не все, но многие... Не было в большинстве таких лагерей вожаков, старших, которые бы подняли дух, встряхнули бы усталые, убитые горем и голодом души заключенных и повели бы их на подвиги...

И вот, само МГБ помогло выковаться „контрикам!” Оно не учло главного: чем сильнее террор, чем больше мучения, тем крепче становится дух сопротивляющихся, тем скорее рождаются герои!!!

Все равно — смерть! Так уж пусть, как говорится, она будет „с музыкой”. Тут в спецлагерях встретились слабые и сильные духом. И последние повели за собой остальных... Я с гордостью могу сказать, что те, кто вел за собой остальных, были, в большинстве случаев, солдатами и офицерами 1-ой див. РОА, были и что особенно важно — оставались власовцами. Идея оказалась сильнее смерти!

ПЕРВЫЙ ОТБОР...

Судьба 1-ой дивизии РОА, по рассказам заключенных, была трагической...

После выдачи власовцев союзниками, СМЕРШ НКВД эшелонами отправлял их на Восток, под сильной охраной, не разбираясь на месте — кто офицер, а кто солдат. Сразу были выделены только офицеры Штаба РОА, лица из непосредственного окружения генерала Власова и штабные офицеры дивизий РОА.

Транспорты шли неделями, и люди, в закрытых телячьих вагонах, все время ждали своего неизбежного конца. Некоторые пытались бежать... Другие сами кончали жизнь самоубийством, но, большинство — усталые, измученные, разочарованные Западом, подчинялись приказам чекистов и молчали... Как выразился один из моих друзей — власовец: „как проданные бараны шли на убой”. Никто не знал, где конечная остановка эшелонов. Наконец — Сибирь... Кемеровская область...

По мере подхода эшелонов, они разгружались. Образовывались специальные лагеря. Здесь был произведен первый „отсев”. Следователи и органы 3-ей части Управления лагерей „работали” ночами, не зная отдыха. Они искали офицеров, пропагандистов...

Командиры полков, батальонов, рот, офицеры штабов, пропагандисты РОА — в спешном порядке вывозились из лагерей и отправлялись в тюрьмы для ведения следствия по обвинению их в „измене родине” — статья 58, пункт 1 б.

Большинство из них было осуждено Военным Трибуналом Восточно-Сибирского Военного Округа на 10 лет ИТЛ. Некоторые — приговорены к расстрелу. Последние были лицами, на которых существовал материал, что они, до поступления в РОА, служили в разных немецких отрядах и участвовали в акциях по борьбе с партизанами, отличаясь, якобы, особой жестокостью.

ЛОЖЬ ОБ АНТИПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ.

Были и доносы, как правило — ложные. Лучшее доказательство этому, — рассказ одного командира партизанского отряда, орденосца, при моей встрече с ним в лагере.

Этот высокий и крепкий человек (безусловно, активный партизнец в прошлом), во время войны, не успел эвакуироваться из Полесья и попал в окружение. Не долго думая, он организовал партизанский отряд из бывших красноармейцев и в лесах Белоруссии начал активные действия против немецкой армии. Основываясь на канонах коммунистической доктрины, вся работа велась по принципу: кто не с нами — тот против нас! Таким образом, его врагами стало и все население, которое оказалось под немецкой оккупацией. Слепо выполняя приказ Сталина, он оставлял после себя „черную землю”...

„Знаешь, Николай, ведь мы все хаты сжигали до тла... Раз ты даешь хлеб и мясо фашистам — смерть тебе за это! Тут конечно, столкнулись мы и с сопротивлением. Люди стали искать помощь у немцев. Однако, с фрицами, которые приходили нас „качать”, мы справлялись не плохо. Тогда немцы поумнели... Из местных жителей, из бывших командиров и красноармейцев, они стали организовывать антипартизанские отряды. И, знаешь, дело у них пошло... Ведь теперь-то свой защищал колхозника! Свой человек, который знал чем народ дышит, какую думку думает. Нам стало хуже... Но, куда там... Из центра требуют: действуй! А как действовать, когда население не только не идет тебе на помощь, а наоборот — против тебя?

В стычках с такими отрядами, мы переругивались. Кричим им:

„Фашисты! Изменники! С фрицами идете!”

А они в ответ нам:

„Мы — русские! А вы кто? Мы хотим сберечь то, что еще не ограблено у колхозников. А вы и немцы грабите их. Вот идите лучше к нам: спасем то, что есть еще, а там разберемся, когда коммуна побьем!”

Ну, сам знаешь, что мы могли им ответить... А потом, в отместку, нападём на хутор или колхоз, саждем все и вся, свалим на антипартизанские отряды! Да... А теперь вижу, что эти хлопцы правы были...”

За что он сел в лагерь — это другое дело, писать не стоит... Но, то что он теперь понял правду, за которую боролись бойцы РОА и другие — в немецких формированиях, было уже хорошо. Его слова подтверждают мои мысли, что доносы о зверствах русских отрядов по борьбе с партизанами — были ложью и провокацией НКВД.

Остальная масса людей дивизий РОА, из вспомогательных отрядов немецкой армии, из разных легионов и пр., выданных союзными державами, временно задержалась в проверочных лагерях.

ВОЛЬНАЯ ССЫЛКА

В 1946 году, неожиданно, пришел приказ:

„Снять проволочные ограждения и охрану с лагерей! Контингент, находящийся на проверочных пунктах, поставить в известность, что решением ОСО при МГБ СССР, они закрепляются за шахтами и производством — без права покинуть район — на срок 5 лет. Все гражданские права, кроме права голоса, возвращаются...”

Приблизительно так гласил этот приказ. Какие еще пункты входили в него — не помню... Все это звучало почти не правдоподобно, но в сумасшедшем доме — Советском Союзе — и не то бывает! Люди обрадовались...

„Все кончилось пятью годами ссылки! Теперь мы свяжемся с семьями — ведь они могут приехать... Можно говорить с народом... Дела будут! Расскажем всю правду — за что мы боролись!”

И... семьи приехали...

СНОВА ОБМАН

Работа кипела, спорилась в руках. Только почему-то начальство шахт и прежние руководители производства были заменены другими... Но, на это мало кто обратил внима-

ние. Однако, было ясно, что получив „волю”, люди не получили свободу! Разговаривать с населением, вне района поселения, было запрещено. Существовала и цензура писем. Но... близкие люди были с тобой, и часовой не мозолил глаза.

Таким образом была создана „отдушина” для следственного аппарата МГБ, которая позволила 3-ей части заняться заключенными, без спешки, методически и серьезно. В период с 1947 года и по 1950-ый, эти „спецпоселенцы”, постепенно, снова попали в лагерь. Без шума и огласки, вызывали человека на работе в спецчасть и давали „путевку” в район — „для регистрации во второй части”. Из района никто не возвращался. Человек исчезал на долгое время... Потом, приходило от него письмо — из одного из лагерей Советского Союза! Так, исчезали и снова „оживали” спецпоселенцы — власовцы.

25 ЛЕТ...

К концу 1951 года, на воле не было уже ни одного бывшего военнослужащего РОА. Власовцев судил Военный Трибунал и приговаривал всех, без исключения, как по трафарету, к 25 годам ИТЛ, с лишением прав на 5 лет и ссылкой на 5 лет по окончании срока! Четверть века! Выходило, что осужденные в 1946 году „за измену родине” получали всего 10 лет, а за тоже „преступление” в 1950 году — давали 25 лет! Но, тут я невольно вспоминал слова одного моего следователя:

„У меня в кабинете всего один стул для подследственного и я всех вас сразу посадить на него не могу. Вас ведь тысячи, а стул один! Поэтому, соблюдаю очередь!”

Просто и ясно объяснил следователь решение задачи о „вольной” ссылке власовцев!

Конечно, советское правительство не было великодушным к своим врагам, а тем более к бойцам, вступившим в ряды РОА. Думать, что коммунистическая партия простила „ошибки и заблуждения” власовцев — было бы более, чем наивно... И то, что ничего „прощено” не было, было доказа-

но 1950-ым годом, когда последние власовцы предстали перед Военным Трибуналом. Поэтому понятно, что если в период 1946-1949 г.г. некоторые „вольные ссыльные” и были окутаны розовым туманом, быть может и хотели забыть годы войны, раствориться в советской обывательщине, то, встретившись снова с тюрьмой и 3-ьим отделом, они уже навсегда освободились от этого тумана и снова стали активными власовцами. Только очень маленький процент из них пошел как-бы на компромисс с МГБ и, скрывая свое прошлое, старался слиться с общей массой заключенных, отрекаясь от всего, что им напоминало о прошлом в РОА.

К чести бойцов РОА — сексотов среди них я не встречал. Да иначе и не могло быть. Провокаторы и сотрудники СМЕРШа, которые были вкраплены в ряды РОА еще в Германии, выявились сразу же, после выдачи или плена. Те, которые пошли в Сибирь, были крепки духом. Они могли промолчать, скрыть свое прошлое, стать обывателями, но не предателями...

ЗА ПРАВДУ

В Спецлагере № 7, я побывал на нескольких лагпунктах. Всюду власовцы были на высоте. Бригады, которыми руководили власовцы были дружные, спаянные. Бригадир всегда защищал своих „ребят” перед начальством и старался всеми правдами и неправдами вывести нужный процент выработки, чтобы люди были сыты. Да и начальство побаивалось таких бригад. Выгоднее было их кормить, чем иметь эти бригады против себя. Находясь в рабочей бригаде власовцев, ты всегда знал, что за твоей спиной стоят товарищи, товарищеская спайка.

Бунты против советской власти в лагерях заключенных поднимали власовцы. И в бунтах на Воркуте и Джаскаучане, в стычках в Омске, в Кемеровской области, Колыме, Свирьлаге — всюду бывшие солдаты и офицеры РОА не оставались в стороне и активно действовали.

Рядом с взбунтовавшимися рабочими, рядом со стачечным комитетом, в который входили сербы, немцы, венгры,

финны, французы, русские, ингуши, туркмены, калмыки, украинцы — стояли плечом к плечу и власовцы. РОА не было организацией, включавшей в свой состав только русских. Нет! Все народности, населяющие нашу Родину, входили в ее ряды. РОА было символом Свободной России! Ее бойцы свято хранили традиции, созданного Андреем Андреевичем Русского Освободительного Движения. В плену и лагерях эти традиции не были преданы забвению. И вполне понятно, что к таким людям тяготели все те, кто продолжал вести борьбу против коммунизма.

ДЕНЬ ТРАУРА

Власовцами были те, которые первые потребовали, чтобы 1-ое августа было днем траура во всех лагерях СССР в знак протеста против зверского расстрела наших восставших товарищей на Воркуте (и — в знак траура по Андрею Андреевичу, казненному коммунистами 2-го августа). И все лагеря — по всему Советскому Союзу — присоединились к этому призыву.

ПОПЫТКА ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВЛАСОВЦЕВ

Советское правительство, в сентябре 1955 года, издав известную амнистию, решило привлечь власовцев на свою сторону или, во всяком случае, их нейтрализовать. Оно возвращало им свободу, прежние чины в армии — „лишь расскажите молодому поколению бойцов о том, как обращались с вами западные союзники после окончания войны...”

Перед моими глазами встают Лиенц, Платтлинг, Римини... Не знаю (я тогда уже покинул общие лагеря и находился в репатриационном лагере) как поступили бывшие бойцы РОА. По сведениям, которые дошли до меня не так давно, власовцы не пошли в советскую армию! Они не участвовали в подавлении восстания в Венгрии. Они не пошли маршировать под музыку коммунистической партии и выйдя на волю, стали работать как гражданские лица. Но они не могут молчать...

РОА ЖИВЕТ

Их простые, бесхитростные и правдивые рассказы о целях и задачах, поставленных генералом Власовым, находят отклик в душе народов России. Калмык — власовец, встретивший своего земляка, расскажет ему правду о Власове. Скажет о ней и грузин своему сонароднику. Расскажут о ней своим соплеменниками и белоруссы, таджики, и украинцы, крымские татары...

Образ Андрея Андреевича не меркнет, идеи Русского Освободительного Движения не умирают.

(„Россия”, 14 и 17 февраля 1959 г.)

ЛЮДИ, ГОДЫ ЖИЗНЬ

... Я сейчас задумался над этой книгой; я пишу последнюю часть, приближаюсь, следовательно, к концу. Читатель может спросить, почему пережитые мною годы часто выглядят черными, а люди, с которыми я встречался, описаны любовно, показаны их хорошие стороны. Конечно, я встречался с доносчиками, корыстными перебежчиками, карьеристами, но я с ними не дружил — не потому что был особенно зорким, просто судьба смирлостивилась. Были и у меня разочарования, порой я если и не дружил, то водился с людьми, которые потом оказывались мелкими, бессердечными, но я предпочитаю вспоминая многое, рассказывать не о них, а о годах, об обстоятельствах, благоприятствовавших душевному падению, не хочу судить, тем паче что не убежден в своем беспристрастии.

Все же я дошел в воспоминаниях до короткой встречи с человеком, который причинил людям много зла, и не могу эту главу опустить.

Пятого марта 1942 года я поехал на фронт по Волоколамскому шоссе. Впервые я увидел развалины Истры, Ново-Иерусалимского монастыря: все было сожжено или взорвано немцами. Вот уже двенадцать лет, как я живу возле Нового Иерусалима. Истра отстроилась, но порой, проезжая мимо новых домов, парка, памятника Чехову, я вижу снег и черноту далекого морозного дня, пустоту, смерть.

Я проехал через Волоколамск. Возле Лудиной горы в избе помещался КП генерала А. А. Власова. Он меня изумил прежде всего ростом — метр девяносто, потом манерой

разговаривать с бойцами — говорил он образно, порой нарочито грубо и вместе с тем сердечно. У меня было двойное чувство: я любовался и меня, в то же время, коробило — было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах. Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке среди другого я отметил: „Говорит о Суворове как о человеке, с которым прожил годы”.

На следующий день солдаты говорили со мною о генерале, хвалили его: „простой”, „храбрый”, „ранили старшину, он его закутал в свою бурку”, „ругаться мастер”...

Война была в то время позиционной. Шли бесконечные бои за Безымянную высоту, за деревню Петушки. От деревни давно ничего не осталось. Атаковали холмик, брали, потом отдавали. Когда я сидел с Власовым в блиндаже, немцы открыли шквальный огонь. Он рассказывал о больших потерях обеих сторон.

Потом я увидел расщепленный лес, он казался мертвым. Снег был еще белым, даже голубоватым, но на солнце млеял и чуть поникал. Час спустя все загудело. Наши пошли в атаку. Танки очистили от немцев ложбинку.

Мы прошли в блиндаж; видимо, там жили немецкие офицеры: стояли две никелированные кровати, валялись иллюстрированные еженедельники с портретами Гитлера и киноактрис. Боец нашел банку голландского какао. Санитары выносили раненых. Власов говорил: „А до Петушков не дошли... Треклятые Петушки!.. Впрочем, так нужно — прогрызаям их оборону”...

Мы поехали назад. Машина забуксовала. Стоял сильный мороз. На КП девушка, которую звали Марусей, развела уют: стол был покрыт скатеркой, горела лампа с зеленым абажуром и водка была в графинчике. Мне приготовили постель. До трех часов утра мы проговорили; вернее, говорил Власов — рассказывал, рассуждал. Кое-что из его рассказов я записал. Он был под Киевом, попал в окружение; на беду простудился, не мог идти, солдаты его вынесли на руках. Он говорил, что после этого на него косились. „Но тут позвонил товарищ Сталин, спросил, как мое здоровье, и сразу

все переменялось”. Несколько раз в разговоре он возвращался к Сталину. „Товарищ Сталин мне доверил армию. Мы ведь пришли сюда от Красной Поляны — начали чуть ли не с последних домов Москвы, шестьдесят километров отмахали без остановки. Товарищ Сталин меня вызвал, благодарил”.. Многое он критиковал: „Воспитывали плохо. Я спрашиваю красноармейца, кто командует его батальоном, он отвечает „рыженький”, даже фамилии не знает. Не воспитали уважения. Вот Суворов умел себя поставить”... Желая что-либо похвалить, повторял. „Культурно, хорошо”. Рассказывая о повешенной немцами девушке, выругался: „Мы до них доберемся”.. Вскоре после этого сказал: „У них есть чему поучиться. Видали в блиндаже кровати? Из города вытащили. Культура. У них каждый солдат уважает своего командира, не ответит „рыженький”... Говоря о военных операциях, добавлял: „Я солдатам говорю: не хочу вас жалеть, хочу вас сберечь. Это они понимают”...

Среди ночи он разнервничался: немцы осветили небо ракетами. „На самолетах пополнение подбрасывают. Завтра, наверно, возьмут назад ложбинку...” Часто он вставлял в рассуждения поговорки, прибаутки, были такие, каких я раньше не знал; одну запомнил: „У всякого Федорки свои отговорки”. Еще он говорил, что главное — верность; он об этом думал в окружении. „Выстоим — верность поддержит...”

Рано утром Власова вызвали по ВЧ. Он вернулся взволнованный: „Товарищ Сталин оказал мне большое доверие...” Власов получил новое назначение. Мгновенно вынесли его вещи. Изба опустела. Сборами командовала Маруся в ватнике. Власов взял меня в свою машину — поехал на передний край проститься с бойцами. Там под минометным огнем мы с ним расстались. Он уехал в Москву, а меня удержали военные: „Пообедаем...” В Москву я вернулся ночью. Надрывались зенитки. А я думал о Власове. Мне он показался интересным человеком, честолюбивым, но смелым; тронули его слова о верности. В статье, посвященной боям за Безымянную высоту, я коротко описал командующего армией.

Полковник Карпов мне сказал, что Власову поручили командование 2-й ударной армией, которая попытается прорвать блокаду Ленинграда, и я подумал: что ж, выбор неплохой...

Четыре месяца спустя, а именно 16 июля, немцы сообщили, что взяли в плен крупного советского командира; он прятался в избе, был одет, как солдат, но, увидев немцев, закричал, что он генерал, и, приведенный в штаб, доказал, что действительно является командующим Особой армией генералом Власовым.

Потом один советский офицер, выбравшийся из окружения, рассказал мне, что Власов был легко ранен в ногу, он шел по обочине, опираясь на палку, и ругался.

Прошел еще месяц, и немцы передали, что генерал Власов образует из военнопленных армию, которая будет сражаться „на стороне Германии — за установление в России нового порядка и национал-социалистического строя”.

Мне принесли листовку, подобранную на фронте, она у меня сохранилась. В ней идет речь обо мне: „Жидовская собака Эренбург кипитится”, подписана листовка „Власовцы”. Я прочитал, вспомнил, как рослый генерал в бурке полгода назад при прощании меня трижды поцеловал, и я выругался (правда, не цветисто — я не Власов).

Конечно, чужая душа потемки; все же я осмелюсь изложить мои догадки. Власов не Брут и не князь Курбский, мне кажется все было гораздо проще. Власов хотел выполнить порученное ему задание; он знал, что его снова поздравит Сталин, он получит еще один орден, возвысится, поразит всех своим искусством перебивать цитаты из Маркса суворовскими прибаутками. Вышло иначе: немцы были сильнее, армия снова попала в окружение. Власов, желая спастись, переоделся. Увидев немцев, он испугался: простого солдата могли прикончить на месте. Оказавшись в плену, он начал думать, что ему делать. Он знал хорошо политграмоту, восхищался Сталиным, но убеждений у него не было — честолюбие. Он понимал, что его военная карьера кончена. Если победит Советский Союз, его в лучшем случае разжалуют. Значит, остается одно: принять предложение немцев и сделать все, чтобы Германия победила. Тогда он будет главнокомандующим или военным министром обкорнанной России под покровительством победившего Гитлера. Разумеется, Власов никогда никому так не говорил; он заявлял по радио, что давно возненавидел советский строй, что он жаждет

„освободить Россию от большевиков”, но ведь он сам привел мне пословицу: „У всякого Федорки свои отговорки”...

Власову удалось набрать из военнопленных несколько дивизий. Одни пошли измученные голодом, другие потому, что боялись своих. В боях власовцы оказались нестойкими, и немцы ими пользовались главным образом для подавления партизанского движения. Когда после войны я приехал во Францию, жители Лимузена рассказывали о жестоких расправах власовцев с населением. Плохие люди есть повсюду, это не зависит ни от политического строя, ни от воспитания.

В июле 1942 года, когда Власов решил служить врагам своей родины, три пулеметчика и санитарка Вера Степановна Бадина защищали бугорок возле хутора Большой Должик. Их окружил батальон, они отстреливались. Немцы открыли артиллерийский огонь. Снаряд убил двух пулеметчиков, третий и санитарка были тяжело ранены. Немцы сразу пристрелили пулеметчика Напивкова, а девушке, обливавшейся кровью, грозили пистолетом — хотели, чтоб она попросила пощады. Вера Бадина действительно попросила у немецкого офицера, но не пощады, а револьвер, чтобы застрелиться. Ей было двадцать лет.

А в тот самый день, когда мне принесли листовку власовцев, я получил письмо с припиской: „Найдено у сержанта Мальцева Якова Ильича, убитого под Сталинградом”. Вот что писал Мальцев: „Дорогой Илья Григорьевич! Убедительно прошу вас обработать мое корявое послание и напечатать в газете. Старшина Лычкин Иван Георгиевич жив. Его хотели представить к высокой награде, но батальон, в котором мы находились, погиб. Завтра или послезавтра я иду в бой. Может быть, придется погибнуть. В последние минуты до боли в душе хочется, чтобы народ узнал о героическом подвиге старшины Лычкина”. Сержант рассказывал, как в августе 1941 года батальон попал в окружение; несколько человек трусили, убежали к немцам, других убили; живых осталось трое, и Лычкин их вывел из окружения, подбил немецкий танк, взял в плен двух немцев. Я тогда выполнил посмертную волю Мальцева. Идя в бой и, видимо, понимая, что его ждет смерть, он в последнюю ночь думал не о себе, а о своем боевом друге.

Можно ли ответить на вопрос: что такое человек, на что он способен? Да на все, решительно все. Может низко пасть, как пал Власов, может и подняться так высоко, что об этом не расскажешь. Я часто думаю о том, как различные люди, выросшие на одной земле, ходившие в те же школы, повторявшие те же слова. Именно поэтому я решил рассказать о Власове. (Все о нем давно позабыли, даже его сподручные, вовремя убежавшие в американскую зону оккупации. Они ведь теперь прославляют не национал-социализм, а „свободный мир”, им неудобно вспоминать о том, что они были власовцами).

Птицы летают, рептилии ползают. А человек не только всеядное существо, он воистину всеущ — он и парит высоко, и умеет пресмыкаться; это известно всем, а привыкнуть к этому нельзя, это всякий раз поражает не только ребенка, но и старого человека, казалось бы потерявшего дар удивления...

(„Новый мир”, № 1, 1963)

Примечание: И. Эренбург знает хорошо, что генерал Власов создал РОА не для установления национал-социалистического режима. Может быть т. Эренбург где нибудь напишет о Пражском Манифесте о котором молчит советская пропаганда до сих пор. Теперь не проходит и дня, чтобы какой-либо орган советской печати не выступил с воспоминаниями о РОА, пишут повести и романы, и с единственной целью — опорочить генерала Власова и РОА.

Если судить по писаниям советских литераторов, РОА была наемной армией Гитлера или просто „бандой предателей”, то стоило ли бы писать об этом, не лучше ли придать забвению как преданы забвению многие добровольческие армии времен этой же войны.

Публикуя воспоминания И. Эренбурга читатель сумеет отделить то обязательное к посрамлению, которым прикрывается автор. О генерале Власове не забыли в эмиграции, о нем пишут книги, показывают фильмы, пишут сотни статей. а его соратники продолжают начатое дело освобождения народов России. О генерале Власове не забыли военнопленные и острабочие, которых „добровольно возвратили” на Родину, иначе и не объяснишь обилие статей и книг выходящих в СССР о РОА и ген. Власове. „Птицы летают, рептилии ползают”, написал Эренбург о Власове, но Эренбург наиболее из омерзительных „ползающих хамелеонов”, которых только так и будет вспоминать история.



Берлин. 1944 г. В зале заседания посвященного обнародованию Пражского Манифеста. Митрополит Анастасий и митрополит Серафим.



Берлин. 1944 г. Зал заседания. Публика.



Берлин. 1944 г. Выступление председателя КОНР'а генерала Власова.

Как был взят в плен генерал Власов

Среди пленных, взятых германскими войсками при окружении большевиков в районе реки Волхов, находится и сам командующий 2-ой советской ударной армией генерал-лейтенант Власов.

Отдельные, разрозненные группы этой армии блуждали в лесах и по болотам и, в поисках пропитания, нападали на мирных жителей окрестных деревень.

Из доносений стало известно, что и сам командующий скрывался в волховских лесах. Германским солдатам были сообщены приметы генерала Власова.



После одной из стычек с бродячей большевистской базой разнесся слух, что Власов был убит. Но слух этот не подтвердился. Германский офицер, выяснивший, что советский командующий жив, на обратном пути проезжал деревню, бургомистр которой сообщил ему, что в одном из домов скрывается большевистский командир и с ним кавалер-женщина.

Офицер арестовал неизвестного. Последний был одет в длинную блузу, которую обычно носят члены советского командного состава. Германский офицер сразу узнал Власова по роговым очкам, но тот, не дожидаясь вопроса, на ломаном немецком языке сказал:

— Не стреляйте! Я — генерал Власов.

Презьявленными им документами, а также очкой ставкой с другими пленными командирами — личность Власова была точно установлена.

Генерал-лейтенант Власов, Андрей Андреевич, в чине генерал-майора в декабре 1940 года командовал 99-ой стрелковой дивизией, считавшейся лучшей дивизией Киевского Особого Военного Округа.

Готовясь к войне с Германией, советское высшее командование заранее подобрало командный состав для Красной армии. Генерал Власов, в начале войны командовавший украинцев, зимой получил в командование 2-ую ударную советскую армию и на него было возложено выполнение важной операции. Он должен был прорвать линию германского фронта на Волхове, а затем разорвать кольцо, охватывающее Петербург. Задача эта Власову выполняться не удалось — армия его была уничтожена и сам он отступил в плен.

Снимок из газеты „Новое Слово“. (Берлин, 1942 год).



Берлин. 1945 г. Генерал Власов на детской елке для русских рабочих. Момент богослужения. (О. Александр Киселев и Ф. Иоанн Легкий).



Берлин. 1945 г. Немецкие гости на русской детской елке. Среди них — ген. Кестринг, ген. Ашенбреннер и др.

М. Ф. Лукин, ген.-лейт.

«Мы не сдаемся, товарищ генерал!»

От редакции „Огонька”

В редакцию пришло письмо. Его автор — Петр Павлович Кругликов из поселка Чебсара, Вологодской области, пишет нам: „В номере 31 журнала „Огонек” за 1964 год, в очерке „Бессмертник”, я встретил имя генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина. В годы войны мне тоже пришлось хлебнуть горя в гитлеровском плену. И вот вспомнился такой случай.

Однажды часов в десять или в одиннадцать утра в ворота нашего лагеря под Нюрнбергом въехал крытый грузовик. Сначала из него выскочили пять эсэсовцев (видимо, охрана), которые тут же скрылись в здании комендатуры. За ними тяжело перевалил через задний борт и стал, опираясь на костыли, какой-то военный. Я пригляделся и чуть не ахнул: на лагерном дворе стоял советский генерал! Его лицо было измождено и выглядело хмуро. Но борода была аккуратно расчесана надвое, и голову он держал высоко и гордо. Я узнал его: это был генерал-лейтенант Лукин.

Волнение охватило меня. Промелькнула мысль: „Надо что-то сделать. Пусть генерал знает: хоть он и в лагере, но среди своих!.. Эх!

И я, насколько мне позволял ослабевший от каторжного труда и голода голос, подал команду:

— Лагерь! Смир-на-а!

Весь лагерь замер. Кругом установилась мертвая тишина.

Печатая строевой шаг изодранными ботинками, я подошел к генералу, как положено по уставу, остановился в трех шагах и вскинул руку к пилотке.

— Товарищ генерал-лейтенант! — отрапортовал я. — В лагере находятся русские военнопленные. За истекшие сутки от голода и мучений умерло столько-то. Но мы не сдаемся, товарищ генерал!..

Генерал слушал меня молча и торжественно, и даже на костылях его фигура сохраняла строгость и подтянутость.

— Вольно! — сказал генерал, когда я кончил свой рапорт.

Он шагнул было ко мне, может быть, хотел пожать мне руку. Но в это время в комендатуре загрохотали сапоги эсэсовцев, дверь с треском распахнулась, и мне пришлось спрятаться за спины товарищей...

Потом эсэсовцы долго разыскивали меня, но лицо они не заметили, а товарищи меня не выдали..."

Известно, что Михаил Александрович Шолохов постоянно встречается с интересными людьми. Среди его друзей — люди самых разнообразных профессий и удивительных судеб — и те, кто поднимал первые колхозные поля на Дону, и те, с кем М. А. Шолохов познакомился на фронте во время войны, и те, кто испытал тяжкую долю в годы культа личности. Как известно, в эти страшные годы гибель угрожала и самому писателю. Если бы не его друг Иван Погорелов, который вовремя предупредил о грозящей опасности, — Михаилу Александровичу не миновать бы смерти...

Не так давно Г. А. Шолохов встретился с генералом в отставке Михаилом Федоровичем Лукиным.

Судьба этого человека поистине необыкновенна. Наверное, в недалеком будущем мы еще встретимся с генералом Лукиным на страницах новой книги М. А.

Шолохова. А пока мы попросили Михаила Федоровича поделиться своими воспоминаниями с читателями нашего журнала.

**
*

Открываю глаза и ничего не могу понять. Где я?

В помещении полутемно. Над самым ухом кто-то стонет. Рядом горит печь: левый бок немилосердно жжет, а на одеяле, которым я укрыт, лежат пятна багрового света. Пошевелиться нет сил. Мне очень больно, но я не могу разобрать, где именно болит. Боль рвет все тело, мутит сознание. Хлопает дверь, раздается властная команда:

— Ахтунг!..

Входят и направляются прямо к моей койке два подтянутых немецких офицера — полковник и подполковник. За ними, отставая на полшага, поторапливаются унтер и врач в белом халате.

Офицеры останавливаются и некоторое время рассматривают меня в упор.

— Пленные показали, — сухо произносит наконец полковник на чистом русском языке. — Пленные показали, что вы — командующий девятнадцатой армией. Чем можете доказать?

Слова доносятся до меня, как сквозь вату.

— Мне нечего доказывать. У меня даже нет обмундирования...

Унтер-офицер быстро нагибается и достает из-под койки китель с генеральскими петлицами. Привычными движениями вытаскивает из грудного кармана удостоверение личности, а из внутреннего — партбилет.

— Битте, герр оберст!

Полковник бегло просматривает партбилет и бросает его в печку. С трудом поворачиваю голову и скашиваю глаза. Красная книжечка, кажущаяся в огне еще краснее, коробится, выгибается, потом сразу вспыхивает и сгорает, разбрасывая искры.

— Это вам больше не потребуется, — говорит полков-

ник, видимо, заметив мой взгляд. — Почему в вашем удостоверении значится, что вы — командующий не девятнадцатой, а шестнадцатой армией?

Удостоверение он изучает внимательно.

— Мы ждали господина генерала еще под Смоленском, когда он был командующим шестнадцатой и двадцатой, — вмешивается в разговор подполковник. — Но там ему дважды удалось вырваться из котла.

— Нам известно, что вместе с вами были еще пять генералов, — говорит полковник. — Укажите маршрут их движения!

— А если б вы были на моем месте, тоже указали бы маршрут?

Полковник внимательно смотрит на меня, но ничего не отвечает. Потом прикладывает пальцы к козырьку фуражки.

— Честь имею!

Немцы уходят. Врач откидывает одеяло. И только тут, увидев забинтованную култышку, я понимаю, что у меня выше колена ампутирована правая нога.

Итак, я в плену. Одной ноги у меня нет, другая перебита в двух местах. Правая рука раздроблена. Армия, которой я командовал, погибла. Зачем мне жить? И, сделав неимоверное усилие, я левой рукой срываю повязки...

Меня подхватывают, переносят на операционный стол, делают укол. И я засыпаю...

**
*

Так закончился этот день — самый тяжелый в моей жизни. Но прежде чем поведать о том, что было дальше, хочу рассказать, как я очутился в безвыходном положении...

Я хочу вернуться на неделю назад, в хмурые, осенние леса под Вязьмой, к тому времени, когда я еще был командующим 19-й армией, которая, сдерживая бешеный натиск врага, с упорными боями, шаг за шагом отступала к столице...

В ночь с 12 на 13 октября артиллерия и дивизион „ка-тюш” 19-й армии дали последние залпы, и мы предприняли последнюю попытку вырваться из окружения. Двум дивизи-ям удалось в ту ночь прорваться, но они не удержали флангов, и враг вновь замкнул кольцо. Теперь у меня не оставалось более никаких надежд.

Мы сидели на поляне, в небольшом лесочке. Моросил дождь пополам со снегом. Изредка раздавались одиночные выстрелы. Видя, что армия агонизирует, враг, потягиваясь, как сытый кот, выжидал, не предпринимая атак.

Все — офицеры штаба и командиры соединений, ко-торых я вызвал на это последнее совещание, — молчали и смотрели на меня. Смотрели с надеждой. Я видел по глазам многих, что от меня ждут чуда. Но никакого чуда я свершить не мог. В армии не осталось ни горячего, ни снарядов, ни продовольствия. На исходе патроны. Никакого маневра на крошечном пятачке, окруженном со всех сторон почти трид-цатью танковыми и механизированными дивизиями против-ника, совершить невозможно.

И все-таки я медлил, прежде чем отдать последний при-каз...

Что может быть горше положения военачальника, кото-рый лишен возможности руководить подчиненными ему вой-сками?! Я представлял себе голодных, измученных и **изра-**ненных, почти безоружных солдат, которые лежали в этот момент в обороне, не имея понятия, почему и как они оказа-лись в таком безвыходном положении. Многие из них, на-верное, с горечью вспоминали довоенные лозунги: „Бить врага на его территории, малой кровью, одним ударом”. И уж, конечно, во всем винили своего командующего. Может быть, даже подозревали его в предательстве. Ведь совсем еще недавно в войсках читали приказ Сталина, в котором го-ворилось о том, что расстреляны три генерала: Павлов, Кли-мовских, Григорьев... Изданный в спешке, необдуманный, этот приказ послужил источником слухов о предательстве. Во время боев за Смоленск какой-то слабонервный солдат с криком „Генералы нас предали!” бросился на меня и чуть не проткнул штыком.

— Управлять армией... — произнес наконец я и сам не узнал своего голоса. — Управлять армией и вывести вас из окружения я более не в состоянии. У меня нет к этому средств. Приказываю сжечь машины, взорвать орудия и выходить отдельными группами под руководством командиров частей и соединений.

К концу 13 октября армия стала разбиваться на группы, которые расходились в разные стороны в поисках места для прорыва.

В той группе, с которой двинулся я, находились заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Болдин, командующий АБТ фронта генерал-майор Мостовенко, начальник материального снабжения генерал-майор Андреев, член военного совета бригадный комиссар Ванеев и начальник штаба 19-й армии комбриг Малышкин.

В плену мне еще раз довелось повстречать Малышкина. Но об этом позже.

Не буду рассказывать, как бродили мы по тылам противника, пытаясь перейти линию фронта. Пробраться к своим мне не удалось, и я, тяжело раненный, в бессознательном состоянии попал в плен...

**
*

С ноября по декабрь я пролежал в смоленском госпитале для военнопленных. Легко представить, что это было за учреждение и в каких условиях содержались в нем наши раненые — об учреждениях подобного типа много писалось. Замечу лишь, что ежедневно в этом госпитале умирали 300 — 400 человек, не столько от ран, сколько от недоедания, невыносимой грязи и полного отсутствия медикаментов.

Раны мои не заживали.

Однажды ко мне пришел врач, сопровождаемый двумя санитарями с носилками, и сказал, что меня хочет повидать какой-то штатский. Санитары подняли меня с пропитанного гноем и кровью, вонючего матраца и перенесли в контору. Там у стола сидел человек.

— Вы не узнаете меня? — спросил он по-русски.

— Впервые вас вижу.

— А ведь я в вашей армии служил!

— Что вы хотите мне сказать? — спросил я резко.

— Видите ли, господин Лукин, положение на фронте не в пользу Красной Армии. Всюду побеждает новый порядок Гитлера. Вам придется плохо в плену, если вы не найдете общего языка с германским командованием... Вы должны работать для русского народа...

— Я и так всю жизнь работаю для русского народа! — перебил я. — А ты — предатель и изменник! Да как ты смел мне, советскому генералу, предложить такое?! Пошел вон, мерзавец!

Он что-то еще пытался объяснять, но я не стал его слушать.

— Немедленно унесите меня отсюда! — что есть мочи кричал я.

Через два дня ко мне пришли два немецких офицера. Прежде чем начать „деловой разговор“, один из них — майор — довольно долго распространялся о том, что много лет жил в России и даже учился в русской гимназии.

— Так вы пришли ради того, чтоб сообщить мне об этом? — не вытерпел наконец я.

Немец, как мне показалось, смутился.

— О нет, герр генерал! Просто вы очень дурно обошлись с тем русским, который сотрудничает с нами...

— С кем это — с вами?

— С нами, с командованием германской армии. Этот господин очень обижен... Вы его глубоко оскорбили...

— Он изменник и предатель. Я не желаю с ним разговаривать!

— Ну и не нужно! Он вам что-нибудь предлагал?

Я не ответил. Немцы переглянулись.

— Хорошо, — сказал один из них, — Пока мы ничего от

вас не требуем. Но вы генерал. Вы тяжело ранены на поле боя. Мы, немцы, умеем ценить воинскую доблесть... Мы хотели бы улучшить условия, в которых вы содержитесь, перевести вас в другой, более приличный госпиталь. Как вы относитесь к этому?

Я задумался. Мне было ясно, что эти гитлеровские офицеры хотят меня как-то использовать в своих целях. Но со времени моего пленения прошло более двух месяцев. Оперативные данные о 19-й армии их уже не могли интересовать. Следовательно, им требуется нечто иное. Они думают подкупить меня. Но что же им нужно?.. В эту минуту я почти пожалел, что не дослушал до конца предателя, который приходил ко мне накануне, и не выведал их планов.

— Так как же вы относитесь к переводу в более подходящие условия? Например, в немецкий военный госпиталь? — настойчиво повторил немец.

Мое состояние оставалось чрезвычайно тяжелым. Нечего было и думать о выздоровлении в госпитале для русских военнопленных. Но если я соглашусь, не пойду ли я на сделку с врагом? Тут я вспомнил о своем товарище, тяжелораненом генерал-майоре Прохорове, который лежал вместе со мной... Ему тоже, как и мне угрожала медленная и мучительная смерть.

— Ладно, — ответил я. — Можете перевести меня в другой госпиталь. Но только в том случае, если со мной вместе будет переведен и генерал Прохоров. Это — мое обязательное условие.

По лицам немецких офицеров я понял, что мое условие пришлось им не очень-то по вкусу. Тем не менее они согласились.

Меня и Прохорова перевели в немецкий госпиталь и положили в одну палату. К нам даже прикрепили старушку — жительницу Смоленска, которая не успела эвакуироваться, и эта старушка за нами ухаживала. Ухаживала за нами еще и санитарка по имени Наташа Дровяникова, тоже местная жительница. Однажды Наташа принесла нам из дому отличного наваристого борща, а старушка дала к чаю меду и сухарей, которые раздавали немецким раненым. Когда мы

все это ели, в нашу палату вошла медсестра-немка. Она отхлестала по щекам и старушку и Наташу Дровяникову, и с тех пор ни ту, ни другую мы более не видели...

Что бы там ни было, в немецком госпитале условия были несравненно лучшими, наше природное здоровье взяло верх над ранами, и они стали понемногу заживать.

Как только мне стало несколько лучше, к нам в палату явился немецкий офицер. Усмехаясь, он вытащил из кармана бумажник и разложил передо мной документы. Это было удостоверение личности, партийный билет, личные письма и фотографии генерала Качалова.

— Узнаете? — спросил офицер.

Я пожал плечами.

— Качаловых у нас много. Есть, например, знаменитый артист Качалов.

— Не прикидывайтесь, генерал! — сгоняя с лица улыбку, сказал немец. — Это командующий армией, генерал Качалов! Он убит нашими войсками в бронемашине...

Я не отвечал.

— Теперь у вас он объявлен врагом народа, — продолжал офицер. — Его семья подвергается гонениям. А у нас он бы считался героем, его наверняка наградили бы железным крестом! Понимаете разницу, генерал?

Я уже понял, к чему он клонит. Я понимал, что офицер явился неспроста, что весь этот разговор — лишь одно из звеньев подготовки к чему-то важному, чего хотят добиться от меня гитлеровцы...

Офицер встал и направился к двери.

— Советую серьезно подумать о вашей судьбе и о том, что предпринять дальше! — сказал он, стоя на пороге.

— Как ты думаешь? Правду это он... о Качалове? — спросил я у Прохорова, когда немец вышел.

— Все может быть, Михаил Федорович! — с горечью откликнулся Прохоров.

К этому времени мы уже знали, что генерал Качалов не сдавался в плен, как это было сказано в приказе Сталина, обвинившего генерала в предательстве.

Значит, он убит, и немец говорил правду...

После войны я узнал подробности гибели генерала Качалова. В тот момент, когда к командному пункту 28-й армии прорвались гитлеровские танки, генерал Качалов бросился в бронемашину. Он хотел повести за собой людей, в последний раз попытался вырваться из окружения. Но тяжелый снаряд попал в броневик, и Качалов был убит.

Между тем адъютант Качалова, прокурор и председатель военного трибунала 28-й армии, после того как они вышли из окружения, желая выгородить себя, сообщили, что генерал, увидев немецкие танки, сорвал с себя знаки различия и ордена и побежал сдаваться в плен...

Этих, как выяснилось позже, совершенно ложных, ни на чем не основанных обвинений оказалось достаточно для того, чтобы обвинить Качалова в предательстве и репрессировать его семью.

...В феврале сорок второго нас привезли в Берлин, в канцелярию одного из лагерей. Немецкий фельдфебель, который вышел к нам, окинул нас насмешливым взглядом и сказал на ломаном русском языке:

— На первый январь цвай миллионен руссише кригсгефангенен есть умер, герр генерал... Ви понимаете?

Мы и без него понимали, что нас ждет.

Внутри лагеря военнопленных был расположен второй лагерь — для русских. Мы оказались за двойным кольцом проволочных заграждений — во внешнем кольце находились военнопленные других государств. Паек наш состоял из двухсот граммов нечищенной картошки, литра супа из брюквы и двухсот пятидесяти граммов эрзац-хлеба. Русские узники лагеря называли свой паек „смертельным”.

Военнопленные других государств снабжались значительно лучше. Им полагались маргарин, картофельный суп и даже кое-какие мучные изделия. Представитель швейцар-

ского Красного Креста, который как-то посетил наш лагерь, на мой вопрос, почему нам не оказывают никакой помощи, ответил, что Советский Союз отказался подписать Гаагскую конвенцию и поэтому Международный Красный Крест ничего сделать для нас не сможет.

— Видимо, ваша страна собиралась воевать без военнопленных, — не без издевки добавил он.

Тем не менее мы жили. Во всех лагерях, в которых мне пришлось побывать, узники других государств, зная, что у нас „смертельный паек“, тайком передавали нам продукты, иной раз даже курево.

В один из январских дней 1943 года ко мне явился генерал-предатель Власов. Его сопровождал фашистский майор — тот самый, который перевел меня и Прохорова в немецкий госпиталь в Смоленске.

Власов был в длинном черном штатском пальто, которое делало его еще выше и сутулее, чем на заседании военного совета Наркомата обороны в начале сорок первого, когда я видел его в последний раз. Он встретил меня стоя. Щелкнул каблуками и приложил руку к полям фетровой шляпы на немецкий манер. Потом вытащил из кармана бумагу и театральным жестом протянул ее мне: „Прошу вас прочитать, господин генерал!“

Не отвечая на его приветствие, я молча взял бумагу и стал читать. Это было так называемое „Воззвание к русскому народу“. В нем партия и вся Советская власть объявлялись враждебными народу нашей страны, а далее говорилось о том, что в скором времени будет сформирована русская освободительная армия (РОА), которая пойдет освобождать Россию.

— Ну и что? — спросил я, окончив чтение.

— Прошу подписать эту бумагу! — торжественно провозгласил Власов. — Вам доверят высокая честь — быть командующим РОА!

— Вот что, Власов, — сказал я громко, так, чтобы меня слышали в соседней комнате, в которой, как я знал, собрались мои товарищи по плену, генералы и старшие офицеры

Советской Армии. — Вот что, Власов... Меня теперь уже не интересует вопрос, каким способом ты получил партийный билет и для чего ты его носил. В моих глазах ты просто изменник и предатель, и та шайка отщепенцев, которую ты наберешь под свое бесславное знамя, тоже будет не армией, а сборищем предателей... Ты мне скажи, Власов, как ты свой народ обманул?!

Я очень волновался, меня от негодования била дрожь. По лицу Власова пробегали судороги. Видимо, он ожидал, что разговор будет иным.

— Советы мне не доверяли! — пробормотал Власов, отводя от меня глаза. — Я был в загоне...

— Врешь! До войны ты командовал девяносто девятой дивизией. Потом принял корпус. В сорок первом армию получил! Какое же тут недоверие? А если бы и не доверяли, разве это оправдывает измену Родине?

— Меня в Смоленске на улицах встречали!

— Посмотри туда, Власов, — сказал я, кивнув на окно. Сквозь стекло было видно, как немецкий солдат избивает советского военнопленного. — Ты видишь, как тут уважают русского человека? Так с кем же ты пойдешь освобождать Россию? Вместе с теми, кто вот так относится к ее народу? Кто вытоптал и выжег ее землю, там, где успел побывать! Так и в Смоленске, выгнали палками людей на улицу тебя встречать! Как ты мог в глаза смотреть этим женщинам и детям? Откажись, пока не поздно, от своего предательского дела!

— Вот видите, — сказал Власов, обращаясь к майору. — Видите, с какими трудностями мне приходится сталкиваться при формировании армии. А вы мне не верили! Я предлагал генералу Снегову, генералу Понеделину, генералу Карбышеву... Вот видите, теперь и Лукин отказывается!

— Генерал Лукин, видимо плохо представляет себе, к каким последствиям может привести его отказ! — со сдержанной угрозой в голосе, пробурчал немецкий майор. — Нам известно, что вы были офицером царской армии. В России вас уже объявили врагом народа... Что вас связывает с Со-

ветами? Еще раз предлагаю вам пост командующего РОА!

— Категорически отказываюсь! Я понимаю: вам выгодно, чтобы я стал командующим. Меня в Красной Армии знают поболее этого отщепенца. Но я отказываюсь! Слышите? Отказываюсь

Теперь я был уверен, что меня слышат не только презренные вербовщики, но и наши, советские военнопленные.

Власов вытащил из кармана пальто пачку махорки и стал курить сигарку. Руки его вздрагивали.

— Видишь, Власов, немцы тебе даже сигарет не дают! Махорку и то самую паршивую куришь... Не такие дураки немцы, чтобы дать тебе командовать армией. Они сами будут командовать, а ты у них будешь на побегушках!.. Я не пророк, Власов, но ты вспомнишь мои слова!..

— Хватит! — заорал немец. — Убрать его!

Дважды за это время ко мне приезжал и „генерал” Малышкин. Как я уже говорил, Малышкин был начальником штаба 19-й армии, которой я командовал, а когда попал в плен, изменил Родине и стал начальником штаба РОА. Этот, хоть цель его приезда была та же, что и у Власова, уже не пытался склонить меня на свою сторону, а просто, как говорится, „изливал душу”.

Он рассказал, что после того, как я решительно отказался составить компанию Власову, немцы и сам будущий „освободитель России” решили привлечь на свою сторону одного из отпрысков династии Романовых, бывшего великого князя Кирилла Владимировича*. Того самого, которого еще перед войной белая эмиграция короновала в российские императоры. Власовская делегация с большой помпой явилась в Париж, где жил в то время Кирилл. Все члены делегации щеголяли в новеньких немецких мундирах с нашивками „РОА” на рукавах и в лентах цветов царского русского флага. Перед отелом, в котором проживал „самодержец всея Руси”, выстроился почетный караул.

* Примечание: „Великий князь” Кирилл Владимирович умер за три года до войны.

Но... „великий князь”, узнав, зачем пожаловала к нему власовская делегация, выслал к представителям РОА своего камердинера, который передал „собственные его величества слова” о том, что с изменниками Родины никаких дел он иметь не желает...

Выслушав все это, я впервые за все время плена громко, от души рассмеялся.

— Ну и рассмешил ты меня, Малышкин! Плохи же ваши дела, если даже царь, которого давно народ из России вышвырнул, не желает с вами разговаривать!

— Черт меня толкнул на эту авантюру! — мрачно проворчал Малышкин. — Обида грызла... Вот я и решил...

— Да какая же у тебя-то обида на Советскую власть?

— Генерала не дали. Так и ходил в комбригах до самого плена.

Я усмехнулся: когда в Красной Армии были введены генеральские звания (взамен комбригов, комдивов, комкоров и командармов), утверждение Малышкина в новом звании действительно задержалось*.

— А немцы генерала дали, значит? — спросил я.

— Немцы дали...

— Ну что ж, носи немецкие погоны, коли не брезгуешь, мелкая ты душонка! Только много ли носишь?

— Эх, Михаил Федорович, Михаил Федорович! — горько вздохнул Малышкин. — Завидую я тебе, хоть и ноги у тебя нет, хоть и искалечен ты весь... Не поддался, ничем себя не скомпрометировал... Посоветуй: что же мне теперь делать? Бежать? Следят, не сумею уйти. У нашего дома в Берлине день и ночь стоит караул... Я и в лагерь-то приехал в сопровождении охраны!

— Хочешь, посоветую тебе откровенно? Слушай: пусти себе пулю в лоб. Хоть немного искупишь свою вину перед народом.

* Ген Малышкин был арестован НКВД

— У меня нет оружия. Не доверяют...

— И оружия нет? Эх ты! А еще генерал!.. Иди-ка ты, Малышкин, с глаз моих долой!

Малышкин встал, потоптался с минуту на месте, видно, ожидая, не протяну ли я ему руку. Но не дождался, еще раз тяжело вздохнул и поплелся к выходу...

А когда Малышкин явился ко мне во второй раз, я просто повернулся к нему спиной.

— С предателями не разговариваю!

...С этого времени немцы, видимо, потеряли надежду заманить меня в свои сети и больше не присылали ко мне всякого рода парламентариев. Зато режим моей лагерной жизни сделался еще более жестким, и я чудом спасся от неминуемой гибели, остался в живых и не разделил участи генерала Карбышева, зверски замученного в Маутхаузене, генералов Сотинского и Пономарева, расстрелянных в крепости Вюрцбург, в которой сидел и я, и многих других...

Не буду рассказывать всего того, что пришлось пережить мне и моим товарищам по плену, когда мы бежали из Вюрцбургской тюрьмы, и о том, как мы добрались до города Мосбург, в котором повстречались наконец с английскими и американскими войсками...

Первым человеком оттуда — с Большой земли — был начальник советского репатриационного консульства генерал-майор Драгун. Он самым теплым образом встретил нас, поздравил с освобождением, устроил нам роскошный обед. „А теперь отдыхайте! — сказал он. — Чувствуйте себя, как на советской земле. Скоро полетите домой!”

Наконец наступил долгожданный день возвращения на Родину.

Ранним утром на парижском аэродроме мы погрузились в краснозвездный транспортный „ЛИ-2” и, радостные, взволнованные, поднялись в воздух...

Но уже в полете радость наша постепенно сменилась беспокойством: летчики и сопровождавшие нас люди в воен-

ной форме держались хмуро и замкнуто, в разговоры с нами не вступали, а на наши расспросы не отвечали. Беспокойство наше усилилось еще более, когда после долгого полета „ЛИ-2” приземлился на Центральном аэродроме. На взлетном поле и возле здания аэровокзала — ни души. Трапы никто и не думает подавать. Двери закрыты. Мы поняли, что ничего хорошего нас не ждет. В самолете установилась гнетущая тишина...

После получасового ожидания, которое нам показалось вечностью, на взлетное поле выехали два автобуса и несколько легковых автомобилей. Из приземистого здания аэровокзала вышла группа военных во главе с генералом. Подкатили трап. Мы один за другим сошли на родную землю.

Офицер, который держал в руке список, начал выкликать прибывших по фамилиям и распределять по автобусам. Дошла очередь и до меня. Офицер указал в сторону легкового машины: „Вас прошу сюда!..”

Наконец тягостная процедура переклички закончилась. Мы тронулись. Сердце мое замерло, когда мы выехали на Ленинградское шоссе. Москва... Родной мой город! Думал ли я, что увижу тебя вновь?.. Весна, которую я впервые в этом году увидел в предгорьях Альп, а потом в Париже, снова бушевала в деревьях.

Но я тут же вернулся к действительности. Куда же нас везут? Промелькнул Белорусский вокзал. На Лесную не свернули — значит, не в Бутырки... Площадь Дзержинского. Лубянка? Нет, поворот к Старой площади. „Нас везут в ЦК?” — неуверенно спросил я у своего спутника. Он усмехнулся: „Туда еще рано... Время покажет!..” „Неужели в Лефортовскую тюрьму?” — вырвалось у меня. „Нет. Пока едем в Люберцы”.

В Люберцах под охраной мы провели пять месяцев, в течение которых нас что ни день вызывали на допросы. Потом еще два месяца в Голицыне. Мы носили офицерскую форму без погон, питались в офицерской столовой. Но часовой под грибком и ежедневная поверка напоминали: Москва, наши родные и близкие все еще далеки...

Прошло бесконечно долгих семь месяцев. Наконец однажды после обеда к нам пришел солдат: „Генерал-лейтенант Лукин! К следователю!...”

Все ахнули. Еще бы! Это был первый случай, чтобы одного из нас назвали по воинскому званию, а не, как обычно, по фамилии.

В комнате, в которую меня ввели, сидели трое. Мне предложили сесть и с минуту молча рассматривали меня. Потом один сказал: „Ну что ж... Собирайтесь. Едем!”

Видимо, я изменился в лице.

— Что с вами, генерал? Идите, собирайтесь. Только никому не говорите, куда едете.

— Да я ведь и сам не знаю!

— Вы едете домой!

На этом мытарства мои кончились. Скоро я уже обнимал жену и родных. И не было конца нашей радости...

Что касается остальных моих товарищей по гитлеровскому плену, то всем им было предложено поступить в Академию Генерального Штаба (я из-за тяжелых ран не смог этого сделать и вышел в отставку). Однако вскоре их уволили из армии.

Прошли годы. Кануло в прошлое тяжелое время культа личности Сталина. В стране и в партии восторжествовали ленинские принципы отношения к людям и к их делам. Реабилитированы и восстановлены в правах от произвола.

И теперь я по-иному смотрю на все то, что пришлось пережить. И по-иному оцениваю сражение в страшном сорок первом, в первые месяцы небывалой в истории человечества битвы двух миров.

...Принято считать: если армия уступила противнику поле боя, — значит, она потерпела поражение. Формально так оно и было. Девятнадцатая армия оказалась в окружении и после тяжелых и упорных боев распалась. Удивляться тут нечему: противник превосходил нас по количеству живой силы более чем втрое, танков — вдвое, артиллерии — вчетверо.

А превосходство в воздухе просто-напросто не поддается сравнению. Самолетов у нас почти не было. К тому же гитлеровское командование все время вводило в бой свежие силы, а мы к тому времени уже понесли значительные потери и были донельзя утомлены.

И все-таки, ежели посмотреть на это сражение в масштабах всей войны, — оно выиграно нами. Выиграно потому, что благодаря упорству и стойкости советских солдат и офицеров гитлеровские ударные части, хоть они и добились тактического успеха, за время октябрьских боев были изрядно нами потрепаны и нуждались в пополнении и перегруппировке. Они потеряли драгоценное время и не сумели осуществить главного своего стратегического замысла — захватить Москву. Мы вложили толику и своего ратного труда в спасение столицы! И в какой-то мере исправили тяжелые ошибки и просчеты Сталина, совершенные до начала войны и в ходе первых ее боев.

Дорогой ценой пришлось заплатить нам за эти ошибки. Но когда я возвращаюсь мыслью к тем страшным октябрьским дням, в хмурые, осенние леса под Вязьмой, я думаю: да, ради такого дела стоило пережить все!

Литературная запись В. Павлова.

Примечание:

Описываемые события ген. Лукиным в действительности имели место, но с маленькой поправкой на правду. С ген. Лукиным встречались многие офицеры и генералы штаба РОА, но причины отказа вступить в РОА и стать главнокомандующим последней, совершенно не те, которыми прикрывается теперь престарелый генерал (да еще быв. офицер старой царской армии), чтобы какнибудь прослыть пропагандистом нового курса.

Ген. Лукин прямо заявлял, что он против сталинщины и коммунизма, но он не желает пойти в РОА только потому, что не верит немцам. Описание встреч с генералами — чистой выдумка и фантазия. Генералы Власов, Трухин, Малышкин хорошо знали ген. Лукина и сохранили с ним самые теплые отношения и после его отказа от вступления в РОА. По просьбе генерала Власова дважды переделывали протезы ген. Лукину, который нуждался в них. В ряде писем к ген. Вла-

сову, ген. Лукин очень тепло отзывался о генералах РОА, давал советы.

В своих воспоминаниях ген. Лукин не указывает, что он был руководителем подпольного коммунистического движения в лагере, но советские пропагандисты давно об этом написали, за много лет до выхода его воспоминаний. Во всяком случае, как свободные люди, мы публикуем его воспоминания без фантазий и считаем, что они и в таком виде прольют свет на истинное положение дел с организацией РОА.

И последнее замечание: ген. Лукин много вносит искажений в свои воспоминания, т. к. они, повидному, писались не без подсказок сверху. Так напр. ген. Л. указывает о встрече ген. Малышкина с Великим Князем Кириллом Владимировичем во время войны, но всем известно, что Вел. Князь умер за три года до войны. Такова цена некоторым сообщаемым фактам.

В Архиве РОА имеются материалы о генерале Лукине, которые будут опубликованы в третьем томе.

К. Попов
Инж. подполк.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ и РАЗВИТИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ (ТЕХНИЧЕСКИХ) ВОЙСК КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Инж.-подполк. Клавдий Иосифович Попов передал Архиву РОА большое количество материалов и документов по истории Освободительного Движения.

В настоящем томе публикуются наиболее существенные из его воспоминаний о Вспомогательных Войсках КОНР-а.

С некоторыми замечаниями К. И. Попова согласиться нельзя, но отбрасывать его взгляды на события не следует.

Архив РОА предоставляет страницы своих Трудов всем, независимо будет ли это нравиться кому или нет. Единственное право Архив РОА оставляет за собой — право уберечь авторов от слишком субъективных суждений и личных выпадов.

К. И. Попов активно сотрудничает с Архивом РОА. Его воспоминания о ВВ КОНР-а были в свое время напечатаны в Бюллетене Русской Секции Немецкого Солдатского Объединения.

Введение

Вспомогательные (Технические) Войска КОНР, являясь частью РОД, свое возникновение и историю, совершенно естественно, определяют из практического опыта работы его участников в условиях советской действительности.

Каждый работник техники и промышленности, испытавший на себе „руководство“ администратора — коммуниста, как правило, технически малограмотного, приходил на практике к результатам работы от терпимых до катастрофически плохих. В последнем случае виновником оказывались техни-

ки, даже если они и предупреждали о неправильной постановке и исполнении того или иного дела. Отсюда каждый технический работник, знающий свое дело, замыкался в возможно меньшем объекте работы для уменьшения ответственности и риска попасть под суровую ответственность советского „п р а в о с у д и я” и все, естественно работали меньше, с меньшей инициативой, т. е. производили меньше и хуже нормального.

Все техническое хозяйство страны, превозносимое и лелеемое коммунистическим правительством, наглядно работало из рук вон плохо.

Техническая интеллигенция и опытные рабочие сразу распознали злобредность советского управления, повсюду и всегда они были оппозицией знания к невежественному коммунистическому правлению.

Оппозиция знания, естественно перерастала в оппозицию духа и, как известно, приводила к саботажу, распылению кадров и даже к вооруженному сопротивлению советам.

Коммунистические правители почувствовали это и жестоко боролись с так называемыми предельщиками и вредителями, препятствовавшими изнасилованию технического оборудования в погоне за рекордами, всегда снижавшими суммарную производительность предприятия.

Коммунистические правители тогда пошли по пути „выковывания” собственной — пролетарской технической интеллигенции, но поскольку индивидуумы ее познавали технику — становились „предельщиками” и оппозиционерами безграмотному „руководству” и репрессировались наравне со старой (гнилой) интеллигенцией.

Возникшая война и здесь обещала разрубить Гордиев узел советской кабалы. Однако жадность и тупость немцев и их политики заставили непопавших в немецкие руки сопротивляться, а попавшие, надеясь на возникновение проблесков, ринулись в Германию вместе с отступающими и несколько умнеющими немцами.

Во время пребывания в Германии большинство свободного времени русские беженцы посвящали вопросу целесообразности развития Русского Освободительного Движения,

знакомого только из небольшой и туго распространявшейся литературы пропагандной группы Р. О. А., возглавляемой, пользовавшимся всеобщим доверием и авторитетом бывшим советским генералом А. А. Власовым. Надо полагать, что и во Власове видели своего рода квалифицированного специалиста, немогущего не прийти к отрицанию ужасной советской действительности и решившего возглавить борьбу с ней. А. А. Власову надо отдать должное и в части признания необходимости организации Технических Команд, проектировавшихся для восстановления и организации технического хозяйства позади действующих воинских частей Р. О. А. Впоследствии Технические Команды были переименованы А. А. Власовым во Вспомогательные Войска Р. О. А. или КОНР.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ КОМАНД или ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ВОЙСК

После создания КОНР и опубликования Манифеста Освободительного Движения, русские беженцы-эмигранты проявили массовое желание принять участие в нем, несмотря на катастрофическое состояние восточного и других фронтов военных действий. Одновременно с проектами организации и самой организацией различных Управлений и Отделов КОНР-а, в Организационное Управление КОНР-а поступило пять предложений по организации Технических Команд. Одно от русского инженера — генерала Баумгартена из Вены, довольно подробно остановившегося на необходимости такой организации. Одно от немецкой технической фирмы с предложением подробного проекта организации, включавшего огромную техническую оснастку — собственность фирмы. Два предложения были от лиц недостаточно обосновавших свое предложение.

Было и мое предложение, как участника Движения, я в то время был начальником Отдела Кадров и Административного Гражданского Управления КОНР-а.

Мой проект был изложен очень коротко. Однако он был признан наиболее обосновывающим целесообразность такой организации на территории Германии, где имелись мощные организации „ОТ” и Шпеера, в которых работало много русских.

Обоснование это заключалось в следующих трех положениях:

- 1) Труд русских рабочих, переходящих добровольно в технические организации РОД, будет намного производительнее их труда в предприятиях под немецким руководством,
- 2) Русские технические силы, используемые немцами на черной работе (или на подсобной), заняв подобающее их квалификации должности и работая в полную меру своей инициативы и опыта, создадут дополнительные ценности, потерявшие до этого,
- 3) Русские технические условия и опыт допускают использование в строительстве и ремонтах низкокачественных материалов и примитивных приспособлений, не свойственных немецким условиям, при этом не только не ухудшая качества исполненной работы, но часто превосходя немецкую.

Были приведены такие примеры:

- 1) Для строительства барака в немецких условиях применяются строганные, шпунтовые доски и прочий механически обработанный лесоматериал. Русские-же построят барак из леса разбомбленных домов, кругляка и буквально щепы, обмажут его глиной или землей с соломой и навозом. Такой барак возможно построить почти везде и он будет много теплее немецкого.
- 2) Отопительные печи, сложенные с длинными дымоходами из кирпича разбитых построек и отапливаемые тем-же количеством топлива что и немецкие, дадут больше полезного тепла, чем немецкие чугунные с железными трубами, установленными на вылет.

Немцы знали правильность этих доводов, так как в технических частях их армии была даже специальная брошюра о русской технической смекалке, обходящейся в походных условиях, для решения многих технических задач, остроумными примитивными приспособлениями.

Вначале все проекты организации Технических Команд попадали в руки профессора Иванова (Заместителя Началь-

ника Организационного Управления), это был больной и желчный человек, без какой бы то ни было перспективы и ко всем проектам он относился скептически.

Желая узнать судьбу своего предложения, я как-то зашел к нему, будучи знаком по работе; на мой вопрос он ответил: „Зачем нам все это, у нас-же есть группа штукатуров и плотников”. Вести дальнейшее обсуждение вопроса после такой реплики я нашел нецелесообразным. Колоссальная оживленность в РОД поглотила в дальнейшем все свободное время и почти не приходилось вспоминать поданный проект. Однако, в результате болезни и смерти проф. Иванова, дела перешли, повидимому непосредственно к генералу Малышкину и он решил вопрос по иному.

Был утвержден мой проект. Мне дали после этого ознакомиться со всеми вышеуказанными проектами и поручили вести свою работу по созданию нового управления КОНР-а. Два раза назначавшиеся совещания с Глав. Управ. „ОТ” были сорваны сильнейшими бомбежками Берлина. К этому времени КОНР почти со всем штатом сотрудников и с их семьями эвакуировался в Карлсбад и Иоахимсталь. Мое замечание генералу Закутному (Начальнику Гражданского Управления) о необходимости остаться мне в Берлине для проведения назначенных переговоров встретило ответ: „Вы начальник отдела, должны ехать с ним и устроить его на новом месте”. Генерал Закутный был человеком апатичным, трусливым, до крайности бюрократичным и совершенно неспособным организатором и начальником. Эти его „достоинства” в Организационном Управлении КОНР-а знали и считали с самого начала, что генерала Закутного необходимо срочно заменить. Однако А. А. Власов не был сторонником смены начальников и дискредитировавших себя ведущих сотрудников. Этот недостаток сильно сказывался на засорении аппарата КОНР-а изрядным количеством неподходящих для Русского Освободительного Движения сотрудников.

Была даже составлена в Берлине в марте 1945 года петиция на имя А. А. Власова от группы ответственных сотрудников КОНР-а (Пполк. Егоров М., Пполк. Попов К. и др.) о необходимости создания контрольной организации КОНР-а и исключения несправляющихся со своими обязанностями сотрудников. Частые отъезды А. А. Власова, тран-

спортные затруднения и приближение краха Германии не предоставляли возможности осуществить этот полезный для РОД проект. Он касался, главным образом, Управления Народной Помощи, Медицинского Отдела Гражданского Управления и самого этого Управления, Представительства КОНР-а в Вене и Управления Пропagанды.

Горько вспоминать и, пожалуй, нет еще необходимости освещать позорную бездеятельность после окончания войны таких организаций как Народная Помощь, Гражданское Управление и других, которые имея деньги, по моему мнению, имели возможность продолжить часть своей работы при Управлении Германией Военными-Оккупационными Властями союзников и этим предотвратить имевший место развал организации, а главное распыление и гибель многих достойных сотрудников Русского Освободительного Движения.

Отсутствие какой-бы то ни было организации, приемницы организации РОД военного времени, не дало возможности разобраться в обстановке и вынести авторитетное решение, главным пунктом которого являлось бы всемерное сохранение кадров, для неизбежной борьбы в будущем. Только такая организация была-бы авторитетом для наших достойных генералов, как Малышкин, Меандров и Севастьянов, для разработки новой тактики, а не неосмотрительных действий, что привело их самих и многих их подчиненных к ненужной гибели. Эта беда лежит на совести всех нас уцелевших и не проявивших должной организованности

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ КОМАНД

По срочному вызову из Берлина от генерала А. А. Власова, полученному ночью в Иоахимсталь, я в ту-же ночь выехал в Карлсбад и оттуда с немецким офицером „СА” С. Б. Фрейлихом в Берлин. Фрейлих — инженер и давний связной сотрудник немцев при А. А. Власове и считался в кругах РОД больше русским, чем немцем, тем более, что родился он и воспитывался в России. Он назначался офицером связи при мне. Я был назначен руководителем нового Управления РОД с непосредственным подчинением Председателю КОНР-а генералу А. А. Власову.

Прибыли мы в Берлин 26-го февраля 1945 года утром

и в тот же день начались переговоры с Главным Управлением „ОТ” и Министерством Шпеера.

Для размещения нашего управления был отведен дом, в котором прежде помещались Организационное Управление и личная канцелярия генерала Власова на Тиль Алее 26.

Сразу-же появились трудности с кадрами, так как эвакуация КОНР-а вызвала и эвакуацию из Берлина всего актива РОД и близких к нему деятелей. Я был уверен, что это явление временное и, как только распространится сообщение о создании технической Организации КОНР-ра в сотрудниках недостатка не будет. Немцы из организации „ОТ”, хотя и относились достойно, но неодумевали, откуда я смогу собрать людей.

Начальник Фронтowego Отдела Главного Управления „ОТ” даже задал вопрос: „Какое количество людей может быть в создаваемой организации”? Я посчитал такой вопрос, по меньшей мере, нетактичным и ответил, что если не будет немецких помех, то из имеющихся на территории Германии (по данным А. А. Власова) 18 миллионов русских — половина пойдет за нами! Тогда он сразу-же перешел на реальную потребность Германии в производительной силе разных технических специальностей в количестве 300,000 человек.

Я заявил, что такое количество может быть скоро набрано при следующих условиях:

1. Опубликованием обращения к нашим соотечественникам в газетах, специальным выпуском и по радио,
2. Прикомандировании к Главному нашему Управлению (Штабу) хозяйственной организации „ОТ”, для снабжения наших формирований и сотрудников транспортными и другими видами довольствия, монополизированных Германским Правительством,
3. Отводом помещений и довольствия, достаточных для такого объема формирований собственно технических частей и помещений вдали от восточного фронта, для размещения семей кадров технических команд,
4. Технические команды составляются исключительно из наших соотечественников, снабжаются „ОТ” производствен-

ным инструментарием, транспортными средствами, обувью, одеждой и довольствием по месту работы команд. Работа выполняется по генеральному договору Управления Технических Команд с „ОТ“, детализируемому на местах инженерами — начальниками технических частей и местными чинами „ОТ“,

5. Все работы производятся за оплату по существующим в „ОТ“ расценкам. Денежный расчет производится по мере выполнения работ. Расходы по содержанию Главного Управления Технических Команд производятся за счет КОНР-а
6. Германские органы трудового управления не будут препятствовать переходу русских инженерно-технических работников в Технические Команды КОНР-а, однако главное формирование должно производиться среди эвакуированных русских беженцев из восточных областей, занимаемых советами,
7. По мере накопления заработанных Техническими Командами средств, Техническому Управлению представляется возможность приобретения технического инструментария и оборудования в собственность,
8. Техническое Управление может принять в свое ведение отдельные производственные предприятия, при условии полного руководства силами Технического Управления и только контроль качества продукции может быть сохранен немецкий.

Совершенно естественно, работа Технических Команд в первое время должна производиться в немецком хозяйстве по заданиям „ОТ“, каждый раз оформляемым детальным договором на месте производства работ.

В действительности дела разворачивались иначе.

В это время газета „ВОЛЯ НАРОДА“ некоторое время не выходила и через нее нельзя было опубликовать вышеуказанного сообщения. Отдельный выпуск обращения немцы засаботировали и он света не увидел. По радио также не было сделано обещанного объявления.

Очень трудно стало вообще находить русских — все устремились на Запад. Многие, ранее намеченные мною для

работы в Техническом Управлении соотечественники, покинули Берлин или отъезжали на второстепенные работы в Движении, или даже просто, чтобы вывести семью из столицы Германии. Почта работала уже не особенно исправно, а все виды транспорта работали еще хуже. В это время Берлин бомбился совершенно регулярно и ежедневно. Большие налеты были с 8 часов 30 мин. до 12 часов ночи, а самолетов 60-100 бомбили еще три раза в день, примерно в 9 час. 30 мин., в 12 ч ас. 30 мин. и около 17 часов, однако в районе Далема падали только отдельные бомбы, в большинстве случаев вдали от помещений, занимавшихся учреждениями РОД. Один только раз бомба, примерно в 100 килограмм упала в саду, соседней с занимаемой генералом Власовым, усадьбы на Цецилиен Алее 19. Я был застигнут этой экстрординарной бомбежкой на докладе у А. А. Власова и после отбоя вместе с ним подходили к забору в 2-х метрах от бомбы, а адъютант генерала Власова капитан Антонов перелезил через забор и пытался вытащить бомбу из земли, полагая, что это только осколок. Позже приехали немцы и вырыли ее. Если бы она взорвалась, то повредила бы караульное помещение усадьбы.

В большие ночные налеты А. А. вместе со всем обслуживающим штатом, штат Отдела Безопасности, некоторые сотрудники нашего штаба и я приходили в довольно хорошее бомбоубежище в бывшей резиденции генерала Власова на Кибицвэг 9, построенное в подарок А. А. Власову солдатами караульного отряда Р. О. А. Силами солдат караула нашего штаба, по моему приказанию, это убежище было свех земли укрыто толстыми, большими каменными плитами.

Я остановился на подробностях бомбежки для того, чтобы отметить, что кадры и канцелярии Управления РОД от них не страдали, а только эти бомбежки отрывали от работы или сокращали отдых.

Трудно пришлось с подбором сотрудников. Большинство были очень пожилые люди, уже с „надломленным” духом и инициативой. Немцы это видели и стали язвить, как в отношении возраста сотрудников, так и в отношении количества. Однако (приятная русскому сердцу) весть быстро распространилась среди беженцев и в Управлении стали выстраиваться длинные очереди к начальникам отделов и осо-

бенно к начальнику Отдела Кадров. Штаб Управления был быстро укомплектован. Правда, были люди не совсем подходящие, но приходилось мириться.

Параллельно с укомплектованием штата шли переговоры с „ОТ” об основе и деталях нашей деятельности. Некоторые вышеприведенные пункты стали оспариваться немцами и особенно связным офицером Фрейлихом.

Главными разногласиями были:

- 1, Нежелание признавать нас как самостоятельную организацию и производить денежные расчеты как с фирмой исполнительницей,
2. Желание получить только рабочую силу, всецело подчиненную „ОТ”, начиная от Технического Управления КОНР-а до команд — исполнительниц работ. Встретив во мне бескомпромиссного защитника интересов РОД в этих самых существенных вопросах, немцы пошли на подложный перевод моих писем-договоров, полагаясь на незнание мною немецкого языка и недостаточное знание его многими сотрудниками Технического Управления. Однако подоспевший из Карлсбада юристконсульт КОНР-а профессор И. Д. Grimm, ранее затребованный мною для помощи в основной договорной работе с „ОТ”, знающий в совершенстве немецкий язык, сразу-же восстановил должный смысл письма-договора.

Кроме этого важного документа был подделан немцами протокол совещания в Управлении „ОТ”, на котором я не присутствовал, но был записан как присутствующий, в нем содержались совершенно неприемлемые для РОД пункты.

В результате этого создалась скандальная обстановка, натянувшая до крайности отношения.

В разгаре одного из горячих споров на большом совещании, я позвонил генералу Власову с просьбой принять меня немедленно. Генерал согласился.

Выслушав сообщение, генерал настолько возмутился, что, ударив папкой с бумагами об стол, вскочил со стула и крикнув: „Правильно Попов действуешь! Делай так и дальше, если будут несогласны и будут мешать — закрой Управление

и явись ко мне сюда!"

В эти напряженные дни я заходил вечерами к полковнику Кромиади, у которого жил полковник Бочаров, имевший четыре немецких ордена, командир русских частей, осажденной крепости Лориан.

Полковник Бочаров, при Кромиади, сказал мне: „Смогри, твоя голова висит на ниточке, лучше удирай в „ИОАХИМ-СТАЛЬ“.

Представители „ОТ“ при Техническом Управлении вели себя настолько развязно, что как-то в мое отсутствие заняли в доме лучшие комнаты, предназначенные для приема посетителей и Отдела Кадров, развесили там свои флаги и поставили большой бюст Гитлера.

Я вызвал к себе в кабинет их начальника (являвшегося одним из приближенных Гимлера) и заявил, что наша работа может производиться только в том случае, если они займут предназначенное для них помещение, поняв, что не мы находимся при них, а они при нас, иначе из наших усилий ничего не получится.

В этом конфликте Фрейлих был уже на нашей стороне, и я убедил его написать рапорт „ОТ“ о неприятности их уполномоченного для порученной работы. Через два-три дня немцы перебрались в отведенное для них помещение на втором этаже.

После некоторых перемещений персонала и доукомплектования Техническое Управление, к этому времени переименованное в Штаб Вспомогательных Войск КОНР-а стало работоспособным учреждением и, с помощью Начальника Берлинского Отдела Управления Пропаганды подполковника М. Егорова было снабжено литературой, лозунгами, флагами и портретами наших генералов, а также фотографиями деятельности РОД, размещенными в приемном зале для наших посетителей, в которых уже не было недостатка.

Для семей чинов В. В., так-же после немалого скандала с немцами, был отведен лагерь в районе Мюльдорфа в Баварии, несколько восточнее Мюнхена, вместо первоначально отведенного в Чехии, северо-восточнее Праги (в Судетах).

В начальном периоде организации, когда выявился объем и характер формирований, генерал Власов приказал переименовать Технические Команды во Вспомогательные Войска. Мотивировал он переименование и связанный с этим характер формирований обстановкой и необходимостью быть подготовленными ко всяким возможным положениям. В связи с этим и стало называться наше Управление Штабом Вспомогательных Войск. Командование ВВ генерал Власов оставлял за собой, а начальником Штаба был назначен я с производством в чин инженера-подполковника. Ведущие чины Штаба также получили военнизированные чины и были приравнены в довольствии к военнослужащим.

Штаб состоял из следующих отделов: формирования, кадров, оперативного, лагерного, военного, технического, канцелярии, финансового, бухгалтерии, юрисконсульта, медсанитарного, хозяйственно-транспортного, снабжения и технического совета.

Отдел формирования производил вербовку рабочих нужных специальностей и формировал из них заданные отряды. Отдел был укомплектован опытными инженерами и очень толковыми техниками — вербовщиками. Начальником этого отдела был б. главный инженер ДОНЭНЕРГО. Отдел работал очень успешно, как в части вербовки и формирования частей так и разработки положений и инструкций.

В отделе Кадров с руководством изрядное время было очень слабо и только третий начальник оказался работоспособным. Отдел Кадров производил работу по ознакомлению с прибывающим инженерно-техническим персоналом, отбирал подходящих и распределял по отделам; он-же наводил справки о благонадежности принимаемых лиц и об их работоспособности. В Отделе Кадров концентрировались сведения и о наличии рабочих кадров, но только количественно.

Оперативный (производственный) отдел только начал свою работу, так как был сформирован только один батальон ВВ, а только две роты были отправлены на работы. Этот отдел и должен был руководить собственно работой частей ВВ.

Военный Отдел предназначался для руководства военной подготовкой частей ВВ.

Лагерный Отдел ведал лагерями в которых производились формирования частей ВВ, лагерями по месту работы частей и лагерями, в которых проживали семьи чинов ВВ. Роль Лагерного Отдела была чисто хозяйственной. Штаты обслуживающего персонала рекомендовалось вербовать из семей чинов данного отряда ВВ.

Функции остальных отделов ясны из их наименований, большинство из них укомплектованы отличными сотрудниками-инженерами и техниками.

В период окончания основных переговоров с „ОТ” и связанного с этим определения состава ВВ в количестве 300.000 человек, мне было сообщено решение назначить во главе состава ВВ генерала Малышкина, как известную в РОД и выдающуюся личность и члена Президиума КОНР-а. Я был удивлен и спросил чем я провинился перед КОНР-ом или мною остались недовольны немцы? Мне было отвечено, что развитие ВВ получает большие возможности, чем воинские части РОА, сильно урезанные в своих возможностях формирования.

Генерал Малышкин, как мне было известно, не был технически образованным человеком и я считал такое решение неправильным и воздержался от разглашения его среди чинов Штаба ВВ.

Через некоторое время было сообщено, что генерал Малышкин не может оставить выполняемой им работы и вместо него будет назначен полковник Г. Антонов.

Это меня еще больше удивило, так как было известно, что и этот человек не техник и я, не исключая нового решения, этого вопроса, также не сообщил своим сотрудникам. Однако, из КОНР-а стала приходить почта, адресованная Начальнику Штаба ВВ полковнику Антонову и все узнали об этом назначении.

Ко мне явилась группа ведущих чинов-инженеров ВВ во главе с моим заместителем А. А. Оглобиным, с недоуменным вопросом. Я объяснил историю этого назначения, которая вызвала единодушную реплику: „Нам и здесь не доверяют и ставят комиссара!”

Я старался смягчить их настроение необходимостью об-



Берлин. 1945 г. На детской елке. Ген. Трухин, ген. Ашенбреннер и ген. Власов. (Сзади — М. В. Шатов).



Прага. 1944 г. Ген. Власов среди приглашенных немецких гостей.



Берлин-Дабендорф. 1944 г. Ген. Власов и ген. Трухин обходят строй окончивших Школу пропагандистов РОА. (Слева кап. Штрик — Штрикфельд — представитель немецкого командования).



Берлин, 1944 г. Президиум заседания КОНР'а. (Слева направо: ген. Трухин, ген. Жиленков, ген. Власов, ген. Малышкин, ген. Балабин, проф. Руднев. Сзади стоят: полк. В. Поздняков и полк. И. Сахаров).

щего военнизированного управления и что мне лично обсуждать этот вопрос не тактично. Однако мои сотрудники с этим не согласились и просили меня, как инициатора и организатора ВВ и их действительного начальника, довести это мнение до сведения А. А. Власова лично.

Предвидя неловкость своего положения, я пытался осуществить просьбу вышеуказанных чинов Штаба ВВ через начальника личной канцелярии генерала Власова — полковника Кромиади, но он уклонился от исполнения моей просьбы и заявил, что необходимо говорить с генералом мне лично.

При очередном свидании я затронул этот вопрос, передав мнение инженеров нашего Штаба и добавил, что если не специалист будет стоять во главе технического дела, то он, при наличии такта, не будет вмешиваться и в руководство, и будет только ширмой, в другом же случае будет только вредить делу (советский опыт с начала комиссарства, а затем партийного начальства). Генерал отложил решение этого вопроса до приезда полковника Антонова, но чувствовалось его несогласие с нашим мнением.

И вот уже после объявлений эвакуации Берлина, прибыл полковник Антонов. Я переговорил с ним лично по этому вопросу, чтобы сразу выяснить с кем имею дело, заявив, что ему логичнее всего ведать только военным отделом.

На первом же приеме у генерала Власова, случайно происходившем в присутствии начальника технических частей РОА полковника Яропуга и подполковника Мелешкевича, при детальном обсуждении этого вопроса дебаты приняли предельно бурный характер между генералом и мною. Генерал заявил, что массами могут командовать генералы и военные. Мне же пришлось привести существенные поправки: „Командовать не вообще массами, а массами солдат, а для команды рабочими предназначены инженеры и техники и второе — если же будут такие генералы как Закутный, то мы в решении нашего дела успеха иметь не будем, а это важнее всего”. (Все приведено в сильно смягченной форме).

Мое резкое выступление и оскорбление члена Президиума КОНР-а привело А. А. в ярость и он, вскочив, ударил о стол папкой с бумагами, осудил только форму моего высту-

пленя. Решительная же поддержка меня со стороны п. п. Яропуга и Мелешкевича, при бессловесном присутствии Антонова, смягчили предельно острую обстановку.

В дальнейшем совещание протекало нормально и А. А. Власов заявил, что начальником Штаба ВВ, в связи с тяжелой ситуацией, назначает полковника Антонова, но (обращаясь к нему) сказал: „Ты, благодаря своей форме, выполняешь 10 % представительства и военную часть, остальные 90 % руководства выполняет твой заместитель инж.-подполковник Попов и Ты в техническую часть не вмешивайся!”

Таким образом обстановка заставила генерала Власова пойти на вредный компромисс, тогда как многие важные вопросы решались им отлично. Никакой пользы ВВ новый начальник Штаба не принес, все его попытки войти в курс дела и дать самостоятельные распоряжения приводили к печальным результатам и дискредитировали его в глазах даже рядовых чинов Штаба. Вопросы, даже полностью принадлежащие компетентности чиновника в военном мундире, решались прежним руководством. Все это завершилось оставлением Главного Штаба ВВ его начальником в степи, примерно в 5-ти километрах от города Праги, после выезда на неподготовленном в долгий путь автотранспорте, а для такой подготовки в то время больше всего и нужен был военный мундир.

Здесь я должен отметить высокие качества Андрея Андреевича Власова как человека и начальника, а именно: спор доходивший до крайности, но касавшийся дела, Андрей Андреевичем не переносился на личные отношения и не вызывал ни тени холодности или мстительности. Со мной, по крайней мере, он был всегда приветлив, отводил достаточно времени для обсуждения деловых вопросов, а в неделовой обстановке (главным образом в бомбоубежище) сам начинал какой либо отвлеченный разговор и очень часто шутил.

ВЕРБОВКА и ФОРМИРОВАНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ВОЙСК

Весть о создании ВВ КОНР-ра, несмотря на саботаж немцев по исполнению информации распространилась устно достаточно быстро. В конце второй недели накопилось уже

значительное количество соотечественников, самотеком прибывающих в Штаб ВВ с желанием вступить в части Вспомогательных Войск.

К этому времени в районе Берлина — Копенике нам были отведены бараки „ОТ” на 400 человек, которые стали быстро заполняться. Главная же масса вербуемых прибывала из города Штетина, где очень успешно работала наша 1-ая Вербовочная Комиссия.

Отведенные помещения — лагерь формирования быстро был переполнен и на одну койку стало приходиться по 3 человека, спавших поочередно. После значительных усилий мы получили еще один небольшой лагерь в Берлине, который в равной степени был переполнен.

Формирование частей и их отправка на первых порах встретилась с неподготовленностью как с нашей, так и со стороны немцев. У нас была задержка в подборе надежных специалистов, как командного технического персонала частей. У немцев же были затруднения в части оформления документации русских военнизированных частей, неподчиненных сопровождающим чиновникам „ОТ”, вообще и так же в пути следования. Были затруднения и не малые в части получения железнодорожного состава для перевозки сформированных рот, для следования их по месту назначенных работ.

Недели через полторы или две была выслана вторая Вербовочная Комиссия в город Бранденбург, но она только успевши ознакомиться с местными условиями и наличием желающих вступить в ВВ соотечественников, должна была прекратить работу и возвратиться в Штаб по нашему приказу.

Произошло это по следующей причине: было получено телеграфное сообщение от Штеттинской Вербовочной Комиссии об отправке в Берлинский формировочный лагерь 10.000 человек, вступивших в Вспомогательные Войска. Естественно мы потребовали у немцев отведения подходящего лагеря в районе Берлина и ускорения отправки сформированного 1-го батальона ВВ (лесозаготовительного: резка и разделка его на чурки для автомобильных газогенераторов). К этому времени из состава 1-го батальона были от-

правлены на место работ только две роты. И они при приближении к месту назначения частью разбежались, а большая часть возвратилась в Берлинский лагерь, так как их поезд подвергся атаке самолетов в пути следования, недалеко от города Касселя, а город Кассель уже был занят американцами. Немцы без всяких разговоров со Штабом ВВ или генералом Власовым, телеграфировали своим представителям в Штеттине о прекращении какой бы то ни было отправки завербованных во ВВ. Мы были вынуждены отозвать обе Вербовочные Комиссии и стали вести переговоры о распределении по работам наших частей по другим районам Германии, так как количество навербованных в Берлине превысило 4.000 человек и их прибытие усиливалось каждый день.

Договорились об отправке 1-го батальона в Южную часть Германии, в пограничные районы с Италией, опять же на лесозаготовительные работы. Однако железнодорожный транспорт так хромал, что до эвакуации Штаба из Берлина, обещанных составов, получено не было.

Начальствующему составу РОД, на специальном совещании было сообщено, что Германия не капитулирует, не смотря на приближение друг к другу восточного и западного фронтов союзников в центральной части страны. Сопротивление будет продолжаться двумя группами — главной, сосредотачиваемой в южных горных районах страны и в северной приморской части ее. Дальнейшего продвижения вперед восточного (советского) фронта не предвиделось, но предвиделось занятие города Берлина американцами.

По приказу генерала Власова, Штаб ВВ подлежал переезду в район пребывания КОНР-а, а для северной части должен был выделить небольшую группу чинов нашего Штаба для представительства, завершения переброски на место работ наших частей из берлинского формирующего лагеря и руководства назначаемыми работать в северной области.

Для этой роли и были выделены три чина нашего Штаба: майор из военного отдела, инженер-майор из отдела формирования и чиновник лагерного отдела, все молодые и энергичные люди.

14-го апреля 1945 года главная часть чинов Штаба ВВ

на автопоезде, передвигаемом шлепером-тягачем, эвакуировалась из Берлина. Второстепенные чины Штаба двумя группами выехали ранее по железной дороге в Карлсбад-Кемтен. Таким образом вся работа по организации Вспомогательных Войск КОНР-а продолжалась около 50 дней.

Части ВВ формировались в следующем составе: рота — 250 человек, из которых 200 человек — 4 взвода рабочих и один взвод обслуживающий, включающий бригаду подсобных рабочих. Командиром роты назначался техник или молодой инженер-специалист производства, для которого эта рота предназначалась и получала свое наименование.

Во главе 1-го Лесорубочного Батальона были очень опытные специалисты. Здесь мы не ударили бы лицом в грязь, хотя несколько и задержались с их подбором. Это особенно же было важно для первого сформированного батальона. Нами рассчитывалась максимальная оперативная единица частей ВВ — батальон и только при передачи в наше ведение больших фабрик или строительных объектов — соединение нескольких батальонов в полк или даже в бригаду.

Однако, в то время судьба не дала нам возможности использовать технические силы наших соотечественников - эмигрантов в борьбе с коммунизмом, надеюсь, что наш маленький опыт не пропадет даром и в нужный момент будет использован для свержения коммунистического ига.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШТАБА ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ВОЙСК ВНЕ БЕРЛИНА

После опубликования в газете „ВОЛЯ НАРОДА” извещения о создании Вспомогательных Войск КОНР-а, перепечатанного и другими газетами РОД, в Штаб ВВ прибыли два инженера — представители венского Управления РОД, возглавляемого генералом Крейтером. Эти инженеры были детально посвящены в основные договорные взаимоотношения с „ОТ”, получили печатные инструкции и копии документации „ОТ” и ВВ, а также персональные полномочия для организации представительства ВВ в Австрии и Южной Германии.

Однако получить от этой группы каких либо сведений об их деятельности нам в Берлине не удалось. При встрече

с уполномоченным австрийского представительства ВВ после окончания войны, он сообщил мне о непродолжительной своей деятельности в Вене и затем в Мюнхене, без упоминания о выполнении какой либо конкретной работы.

Другое наше представительство было организовано отчасти по нашему указанию и отчасти по собственной инициативе представительства РОД в Праге для Чехо-Словакии.

При нашем проезде через Прагу, мне было доложено о начальной деятельности пражского представительства, собравшей значительное количество инженеров, желавших поступить в ВВ. Пражское представительство помогло Штабу ВВ обзавестись вторым комплектом автотранспорта, на котором мы все и продолжили свою эвакуацию из Праги до Зальцбурга.

Здесь я позволю себе остановиться на обзаведении Штабом ВВ собственным автотранспортом, сыгравшим роль помощника в удобной переброске основных сотрудников Штаба ВВ с канцелярией и членами семей, а также значительного количества чинов берлинского Отдела Безопасности КОНР-а из Берлина в Прагу.

Так как абсолютно никакой вещественной помощи со стороны немцев Штаб ВВ не получил (ни одной пишущей машинки, ни одного килограмма топлива, ни одной автомашины и т. п.), мы стали отыскивать пути обзаведения транспортом, причем транспортом газогенераторным, так как о получении бензина в то время в Германии не могло быть и речи.

В числе многих других наших соотечественников в Штаб явился один бывший крупный советский сановник — невозвращенец промышлявший собственным автотранспортом и сумевший еще в то время сохранить от реквизиции пять различных автомашин. Мы приняли его на работу начальником транспорта и арендовали его машины по особому договору. Для обеспечения же этого транспорта топливом и местом стоянки получили в Берлине, сравнительно недалеко от Штаба в свое распоряжение небольшое промышленное предприятие (почти без оборудования), организации там автобазы с установкой для сухой перегонки дерева, для производства угля, необходимого при заправке автомашин.

В отличие от примитивных немецких установок, мы намеривались производить древесный уголь с использованием жидких погонов и даже газа, имеющих большое практическое значение в то время всеобщего дефицита. Технический Отдел Штаба ВВ имел задание разработать портативную передвижную установку сухой перегонки дерева с использованием газа для получения электроэнергии. Электротенергия была нужна для привода станков походной механической мастерской и для электросварки. Как удивительную случайность сообщу, что в числе наших чинов был один техник-офицер, организовавший передвижную механическую мастерскую еще в первую мировую войну в частях русских войск Юго-Западного фронта.

В Техническом Совете Штаба ВВ подобрались крупнейшие специалисты в различных отраслях техники, например: профессор химии взрывчатых веществ, бывший директор научно-исследовательского военно-химического Института, специалисты — организаторы и эксплуатационники железнодорожного транспорта, специалисты коммунального хозяйства городов и т. п.

В такой короткий срок и в исключительно неблагоприятных условиях подобрались люди самой высокой квалификации и в достаточном количестве для развития крупной технической организации — какой это показатель всеобщей ненависти к коммунизму у нашего народа и показатель также нашего знания соотечественников, взявшихся за такое специфическое дело без предварительного ознакомления с наличием кадров.

Однако, повторяю, видимо еще не судьба была сказать свое слово нам в свержении уродующих и закабаливших русскую техническую смекалку, размах и даже жизнь!

ЭВАКУАЦИЯ ШТАБА ВВ ИЗ БЕРЛИНА ДЛЯ СОЕДИНЕНИЯ С КОНР-ом

В начале апреля 1945 года стало ясно, что немецкая воинская сила не в состоянии сохранить единство территории своего государства и страна будет разрезана сближающимися фронтами союзников. Немцы твердили о применении своих сверхестественных изобретений при продолжении со-

противления в горной части страны, где якобы была достаточная промышленная (подземная) база для этого. Сопротивление должно было продолжиться до неизбежного и бескомпромиссного столкновения интересов союзников.

Как я сообщал выше, главная часть чинов Штаба ВВ подлежала эвакуации в распоряжение КОНР-а и действовать там согласно новых распоряжений КОНР-а. Две группы второстепенных чинов Штаба с большей частью машинок, канцелярией и прочим инвентарем, в сопровождении прикомандированных к Штабу ВВ офицеров РОА (т. е. молодежной организации) и солдат ВВ из охраны Штаба ВВ были эвакуированы на Юг еще действовавшим в то время железно-дорожным транспортом.

Незадолго перед отъездом основной группы чинов Штаба ВВ ко мне обратился майор Тензор — уполномоченный КОНР-а в Берлине и начальник Отдела Безопасности с просьбой предоставить возможность ему с 2-3 сотрудниками эвакуироваться на нашем транспорте. Я конечно, предупредительно, согласился. Через три дня Тензор попросил о 5-7 человеках своих сотрудников и еще через два дня о 15 человеках.

Пока дополнительная нагрузка нашего транспорта была в пределах вместимости одной полугрузовой машины, прицепляемой к автопоезду ВВ, я безоговорочно согласился. Когда же стал вопрос о 15 человеках, вместе с просьбой уступить во время пути командование транспортом ему — майору Тензору, как имеющему военную форму и полномочия от КОНР-а, тем более сопровождаемому десятком хорошо вооруженных солдат ОБ, я согласился на нижеследующих условиях: для размещения солдат Отдела Безопасности вместе с чинами нашего Штаба, необходима большая автоприцепка, необходимо дополнительное количество бензина и вместе с командованием транспортом майор Тензор принимает заботу и об обеспечении всех нас и всеми видами довольствия. Ко времени отъезда, однако, ни прицепки, ни бензина мы не получили, а добыли собственными силами.

Должен добавить к вышеизложенному, что в последний момент отъезда из Берлина майор Тензор захватил с собой человек 40 своих сотрудников, вооруженных массой ав-

томатов, панцер-фаустов и гранат, разместив их среди женщин из числа членов семейств и сотрудниц ВВ. Вид транспорта был — трагикомичный.

Путь следования мы избрали ближе к восточному фронту, чтобы избежать обстрела американских штурмовых самолетов, многочисленных в зонах у западного фронта. По-видимому эти соображения были правильными и мы избежали подобных нападений, кроме одного, к счастью обошедшегося для нас благополучно. Путь до Праги мы проделали в течении около трех суток. Первая ночевка была в городе Бауцене, где ночью слышали сильную артиллерийскую канонаду к северу от города. Впоследствии нам объяснили, что это было начало артиллерийской подготовки советов перед котбусским прорывом.

По прибытии в Прагу (в 11 часов утра) командир транспорта — майор Тензорев отправился к властям для выяснения обстановки, получения довольствия и места для нашего размещения на отдых и не являлся до темноты. Транспорт, оставленный неприканным на одной из центральных улиц Праги, производил на многочисленную публику удручающее впечатление. Только после наступления темноты мы получили распределение по гостиницам. Так как чинов ОБ нужно было везти в гостиницу, расположенную дальше от места нашей стоянки, то транспорт и шофера остались в их гостинице, а через два дня Тензорев отдал приказ о переходе транспорта и обслуживающего его персонала в ведение Отдела Безопасности.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ б. ЧИНОВ ШТАБА ВВ после ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

Ход военных действий указывал, что немецкие планы создания обороноспособной цитадели нацизма в горной части страны терпят крах. В связи с этим мы решили не разыскивать КОНР, о местопребывании которого не имели никаких сведений, а остаться до окончания войны в Зальцбурге, соединившись с управлением формировавшихся частей РОА под начальством генерала Туркула.

В первые дни занятия города Зальцбурга американцами Штаб генерала Туркула функционировал. Вход в его помеще-

ние, расположенное на главном пути передвижения американских войск, был украшен Андреевским и Русским национальными флагами и охранялся двумя часовыми — солдатами РОА в боевом снаряжении с автоматами и гранатами у пояса.

Мы все ликовали! Однако, через 2-3 дня все это было прикрыто и еще через два дня всем приказали отправиться в лагерь военнопленных.

Когда мы все — остатки Штаба ВВ присоединились к военнослужащим туркуловской части, один из офицеров — распорядителей нам объявил, что американцы приказали никого не допускать в строй в штатском платье и, что замеченные в штатском, будут удаляться на марше.

Перспектива идти за проволоку ни в какой степени не была заманчивой, тем более, когда сами американцы давали прямое указание об этом. Я обратился к своим чинам, почти всем носившим гражданскую или смешанную одежду, возвратиться в общежитие.

Однако на меня обиделась наша горячая, но мало расудительная молодежь и осталась в массе военных. Американцы же объявили генералу Туркулу, что они не хотят знать ни о каких воинских частях РОА и рекомендовали называться как-либо иначе.

Тогда было оформлено официально Бюро Комитета Русского Красного Креста (старой формации) под председательством генерала Выграна и собственно негласный комитет русских невозвращенцев (русских белых) под председательством генерала Туркула.

Несколько бывших высших сотрудников КОНР-а, имевших специальные полномочия на представительство и защиту интересов русских эмигрантов, в свое время выданное КОНР-ом (в том числе и мне) посчитали несвоевременным их предъявлять и вошло в состав комитета генерала Туркула.

Полковник Кордаков, не пожелавший этого сделать и сепаратно отправившийся к американскому начальству в конце-концов был арестован и выдан советам.

Я и мой заместитель инженер А. А. Оглобин входили в этот Комитет как заведующий Технического Отдела и его

заместитель.

С согласия генерала Туркула мы составили подробную записку американскому командованию о разрешении нам организовать Трудовую Корпорацию Русских Беженцев (белых) с тем, чтобы своим трудом содержать себя, а на заработок Корпорации (как бы фирмы) содержать сирот, стариков, больных и лиц проходящих переквалификацию.

Американский майор Петерсон — начальник Отдела, ведающий подобными вопросами, встретил меня очень приветливо и сочувственно, просил передать свое почтение и привет всем русским инженерно-техническим силам, понимал, что мы находимся в затруднительном положении и обещал сам прибыть к нам для личного знакомства и оказания помощи путем вывоза за океан.

Однако работа советской репатриационной комиссии и агентуры, а также отсутствие средств к существованию в голодной Австрии, вынудили меня вновь обратиться к майору Петерсону за ускорением обещанной помощи. В этот раз он меня не принял и через русского секретаря (старого эмигранта) передал от себя, что сейчас сделать что-либо полезное для нас еще не может, а секретарь, то-ли от себя, то-ли по совету майора Петерсона, рекомендовал переехать в Германию и то в зону, расположенную как можно западнее.

Пришлось послушать этот компетентный совет.

Наши начинания в Зальцбурге в части организации производственной фирмы встретили остракизм со стороны австрийских властей, именно потому, что мы русские.

Попытка в этой работе прикрыться австрийской фирмой, после набора 250 человек наших соотечественников, как рабочих для этой фирмы, ни к чему не привела. Срыв произошел с возобновлением действия старого закона об трудовой повинности всего трудоспособного населения и фирма могла получить рабочих сколько хотела без нашей организации и без отчислений для нее. Однако даже короткий период существования этой организации и лагеря наших рабочих и техников доказал нашу живучесть и приспособляемость. **Поселок-лагерь построил заново деревянную церковь, приукрасился весь и устроил, при открытии церкви молебен в присут-**

ствии американских солдат русского происхождения и австрийских властей и был устроен обед из наших национальных блюд.

В самые первые дни после окончания войны, Штаб ВВ разыскал поврежденный трехэтажный дом, договорился о его аренде на три года с владелицей, графиней французского происхождения.

Мы кое как привели этот дом в сносное для жизни состояние, поселились в нем и открыли радио-электротехническую мастерскую и контору Технического Отдела, отведя для них лучшие комнаты.

Однако все это было не то, чего нам хотелось.

Весть о большой концентрации русских новых эмигрантов и участников РОД в городе Мюнхене (Бавария) потянула туда.

Город Мюнхен действительно стал центром русской эмиграции.

Деятельность в нем должна быть отнесена уже к зачаткам Русского Освободительного Движения в Германии в послевоенный период и рассматриваться особо.
Буэнос-Айрес.

(Подлинник — Архив РОА)

Статьи и Сообщения

СТАТЬИ
И
СООБЩЕНИЯ

Ф. Богатырчук

20 лет Пражского Манифеста

14 ноября 1944 года в Праге состоялось торжественное заседание, на котором был официально провозглашен и подписан Манифест Комитета Освобождения Народов России (КОНР-а). Документ этот часто неправильно называют „Власовским” Манифестом. Таковым может быть названо только первое обращение Власова к Красной Армии, несомненно им лично подписанное и выпущенное за его подписью. Полный текст этого воззвания помещен в книге Б. Двинова — „Власовское Движение в свете документов” (Нью Йорк, 1950). За истекшие 20 лет об Освободительном Движении Народов России, о его Комитете и о Манифесте написано немало. К сожалению, однако, вполне беспристрастное обсуждение этих исторических фактов можно найти только в единичных трудах. Одни критики превозносят и Манифест, и Освободительное Движение чуть ли не до небес, другие, наоборот, в лучшем случае, считают Манифест ничего не стоящим клочком бумаги, написанной под диктовку Химлера и подписанным, опять таки в лучшем случае беспринципными либо простодушно-наивными интеллигентами, а все О. Д. — канувшим в Лету пропагандным эпизодом Второй Мировой войны.

Думается, что 20 лет — достаточный промежуток времени, чтобы охладить страсти и попытаться проанализировать факты с достаточной объективностью.

Прежде всего об общей политической обстановке того времени внутри Германии, как она представлялась человеку, лично пережившему его (время).

Весной 1943 года мне представилась возможность пое-

хоть в Берлин. В то время я возглавлял (по просьбе научных сотрудников) Институт Экспериментальной Медицины в Киеве, который наряду с многими научными проблемами занимался также и изучением рака. Для продолжения этой работы были необходимы штаммы (образцы) некоторых опухолей для прививок животным, которые можно было достать в Берлине. Образцы я достал и привез в Киев. Воспользовались мы ими только на короткое время, так как осенью надо было снова уезжать из Киева. Между прочим, потомки животных со штаммами некоторых раковых опухолей, которые эвакуировались с нами из Киева, еще и сейчас служат науке в Мемориальном Раковом Институте г. Боффало в США. В Берлине я пробыл тогда около недели и имел возможность соприкоснуться с различными кругами населения.

Громадная разница между настроениями фронта и тыла сразу же бросалась в глаза. В то время как в Киеве никто и пикнуть не смел, здесь оппозиция Гитлеру и нацистской политике проявлялась не только среди интеллигенции, но и среди людей улицы. Почти все врачи, инженеры, литераторы, с которыми мне приходилось соприкасаться весьма критически относились к власти, а некоторые не скрывали своей ненависти к ней. Все эти разговоры возникали не по моей, а моих собеседников инициативе, после того, как они узнавали, что я приехал из оккупированных областей.

Однажды я был приглашен группой инженеров концерна Сименс-Гальске на обед в ресторан. Я был почетным гостем, и мои хозяева особенно подчеркивали это перед лакеями, из которых иные были членами партии, о чем свидетельствовали значки свастики в их петлицах. Они были явно обескуражены тем, что им приходится прислуживать „унтерменшу”. За столом велись такие разговоры и провозглашались такие тосты, которые никак не свидетельствовали о симпатии к нацизму. На другой день мне довелось быть в одном из больших кафе Курфюрстендамм. В то время, как мы пили кофе, вдруг раздались звуки привычного марша, после которого, как всегда, последовало очередное сообщение с фронта, полное хвастливой пропаганды. И вдруг, к моему удивлению, чуть ли не все посетители кафе

встали со своих мест и демонстративно направились к выходу. А ведь в то время положение на фронте далеко еще не было столь безнадежным!

В разговорах с глазу на глаз мне приходилось слышать голоса протеста и против антисемитской политики наци. Так, знаменитый профессор Фридрихс, один из основоположников учения о диффракции лучей Рентгена, жаловался, что он вынужден свернуть работу в возглавляемом им Институте физики, потому что все ответственные работники евреи изъяты и замены им нет.

В одном русском доме мне пришлось встретиться с Власовым и Малышкиным. Оба они об оппозиционных настроениях в стране прекрасно знали и надеялись, что нарастая как снежный ком, эти настроения, заставят нацистских главварей рано или поздно изменить свою политику на Востоке. Однако, когда Власов тогда же предложил мне примкнуть к движению, я категорически отказался, ибо никаких официальных изменений в политике наци не видел.

Спустя полтора года я снова приехал в Берлин, на этот раз с Институтом, эвакуированным из Киева. Теперь уже город был не тылом, а переживал, и притом много тяжелее, чем фронт, все тяготы войны. Каждую ночь ревели сирены и сыпались бомбы, часто тревоги следовали одна за другой. Громадные дома рушились, как карточные домики, транспорт был совершенно парализован. Советские войска подошли уже к границам Германии, союзники высадились в Нормандии и пядь за пядью отвоевывали Францию. Все мы были также под впечатлением недавнего покушения на Гитлера, которое свидетельствовало о том, что оппозиция захлестнула и высшие военные круги. По приезде я услышал, что Власову разрешено организовать комитет по борьбе с большевизмом. Я немедленно связался с ним и был принят. Власов был воодушевлен поддержкой, которую он, наконец, встретил в руководящих сферах. Он показал мне проект Манифеста, как свидетельство того, что наци уже не те, что были. Хотя проект этот был гораздо менее доходчив, чем упомянутое выше первое воззвание Власова, он содержал в себе основные положения борьбы с большевизмом.

Воззвание было криком души этого замечательного че-

ловека, проект Манифеста был деловым документом. Власов указал, что он обсуждает сейчас этот проект с различными группами эмигрантов и что в него могут быть внесены необходимые добавления, изменения (насколько мне известно, таковых было немало). Власов предложил мне подписать Манифест и тем самым поддержать его в борьбе, в успех которой он искренно верил.

Ушел я от Власова со смешанными чувствами. Было необходимо взвесить все за и против Манифеста и связанного с ним официального провозглашения О. Д. Теперь, 20 лет спустя, после того, как эти годы наши тогдашние взгляды прошли практическую проверку, после того как мы теперь знаем многое из того, о чем тогда можно было только догадываться — словом, после того, как мы окончательно излечились от иллюзий, я вижу, что в части моей оценки я был прав, в части заблуждался. Вот все то, что я думал тогда и что я думаю теперь о происшедших событиях и моем в них участии.

Прежде всего о Манифеста, как политическом документе.

Недоброжелательные критики ставят в вину, что мы допустили включение в Манифест вводного параграфа, внесенного явно по требованию немцев. В нем говорится о том, что война ведется между „свободолюбивыми” народами (читай Германией, Италией, Японией) и силами „империализма”, возглавляемого „плутократами Англии и Америки”. В таком виде обвинение нас в сочувствии нацизму пережить не трудно. Было бы хуже, если бы кто либо осмелился утверждать либо доказывать документами, что мы внесли этот параграф по собственному желанию. Для признания Манифеста антинацистским достаточно уж того, что в нем нет ни слова об евреях, либо о превосходстве арийской расы. Какой же правоверный наци согласится выпустить такой антирасистский документ!

В остальном, кроме этого параграфа, Манифест является обвинительным актом против коммунизма-сталинизма. В нем перечисляются те преступления, которые были совершены против рабочих, крестьян, интеллигенции, религии и

т. д. В последующих 14-ти пунктах изложены простым языком те основные требования демократического государства, которые приемлемы для каждого прогрессивно мыслящего человека. Сколько мне известно ни один из демократически настроенных критиков против этих пунктов не возражал. Указывали лишь, что пункты эти являются пересказом тех 13-ти требований, которые были в третьей прокламации, выпущенной Вермахтом и никем не подписанной (см. упомянутую выше книгу Б. Двинова).

Это, конечно, не так, и всякий в этом может легко убедиться, сравнив оба документа. Особенно ясно это разногласие в пункте 12-м прокламации, в котором сказано: „мирное строительство без большевиков и капиталистов в соответствии с духом русского народа“. Этот пункт находится в прямом противоречии с Манифестом, всюду говорящим о „народах России“. Кстати, эти слова Манифеста вызывают возражения некоторых критиков справа, предпочитающих термин прокламации. Нельзя, конечно, отрицать, что существует определенный процент националов, которые считают себя русскими, не будучи великороссами. Больше того, я не исключаю возможности, что это процент довольно значителен. Однако, основной идеей Манифеста было объединение всех, включая даже умеренных сепаратистов. Для борьбы против большевизма, и предлагая определить структуру будущего государства позже путем всенародного голосования. Об этом совершенно ясно говорит пункт первый требований.

Освободительное Движение Народов России просуществовало неполных шесть месяцев. Конечно, нечего было и надеяться сделать что либо существенное за столь короткий срок да еще и в условиях саботажа наци. Что этот саботаж инспирировался Гитлером теперь ясно видно из документов, опубликованных после войны (см. протокол заседания в ставке Гитлера от 8-го июня 1943 года. Из документа явствует, что хотя утопающий Гитлер и не прочь был схватиться за соломинку в виде О. Д., но боялся как бы эта соломинка не превратилась в бревно, которое его первого удрит по голове).

Что же нам все таки удалось сделать за эти 6 месяцев?

1. Были организованы две дивизии, состоявшие не толь-

ко из бывших советских военнопленных, но и из добровольцев, беженцев из СССР. Эти дивизии носили русскую военную форму и ими командовали офицеры, уроженцы России. Ни одного немца офицера не было. Высшее командование было в руках генералов А. А. Власова, В. Ф. Малышкина и Н. Н. Трухина. Язык командования был русский и украинский. За короткое время удалось полностью оснастить только одну дивизию, экипировка другой была недостаточной. Несмотря на нечеловеческие усилия командного состава вполне обучить хотя бы одну дивизию не удалось: материал был наполовину еще сырой. Однако, только слепому не ясно, что главной нашей задачей было создать не боевую, а политическую единицу. Можно не сомневаться в том, что даже одна такая дивизия представляла бы для Сталина опасность большую, чем десятки дивизии иностранцев.

2. КОНР и Манифест оформили прежнее стихийное движение и придали ему политическое лицо. Если до Манифеста и были отдельные антисемитские либо „единонеделимские” выступления, то после оформления Движения их как рукой сняло. Я не знаю ни одной статьи в газетах КОНР-а, которые были бы прямо или косвенно направлены против украинцев, белорусов, евреев и других национальностей. КОНР был разбит на национальные подкомитеты, каждый из которых ведал делами своей национальности: Во главе великорусского подкомитета был генерал В. Малышкин, украинского — автор этой статьи, белорусского — Н. Н. Будзилович, кавказского — проф. Цогол. Предполагалась организация и других субкомитетов. Указания некоторых критиков, что в частях КОНР-а был принят, как символ великодержавности и неделимости, трехцветный флаг бывшей царской России, основано на явном недоразумении. Как раз наоборот: на заседании Президиума КОНР-а были возражения против Андреевского флага, ибо он многими считался выразителем „единонеделимских” тенденций. Бывший же царский флаг был принят как своего рода „нейтральный” до того времени пока будет выработан свой флаг.

3. Неоднократно уже писал в о том, к каким только ухищрениям ни прибегали нацисты чтобы затруднить нам работу с остовцами и другими боргателями лагерей. В то время я, бывший в центре этой акции, был близок к полному

отчаянию. Однако, теперь, спустя 20 лет, я уже не столь пессимистичен. Я припоминаю много случаев, когда нам удалось не только обуздать жестоких командиров лагерей и улучшить их снабжение, но и вырвать из лагерей многих остовцев, устроив их на работу при учреждениях КОНР-а. Один тот факт, что нам удалось добиться права иметь при каждом лагере своего представителя, который нас осведомлял о положении свидетельствует о громадном сдвиге. До нас люди в лагерях не имели даже кому пожаловаться, теперь они знали, что у нас они всегда найдут поддержку.

И, наконец, самое важное: Манифест и Освободительное Движение Народов России являлись единственной и вполне реальной возможностью организовать антибольшевицкую акцию руками самих народов России. Никогда после Белого Движения такой возможности не представлялось и вряд ли когда либо представится в будущем. Мы же, беженцы из советского рая, должны гордиться тем, что в самых трудных условиях мы своего желания активно бороться за свободу наших народов не утратили, а имели смелость и мужество эту борьбу организовать.

Вечная память всем погибшим за наше правое дело.

(Новое Русское Слово, 30. IV. 19 64)

ОБ ОДНОМ ВОПРОСЕ, СВЯЗАННОМ С МАНИФЕСТОМ*)

Идеологической платформой Власовского Объединения (ВО), а, следовательно, и его руководящего органа, — Комитета Объединенных Власовцев (КОВ), — является **манифест**, принятый Комитетом Освобождения Народов России (КОНР), осенью 1944-го года в Праге.

Мы убеждены, что этот манифест с предельной ясностью выражает заветные чаяния народов России, находящихся по ту сторону железного занавеса, и потому, в качестве идеологической платформы, не нуждается ни в какой отсебятине в виде разного рода „дополнений”, „развития отдельных пунктов” манифеста, и т. д.

Однако, кроме попыток „дополнений” и „усовершенствований” манифеста, существуют еще различные **толкования** манифеста, в частности — знаменитых „14-ти пунктов”, составляющих его программную суть.

Не вступая в какую бы то ни было полемику с определенными политическими группировками, так или иначе комментирующими манифест, мы высказываемся ниже относительно одного спорного вопроса, связанного с пониманием манифеста.

Споры о власовском манифесте часто вертятся вокруг следующего пункта:

— **Есть-ли во власовском манифесте „вынужденные места”, и если есть, то какие?**

*) Ю. Письменный — член Президиума КОНР

Спор по этому поводу ведется, главным образом, относительно высказываний **против англо-американской „плутократии“**, имеющих во вступительной части манифеста (не в программной части, **не в „14-ти пунктах“**).

Существует мнение, согласно которому **весь манифест**, от первого до последнего слова, написан **совершенно свободно** и в каждой своей фразе выражает идеологическую программу участников Освободительного Движения, КОНР-а и самого генерала А. А. Власова. Сторонники этого мнения утверждают, что и **осуждение англосаксонской „плутократии“** соответствует убеждениям власовцев и генерала Власова. Недавно такая точка зрения была высказана на собрании в Ингольштадте.

Предположение о том, что опубликованный в условиях тоталитарного гитлеровского режима пражский манифест (равно, как и всякий другой политической документ), мог быть **совершенно свободен** от какого бы то ни было **„принудительного ассортимента“**, является в высшей степени наивным. В манифесте, как и во всей своей акции, А. А. Власову удалось добиться большой свободы действий, почти невероятной по тогдашним условиям. Однако, свобода эта, конечно, была все-таки ограничена. Избежать **каких-бы то ни было** уступок немцам было невозможно. Политическая тактика Власова заключалась в том, чтобы, делая **второстепенные** (с его точки зрения), уступки, ценой этих второстепенных уступок добиться неприкосновенности и неизменности **основных идеологических позиций** Освободительного Движения.

Такой же тактики Власов придерживался и в вопросе о манифесте. Мы знаем, каких огромных усилий и какой душевной твердости стоило Власову отстоять основные принципиальные положения манифеста, изложенные в его программной части, — в „14-ти пунктах“. Вместе с тем, кое-чем, несомненно, пришлось и уступить. **К этим уступкам относится и порицание англо-американской „плутократии“** во вступительной части манифеста.

Думать, что враждебные высказывания по адресу англо-американской „плутократии“ включены в манифест по инициативе А. А. Власова или КОНР-а, нелепо и нелогично.

Если бы Власов, или КОНР искренне хотели выступить против „плутократии”, по собственному почину и без нажима немцев, то почему они делали ударение именно на англосаксонской „плутократии”? Ведь это означало-бы какую-то особую, „расовую ненависть” к плутократам определенных национальностей. Такая ненависть со стороны Власова и членов КОНР-а была-бы совершенно непонятной.

Вместе с тем, эта острая ненависть была совершенно понятна со стороны немецких национал-социалистов, у которых ненависть к Англии и Америке находилась в крови и для которых тезис об „уничтожении англо-американской плутократии” являлся **краеугольным камнем** всей их национал-социалистической идеологии.

Уже в силу приведенных логических соображений вопрос о том, кто является автором пресловутых формулировок относительно англо-американской плутократии, представляется абсолютно ясным. Автором этих формулировок являются **немцы**. Лица, стоявшие близко к ген. А. А. Власову в момент опубликования манифеста, рассказывали, что с немецкой стороны А. А. Власову было предложено вставить в проект манифеста два пункта: против „мирового еврейства” и против „англо-американских плутократов”. В ответ на категорический отказ Власова, немцы предложили компромисс: вычеркнуть **один** из двух выдвинутых ими пунктов. При этом было указано, что включение в манифест хотя-бы **одного** из двух предложенных пунктов является с немецкой стороны „последней уступкой”, дальше которой они не пойдут. Не желая ставить под удар манифест в целом, а следовательно, и всю акцию Освободительного Движения, Власов **предпочел исключить из манифеста антисемитские высказывания**, и принужден был оставить высказывания, направленные против англо-американских плутократов. Принимая во внимание условия, в которых готовился манифест, приведенные выше разъяснения сотрудников Власова следует считать правдоподобными.

Но, кроме логических соображений, сами **факты** говорят за то, что ни Власов, ни КОНР никак не могли по собственному желанию делать выпады против англо-американских „плутократов”.

Вряд-ли существует на свете человек, который предполагает, что осенью 1944-го года, (время опубликования манифеста), Власов, или кто-либо из членов КОНР-а, могли верить в победу немцев и „делать ставку” на эту победу.

Вряд-ли станет кто-либо также утверждать, что, в предвидении близкого краха немцев, Власов собирался бороться своими собственными силами против большевиков, Англии и США одновременно.

Совершенно ясно, что и Власов, и его ближайшие соратники, рассчитывали (как выяснилось, ошибочно), на то, что Англия и США „с ходу” перейдут от войны с тоталитарной Германией к войне с тоталитарным СССР. В этом состоял единственный шанс Освободительного Движения в тот момент, и об этом совершенно открыто говорили в тесном кругу ген. Трухина в Хойберге, так же, как и в тесном кругу Президиума КОНР.

Известны также попытки ген. Власова еще задолго до окончательного военного краха связаться с представителями военного командования западных держав.

Добровольно выступать в такой обстановке с заявлениями, клеймящими англо-американских „плутократов”, было-бы абсолютным абсурдом. Совершенно очевидно, что такие заявления могли быть только вынужденными.

Итак, на вопрос о том, есть ли во власовском манифесте вынужденные места, и если есть, то какие, — мы отвечаем:

— **Да, вынужденные места во власовском манифесте есть, в частности, во вступительной части манифеста. К таким вынужденным местам, включенным в манифест под немецким давлением, относится все, сказанное в манифесте об „англо-американских плутократах”.**

(„Власовец” № 3. 1950)

К. Кромиади

К И С Т О К А М ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

На просьбу редакции поделиться своими личными соображениями по вопросу об отношении генерала А. А. Власова к религии, б. начальник его канцелярии, полковник К. Г. Кромиади любезно предоставил нам для опубликования нижеследующий ответ.

Вы спрашиваете: „Как относился генерал Власов к религии и церкви?“

Не желая влиять субъективной оценкой на сложившееся представление о покойном генерале, сыгравшем во время второй мировой войны историческую роль, я воздержусь от высказывания своего личного мнения и постараюсь по возможности точно передать Вам, то, что генерал, имя которого стало знаменем Русской Освободительной Борьбы, неоднократно высказывал по затронутому Вами вопросу.

А. А. Власов говорил: „Верить или не верить — это дело совести каждого человека и никто никого в этом отношении не должен неволить. Тем более, что насилие над человеческой волей в корне противоречит христианскому учению. Я вполне понимаю и отдаю должное той большой и благотворной роли, которую сыграли религия и церковь в истории русского народа, но полагаю, что занимаясь обслуживанием религиозных потребностей народа, его воспитанием в культурно-религиозном отношении и вопросами благотворительного характера, церковь не должна снисходить до вмешательства в политические и государственные дела, дабы тем самым сохранить свой высокий авторитет в глазах

нашего народа, который, переживая большевистские гонения, остается глубоко религиозным...”.

В дополнение к сказанному я позволю себе напомнить о первом приеме Митрополита Анастасия, Председателя Архиерейского Синода, генералом Власовым в Берлине в 1944 г.

В один из воскресных дней Митрополит Серафим пригласил меня к себе и сообщил о том, что Митрополит Анастасий приехал в Берлин и что Владыка выразил желание видетсья с генералом Власовым. Я немедленно поехал в штаб и доложил генералу о моей беседе с Митрополитом. Андрей Андреевич, выслушав меня, поручил мне сейчас же поехать к Митрополиту Анастасию и доложить ему следующее: „Владыка, ген. Власов узнал о Вашем приезде в Берлин и очень хотел бы посетить Вас, но тяжелое положение в котором он находится и сложная политическая обстановка не позволяют ему выезжать и делать визиты. Генерал просит извинить его. Но если бы Вы, Владыка, нашли для себя удобным и возможным его навестить, то генерал был бы Вам очень благодарен”.

В тот же день, Митрополит Анастасий, в сопровождении Митрополита Серафима и своего личного секретаря выехал в Далем. Подъехав к вилле на Кибицбег 9, в которой находился штаб ген. Власова, мы увидели выстроенный перед виллой почетный караул для встречи Митрополита.

Как только Митрополит Анастасий вышел из автомобиля, строй взял на караул и замер. Ответив на приветствие караула, Митрополит направился к вилле. У входа в дом его встретил дежурный по штабу с рапортом. От входной двери до гостиной выстроились в две шеренги все офицеры штаба, Приняв рапорт и поблагодарив офицеров, Владыка направился дальше. Генерал Власов ожидал своего гостя у входа в гостиную и подошел под благословение со словами: „Благослови, Владыка!”

Так генерал Власов встретил Митрополита Анастасия.

У нас у всех нервы были натянуты, а у некоторых на глазах были слезы. В те тяжелые дни гонений и бесправия, когда каждый из нас пережил много обид, как личного, так и общенационального характера, эта встреча произвела на

всех особенно радостное впечатление. Не менее был растроган и сам Митрополит.

После обычных в таких случаях взаимных вопросов и ответов, мы удалились, а оба иерарха вели беседу с генералом в течение двух часов. Во время этой беседы Митрополит Анастасий передал генералу решение Архиерейского Синода поддержать Русское Освободительное Движение и обслужить имеющимися в его распоряжении духовенством религиозные потребности тех, которые, несмотря на исключительно тяжелые условия, поднялись на борьбу за освобождение нашей Родины.

После беседы все члены штаба были приглашены на обед, а затем и на общее собеседование, после которого оба иерарха отбыли домой.

Надеюсь все изложенное мною даст Вам возможность судить об отношении генерала Власова к религии и церкви.

(„За свободу“. № 2 (52). 1952).

И. Эренбург

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

„... Генерал Власов разговаривает с бойцами. Любовно и доверчиво смотрят бойцы на своего командира: имя Власова связано с наступлением — от Красной Поляны до Лудиной горы. У генерала рост метр девяносто и хороший суворовский язык. Он говорит бойцам о немецком солдате: „Прошлым летом он воевал со вкусом. А теперь? Теперь с перепугу...”

(„Красная звезда”, 11 марта 1942 г.)

Обзоры, Заметки и Хроника

АРХИВ РОА

Архив РОА в Нью Йорке начал свою деятельность в 1956 году. Основателями его были Андрей Георгиевич Алдан (Предс. Союза Воинов Освободительного Движения — СВОД) и М. В. Шатов (Предс. Северо-Американского Отдела Союза Борьбы за Освобождение Народов России — САО СБОНР).

Идея создания Архива Русской Освободительной Армии (РОА) нашла поддержку в Сев. Амер. организациях СБОНР И СВОД, а также у многочисленных участников ОДНР, членов орг. Комитета Объединенных Власовцев (КОВ), Союза Андреевского Флага (САФ) и др., которые сочли это дело весьма важным.

По ряду уважительных причин С.-А. Отделы СБОНР и СВОД не могли принять никакого практического участия в усилении работы Архива РОА, о чем нельзя не пожалеть.

Поскольку идея организации Архива РОА была по существу общей и по замыслу основателей должна была охватить все организации ОДНР, во всех странах нашего рассеяния, то естественной являлась и надежда на поддержку и одобрение этого плана со стороны высших органов СБОНР и СВОД.

К большому сожалению поддержка указанного мероприятия ограничилась постановкой вопроса в Центральном Бюро СБОНР и благими пожеланиями. Было известно, что Центральное Бюро СБОНР и Военный Совет СВОД в 1948-1949

г.г. попытались что-то предпринять в этом направлении и для этого было поручено одному из старших офицеров РОА возглавить руководство и сбор архивов. Но, в конце концов, дело закончилось тем, что архивы РОА, СБОНР и СВОД стали личным достоянием и все попытки СБОНРа как либо возвратить себе архивы и продолжить собирать их, оказались безуспешными. Таким образом, архивы продолжают оставаться в одних руках.

Учитывая прошлое и все связанное с этой попыткой, учредители Архива РОА не могли допустить подобного положения и с вновь создаваемым делом. Архив РОА стал создаваться независимо от каких либо организаций.

Болезнь, а затем смерть в 1957 году полк. А. Г. Алдана помешала ему принять участие в расширении Архива ОДНР.

В результате указанных причин, Архив РОА фактически и формально является частной организацией для сбора материалов по истории ОДНР. Однако, принимаются меры к тому, чтобы привлечь к участию в этом деле полезных лиц и таким образом сделать его действенным исследовательским центром. Кто готов жертвовать своим временем и трудом, будет принят к сотрудничеству.

В 1960 г. были сделаны попытки „узаконить” как-то Архив РОА при организациях СБОНР и СВОД и для начала было передано в распоряжение ЦБ СБОНР издание двух томов Трудов Архива. Но под разными предлогами, дело тормозилось, а со стороны американских „друзей” СБОНРа, которые, якобы, хотели субсидировать издание, была проявлена попытка сорвать опубликование. Удалось и это пресечь. И первый том Трудов Архива РОА был издан Всеславянским Издательством в Нью Йорке.

Ныне, Архив РОА нашел надежное хранилище при „Архиве Русской и Вост.-Евр. Культуры Колумбийского Университета”. Хранение архивов отвечает всем современным требованиям сохранности и полной надежности, а особый договор, заключенный с дирекцией, обеспечивает не только сохранность, но и независимость Архива.

С своей стороны, отвечая благодарностью за оказанное признание, мы всячески стремимся помочь „Вост.-Евр. Архи-

ву" передачей ему материалов которые попадают в Архив РОА, но являются на другие темы. Таким образом, это, в некоторой степени является компенсацией за хранение.

Со времени создания Архива РОА, в него поступают документы, рукописные материалы, статьи из газет на всех языках, журналы, фотокопии, фотографии и т. д.

В 1961 г. Всеславянским Издательством в Нью Йорке был издан первый том Трудов Архива РОА — Библиография ОДНР. Сейчас подготовлены к печати, в том же издании, еще четыре тома. Архив старается изыскивать средства для издания отдельных работ участников Движения. Одновременно принимаются пожертвования деньгами в „Фонд издательства“.

Каждый, сдавший архивные материалы, может требовать секретности его хранения и обусловить, в допустимых рамках общепринятых положений, — использование его материалов. Никакой платы Архив предложить никому не может.

В заключение нужно указать следующее. Помимо Архива, в Нью Йорке, по существу, ставшим центральным архивом РОА, есть еще архивы в Аргентине и Канаде (руководитель С. Зауер). Наиболее действенным является Архив РОД в Канаде, который хорошо организован и расширяет свою деятельность. В настоящее время Архивы ОДНР в Нью Йорке и Канаде наладили систематическую переписку, информируют друг-друга и обмениваются лишними экземплярами документов или же фотокопиями. Работа этих двух архивов может протекать гораздо успешнее и, в конце концов, они смогут стать наиболее плодотворными для истории.

В своем положении Канадский Архив записал:

„...Цель Архива — сохранить для истории полную документацию Движения. Принимая во внимание возможность (а для некоторых лиц, организаций и стран даже желательность) физического уничтожения документов о Движении, создатели Архива считают целесообразным ни при каких обстоятельствах не вывозить собранные материалы в страны, где уже имеются коллекции материалов о Движении. Архив будет оставаться в Канаде до свержения коммунистиче-

ского строя в России. „Децентрализация” власовских архивов является гарантией того, что хотя бы один из них сохранится до освобождения России”...

Это положение Канадского Архива полностью разделяется Архивом РОА в Нью Йорке.

В 1962 г. сотрудники Архива РОА приняли участие в подготовке программы для телевидения „Обреченная армия” (История РОА), которая была показана в Нью Йорке Телевизионной компанией CBS на станции № 2, 16 декабря 1962 г.

December 11, 1961.

Generalissimo Chian Kai-Shek
Government Headquarters
Taipei, Formosa

Honored President:

Knowing how valuable your time is to the free world and how occupied you are with affairs of state, I hesitate to inquire about a matter of history.

However, its pertinence to the cause of building a stronger anti-Communist opinion and my devotion to that cause compel me. This is the background of the matter:

From 1938 to 1939 the late Soviet General Andrei Andreivich Vlassov, at that time a colonel, was one of your military advisers in China.

As is well known, General Vlassov in 1943 became the head of **the Liberation Movement of Peoples of Russia**, which fought with arms against the Soviet regime. This movement adopted General Vlassov's name a numbered millions of supporters both outside and inside Russia. In 1945 General Vlassov was forcibly repatriated by the American military authorities. Some time later he was hanged for his "treason against Communism." But the battle against Communist tyranny begun by him is still going on. Thousands of his followers continue the struggle inside Russia and abroad. There are dozens of books about the Vlassov Movement in many languages.

During the war I was in charge of General Vlassov's personal security, and now I am a historian of movement. After the war I organized an archive on the Vlassov Army and began to publish works from it. Besides that I am working at present

on memoirs of my service with the General, and in the next year my second book will be published in which I would like to reflect on General Vlassov's service in China. About this service I know a few facts personally told by him, but I have no documents.

If you could give this historian a directive describing General Vlassov's service in China, I and thousands of other supporters of our cause would be grateful to you. Knowing the valuableness of your time I do not dare to ask you to write a few words about your personal recollections of General Vlassov, but any statements about him from men in your service would be of inestimable value to me and to the anti-Communist cause.

Yours very sincerely,
M. S. Schatoff

THE OFFICE OF THE PRESIDENT
REPUBLIC OF CHINA

Taipei, Taiwan
December 29, 1961

Mr. M. S. Schatoff
New York 27, N. Y.
U. S. A.

Dear Mr. Schatoff:

I have been directed by President Chiang to acknowledge the receipt of your letter of December 11, 1961, requesting for some statements about the late Soviet General Andrei Andreivich Vlassov's tour of duty in China.

I regret to inform you, however, that we tried in vain to find out the historical materials you need, mainly because neither the related file damaged in wars is a complete one nor is here any person known to be in a position to furnish these materials.

Wishing you a Happy New Year.

Yours sincerely
HENRY TANG
Director
First Bureau
Office of the President

РОА по телевидению в США

16 декабря одна из крупнейших американских телевизионных компаний, „Колумбия бродкастинг систем“, передала специальную программу „Армия обреченных“. Это была программа о Русской Освободительной Армии генерала А. А. Власова, об истории ее создания и об **идеях ее руководителей**. Миллионы американцев в этот вечер впервые ознакомились во многих подробностях с этим ранее им мало известным аспектом второй мировой войны, с этим широким антикоммунистическим движением бывших советских граждан.

В программе было использовано много фотографий и выдержек из американских и немецких документальных фильмов того времени. Были показаны руководители Власовского движения, советские военнопленные, части РОА и даже сцены выдачи власовцев советским властям после войны.

Ведущий диктор рассказал биографию ген. Власова, обрисовал положение на фронте в момент его взятия в плен, сообщил, как Сталин предал военнопленных. В фильме было показано, как обращались немцы с Власовым и его соратниками, а также объяснено, что руководители РОА подняли оружие не за немцев, а за освобождение своей родины от Сталина и коммунистического строя. Устроители программы приложили много усилий к тому, чтобы показать историю Власовского движения объективно.

Программа включала интервью со Штрик-Штрикфельдом, который с немецкой стороны был одним из зачинателей идеи сотрудничества с антикоммунистическими элементами среди советских военнопленных и гражданского населения. Включено было также интервью с двумя бывшими участниками Власовского движения: Михаилом Шатовым, работаю-

щим сейчас в библиотеке Колумбийского университета в Нью Йорке, и полковником Архиповым, проживающим в Америке. Кроме того, в программу было включено интервью с проф. Александром Далиным, написавшим несколько лет тому назад специальное исследование о Власовском движении. В подборке материалов для этой программы принимали участие сотрудники Американского Комитета Освобождения в Нью Йорке и Мюнхене.

(„Наше Общее Дело”. № 1 (161). 1963).

В начале этого года фильм о РОА был вторично показан на этой же станции.

Таким образом фильм просмотрен десятками миллионов граждан Америки.

Фильм о РОА демонстрировался в Германии, Южной Америке для отдельных групп русских.

10 июня 1964 года
Гармиш-Партенкирхен

Письмо адресовано М. В. Шатову. Полк. В. П. Артемьев б. командир 2-го полка 1-й дивизии РОА.

Дорогой Михаил Васильевич!

Вношу предложение на Ваше решение о том, чтобы при Архиве Был бы создан Отдел переписки Архива по вопросам Власовского Движения.

Это не литература, не воспоминания, а пульс живучести Власовского Движения современности.

С сердечным приветом,

Вячеслав П. Артемьев

ОТ ПРАВЛЕНИЯ АРХИВА РОА:

Предложение подп. В. П. Артемьева заслуживает всяческой поддержки с нашей стороны и еще более это касается самих власовцев.

С первых дней создания Архива мы поддерживаем связь с сотнями власовцев и не власовцев во всех странах мира.

Сотрудники Архива отдают все свое свободное время и личные средства, чтобы укреплять и расширять начатую работу.

В Архив пишут по разным вопросам, иногда ничего общего не имеющим с нашим делом, напр. ищут родственников, просят помощи больные инвалиды. Многие просят помочь переезду в США из Европы, Южной Америки и даже Израиля. Писем много, забот еще больше. Правление старается быть полезным для всех.

О ЗНАКЕ Р. О. А.

В начале 1943 года (точную дату не берусь установить), в один из моих приездов из Варшавы в Берлин, меня вызвал по телефону А. С. Казанцев.*)

Я явился в концелярию на Виктория штрассе 10, где АСК предложил мне нарисовать несколько проектов нарукавного знака для будущей Русской Освободительной Армии.

В течении следующей же ночи я нарисовал на листе рисовальной бумаги 9 проектов знака в натуральную величину, все на базе цветов русского национального флага — белого, синего и красного.

На следующее утро рисунок был передан А. С. Казанцеву.

Дней через 4-5, опять я был вызван на Виктория штрассе 10, где в канцелярии сидели Андрей Андреевич, Казанцев и капитан Корф. На столе лежал, весь исчерканный химическим синим карандашом мой рисунок.

Каждый знак был накрест перечеркнут собственноручно министром Восточных областей Розенбергом.

Генерал Власов смеется: — „Я бы оставил вот так, как есть. Русский флаг, перечеркнутый боящимся его немцем. Чтобы нам самим яснее было”.

Я рассказал тогда генералу, что у меня была идея нарисовать на каком либо проекте Андреевский флаг, но хотелось иметь русский национальный, бело-сине-красный. Решено было подать еще три проекта с Андреевским знаком, что я и нарисовал в тот же день.

Новый проект был подан на рассмотрение.

Не знаю, не знали немцы или забыли о том что Андреевский флаг был фактически русским боевым флагом, флагом русского флота, но знак с андреевским крестом был утвержден. Капитан Штрик-Штрикфельд рассказывал впоследствии, что немцы название „Андреевский флаг” считали происшедшим от имени Андрей Андреевича, а не от Апостола Андрея Первозванного.

Вскоре после этого, утвержденный знак был нашит на форму РОА.

А. Н. Родзевич
капитан РОА

*) А. С. Казанцев, зам. ред. газеты К. О. Н. Р.-а „Воля народа”.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие:	5
Introduction	7
Материалы и Документы	
П. Огин, Б. Король-Командир передовой дивизии	11
О присвоении воинских званий высшему начальствующе- му составу Красной Армии	15
О присвоении воинских званий высшему начальствующе- му составу Красной Армии	16
Указ Президиума Верховного Совета СССР	17
Институт Марксизма о ген. Власове	18
Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы ..	19
Я. Милецкий — Войска ген. Власова развивают успех ..	20
Как был взят в плен ген. Власов	22
Кредитное соглашение	24
За Новую Свободную Россию	26
Школа политических бойцов	27
Временное положение о Союзе Молодежи Народов Рос- сии при КОНР	30
Письмо ген. Меандрова	41
О решении Всеказацкого Съезда	43
Приказ Вооруженным силам КОНР	44
Переписка ген. А. И. Деникина с ген. Айзенгауером и се- натором Ванденбергом по поводу насильственной ре- патриации	45
Дневники и Воспоминания	
Юрий Жеребков — Предполагающееся обращение ген. Власова к ООН	51
А. Г. Алдан (Нерянин) — Кто я?	53
Юр. Корейский — Поездка в Верхнюю Силезию	62
Бежецкий — Немецкий шпион под судом РОА	72
Н. Н. Краснов — Власовцы в Советском Союзе	78
И. Эренбург — Люди, годы, жизнь	91

М. Ф. Лукин, ген.-лейт. — Мы не сдаемся, товарищ Генерал!	97
К. Попов, инж. подполк. — История возникновения и развития вспомогательных войск КОНР	116
Статьи и Сообщения	
Ф. Богатырчук — 20 лет Пражского Манифеста	144
Ю. Письменный — Об одном вопросе, связанном с Манифестом	151
К. Кромиади — К истокам Освободительного Движения.	155
И. Эренбург — Перед весной	159
Обзоры, Заметки и Хроника	
Архив РОА	163
Переписка с генералиссимусом Чан Кай-Ши	167
РОА по телевидению в США	171
Письмо полк. Артемьева	173
О знаке Р. О. А.	174